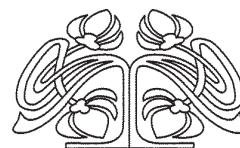

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Черемисинов Г. А. Столетие мобилизационного развития
российской экономики 368

Красильников О. Ю. Воспроизводственная динамика
информационного сектора экономики 390

Максимов В. А. Экономический патриотизм: поиск микро-
и макроэкономических оснований на фоне современного
российского кризиса 398

Порезанова Е. В. Ограничения модернизационного развития
экономики России 403

Сенокосова О. В. Трансформация институциональной матрицы
рынка труда России 408

Челнокова О. Ю. Модели инновационного роста экономики 413

Синдюков Д. Ф. Сравнительный анализ рынков труда
Европейского союза и Российской Федерации 418

Управление

Трубицын А. Р., Трубицына Т. И. Механизм взаимодействия
собственности и инвестиций в современной России 422

Федоляк В. С. Саморазвитие регионов как способ реализации
экономического потенциала 428

Оберт Т. Б. Формирование конкурентной среды в современной
российской экономике 434

Леванова Л. Н. Общее и частное в раскрытии информации
российскими корпорациями 439

Право

Туманов С. Н. Глобальная информатизация как содержание
и средство реализации внешних функций государства 445

Тихонова С. В. На пути к политико-правовому развитию
информационного общества: «Стратегия развития информационного
общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.» 452

Амелин Р. В. Презумпция достоверности информации
в государственных информационных системах 458

Мильшина И. В. Административные инструменты государственного
регулирования экспорта (на примере нефти и нефтепродуктов) 465

Куликова С. А. Уголовно-правовая защита законной
профессиональной деятельности журналистов:
вопросы теории и практики 470

Анохина А. А. Роль президента по охране суверенитета,
независимости и государственной целостности в зарубежных странах 477

Журнал включен в Перечень рецензи-
руемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени
доктора наук (группы научных специ-
альностей: 08.00.00 – экономические
науки; 12.00.00 – юридические науки)

Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном
каталоге «Пресса России» 36012,
раздел 30 «Научно-технические из-
дания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

**Адрес учредителя, издателя
и издательства:**
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 25.11.17.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 171-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на большой срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@gambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Cheremisinov G. A.** Century of Mobilization Development of the Russian Economy 368
- Krasilnikov O. Yu.** Reproductive Dynamics of the Information Sector of the Economy 390
- Maximov V. A.** Economic Patriotism: Search for Micro- and Macroeconomic Justification Against the Background of Contemporary Russian Crisis 398
- Porezanova E. V.** Limitations of the Modernization of Russia's Economic Development 403
- Senokosova O. V.** Transformation of the Institutional Matrix of the Labor Market of Russia 408
- Chelnokova O. Yu.** Model for Innovative Growth 413
- Sindyukov D. F.** Comparative Analysis of the Main Development's Trends of European and Russian Labour Markets 418

Management

- Trubitsin A. R., Trubitsina T. I.** Interaction Mechanism of Property and Investments in Current Russia Economy 422
- Fedolyak V. S.** Regions Self-development as Way of Realization of Economic Potential 428
- Obert T. B.** The Formation of a Competitive Environment in the Modern Russian Economy 434
- Levanova L. N.** General and Private in Disclosure of Information by Russian Corporations 439

Law

- Tumanov S. N.** Global Informatization as the Content and Means of Realization of External Functions of the State 445
- Tikhonova S. V.** On the Path to Political-Legal Development of the Information Society: "The Strategy of Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030" 452
- Amelin R. V.** Presumption of Information Reliability in State Information Systems 458
- Milshina I. V.** The Administrative Instruments of State Regulation of Export (for Example Oil and Oil Products) 465
- Kulikova S. A.** Criminal Defense of the Legal Professional Activities of Journalists: Theoretical and Practical Issues 470
- Anokhina A. A.** The President's Role in Preserving Sovereignty, Independence and National Integrity in Foreign Countries 477

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, Ph.D, доктор философии, профессор (Вайоминг, США)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенойт Уильям, Ph.D, доктор политологии, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, Ph.D, доктор философии, профессор (Уланбаатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, Ph.D, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, Ph.D, доктор философии, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисин Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, Ph.D, доктор философии, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

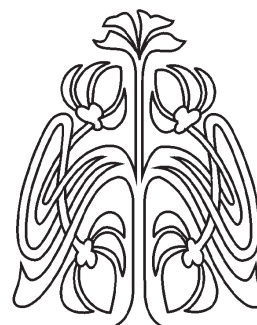
Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Vitali N. Khrustaluvov (Saratov, Russia)
Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

УДК 330.3

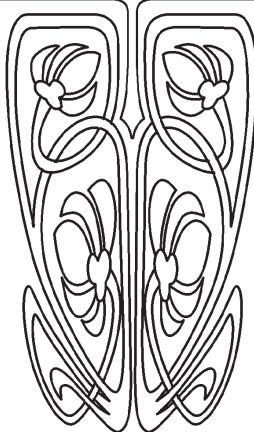
СТОЛЕТИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. А. Черемисинов

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, cheremisinov@inbox.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Исследуется устойчивая вековая тенденция мобилизационного развития экономики России с начала Первой мировой войны в 1914 г. Излагаются основные теоретико-методологические предпосылки выдвигаемой научной гипотезы: мобилизация экономики как результат государственного предпринимательства, ограничивающего долю потребления и увеличивающего долю сбережения в составе валового продукта страны. **Теоретический анализ.** Анализируется динамика статистических показателей мобилизационного развития российской экономики – долей потребления и накопления в национальном (народном) доходе, долей потребления и сбережения в валовом внутреннем продукте – на хронологически последовательных исторических интервалах.

Результаты. Объясняется последовательное чередование в течение столетия трех моделей российской экономики: военно-мобилизационной, инвестиционно-мобилизационной и рентно-мобилизационной. Доказывается, что траектория мобилизационного развития экономики России/СССР обуславливалась ее полупериферийным статусом в международном разделении труда, а вектор государственного предпринимательства определялся намерением правящей власти войти в группу передовых стран. **Заключение.** Дана оценка рентно-мобилизационной модели современной экономики России как аномального состояния, типичного для периферийных стран.

Ключевые слова: мобилизационное развитие экономики, государственное предпринимательство, национальный доход, валовой внутренний продукт, накопление, сбережение, инвестиции, макроэкономическая статистика, миросистемный анализ, история экономики России.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389

Введение

Следующие одна за другой знаменательные исторические даты – четверть века с момента распада СССР и начала рыночных реформ в Российской Федерации и столетие Октябрьской революции – дают повод для плодотворных научных дискуссий и обогащения экономической мысли.

Современной российской экономической науке предстоит преодолеть аномальную ситуацию двух разрывов нашей истории, в начале и конце XX столетия. Первое размежевание времен произошло в эпоху революций и Гражданской войны. Другой отрыв настоящего от прошлого возник в процессе перестройки советской экономики на рыночный лад. Эти исторические разрывы рассекли развитие российского хозяйства и отечественной экономической мысли на три отрицающих друг друга периода.

Понимание тенденций общественного развития оказывается половинчатым, если оно довольствуется только противопоставлением предшествующего периода последующему и не выявляет

закономерной взаимосвязи между ними. Признание исторической преемственности устраняет внутреннюю надломленность экономической теории. Нам нужна единая, целостная наука, способная критически переосмысливать и включать в себя весь прошлый опыт. Одним из продуктивных подходов к созданию обобщающей теории отечественной экономики может быть изучение закономерностей ее мобилизационного развития в XX–XXI вв., раздвигающее временной интервал за пределы, очерченные Октябрьской революцией 1917 г. и распадом СССР в 1991 г.

Немногим более ста лет прошло с момента вступления России в Первую мировую войну, радикально изменившую историю экономики нашей страны. Развернувшаяся с 1914 г. мобилизация российского народного хозяйства положила начало вековой тенденции (столетнего тренда). Исследование необычной устойчивости мобилизационного развития отечественной экономики почти на всем протяжении истекшего столетия имеет научный интерес и предполагает постановку и решение ряда теоретико-методологических проблем:

- уточнение параметров мобилизационного развития экономики, характеризующегося соотношением потребления и сбережения (накопления) в структуре макроэкономических показателей: ВВП, валового национального продукта, чистого валового продукта, национального (народного) дохода;

- обоснование научной гипотезы о государственном предпринимательстве, определяющем траекторию и качество развития экономики России посредством использования хозяйственных ресурсов и формирования макроэкономических пропорций между сбережением, накоплением и потреблением;

- сопоставление и интерпретация статистических исчислений по хронологически последовательным интервалам рассматриваемого столетия;

- достоверность научной обработки данных, заимствованных из разных источников, в условиях отсутствия сплошных статистических наблюдений по годам и единой методики расчета показателей в известные временные периоды, изменений территории нашей страны и преобразований ее социально-экономической системы;

- верификация гипотезы об активной роли государственного предпринимательства в вековой мобилизации экономики России на основе концептуальных положений миросистемного анализа о взаимосвязи вектора экономического развития страны с изменениями ее позиции в международном разделении труда;

- выявление закономерностей эволюции и трансформаций российской экономики, типологическая характеристика периодов и моделей ее мобилизационного развития.

Проблема мобилизации или функционирования в мобилизационном режиме российской экономики понимается широко и не сводится к укреплению обороноспособности страны, деятельности оборонно-промышленного комплекса, подготовке народного хозяйства к обеспечению ведения военных действий. Мобилизация – это приведение в движение, активизация хозяйственной жизни.

Критерием мобилизационного развития экономики страны может служить соотношение потребления и сбережения (накопления) в структуре макроэкономических показателей: ВВП, валового национального продукта, чистого валового продукта, национального (народного) дохода. Потребление – это сравнительно консервативный компонент валового продукта, обеспечивающий в основном простое воспроизводство. Сбережение (накопление) формирует активный компонент, предполагающий изменение объема и структуры воспроизводства валового продукта. Доля (норма) сбережения (накопления) в валовом продукте служит показателем активности, мобилизации экономики. Поскольку сбережения представляют собой ресурсы, которые не используются на потребление, постольку мобилизация экономики характеризуется ограничением потребления.

На протяжении большей части исследуемого столетнего интервала отечественная статистика исчисляла показатель народного (национального) дохода, а с 1990-х гг. предпочтение отдано показателю ВВП. В составе национального дохода выделяют фонд потребления и фонд чистого (без учета амортизации основного капитала) накопления. В сбережениях же учитывается валовое накопление капитала. Поэтому при исчислении показателя национального дохода с ним корректнее сопоставлять показатель чистого накопления капитала, получая показатель доли накопления, а о показателе доли сбережений (нормы валового накопления) можно судить по экспертным оценкам, которые определяют долю амортизации основного капитала в валовом внутреннем продукте, как правило, в интервале 10–15%.

В структуре ВВП выделяют валовое сбережение и потребление. Определение сбережения представлено следующими формулами:

$$\begin{aligned} \text{Сбережения} &= \\ &= \text{Валовой внутренний продукт} - \text{Потребление}; \\ \text{Сбережения} &= \text{Валовое накопление (инвестиции)} + \\ &+ (\text{Экспорт} - \text{Импорт}); \end{aligned}$$

Сбережения = Инвестиции + Чистые денежные накопления.

Формирование суверенных фондов также означает принудительное сбережение части ВВП.

Существует проблема неоднозначности определения понятия «потребление», к которому в статистике вместе с личным потреблением относят и государственное потребление, включающее расходы не только на социально-экономические нужды, но и на содержание государственного аппарата и силовых структур.

Указанная неопределенность усугубляется отсутствием сплошных статистических наблюдений по годам и единой методики расчета показателей в разные периоды заявленного векового интервала, изменениями территории нашей страны и преобразованиями ее социально-экономической системы. Названные проблемы ограничивают исследование столетия мобилизационного развития российской экономики форматом нестрогой рабочей гипотезы, предусматривающей теоретико-методологическое обоснование и статистическую проверку.

В историко-экономических исследованиях равно правомерны взаимодополняющие подходы. Во-первых, описание и моделирование особенностей развития хозяйственных систем в конкретные исторические периоды. Во-вторых, поиск общего среди различий, выявление повторяющихся, закономерных причинно-следственных связей, определение особенного, конкретного хозяйственного опыта как разновидности более общей модели экономической системы или как этапа более длительного периода исторического развития.

Признание российской экономики частью мировой хозяйственной системы и директивно-плановой экономики Советского Союза оригинальной разновидностью рыночного хозяйства [1, 2] обеспечивает единство теоретико-методологических предпосылок исследования на всем столетнем хронологическом пространстве.

Закономерности становления, существования и преобразования директивно-плановой экономики СССР сложно объяснить в рамках мейнстрима, стандартной, неоклассической теории рыночного либерализма, поскольку государство в ней выступает производным от рыночного обмена субъектом. Более продуктивной оказывается альтернативная методологическая предпосылка, согласно которой государство – главный субъект в национальной экономике.

Вековая мобилизация экономики России была, прежде всего, результатом деятельности ее государственного аппарата, мотивы поведения которого характеризует концепция государствен-

ного предпринимательства. Постановка вопроса о государственном предпринимательстве как типологическом признаке развития экономики России, по крайней мере, с эпохи Петра I [3], раздвигает временной горизонт, включая в него и рассматриваемое столетие.

Научное исследование может опираться на ряд теоретико-методологических предпосылок [1, с. 25–43]. Под государственным предпринимательством понимается деятельность, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленная на расширение кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входят непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешне-экономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы).

Важнейший механизм централизованного регулирования экономики, объединяющая основа и главный фактор формирования сферы государственного предпринимательства – бюджет. Размеры и характер обращения бюджетных ресурсов, стремление к их умножению обуславливают господство государственного аппарата в экономической системе страны. От состояния бюджета зависит функционирование народного хозяйства. В свою очередь, финансовые ресурсы государства определяются конъюнктурой национальной и мировой экономики. Перемены в бюджетной сфере взаимосвязаны с серьезными общественными преобразованиями. Деграция государственных финансов может сопровождаться деграцией народного хозяйства, пересмотром экономической политики правительства, сменой правящей власти, трансформацией политико-экономической и социальной систем, изменениями территории и государственного устройства страны.

Чрезвычайные изменения количества ресурсов, вовлекаемых в оборот государственного предпринимательства, как правило, сопровождаются соответствующими переменами в фундаментальных условиях общественного воспроизводства: отношениях собственности, колебаниях конъюнктуры, режимах функционирования регуляторов рыночного равновесия, хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении. Желание увеличить объем контролируемых и исполь-

зуемых хозяйственных ресурсов побуждает правящую власть ограничивать доходы и имущество владение граждан, подавлять интересы и изменять социальный статус различных групп населения, ужесточать условия проявления частной хозяйственной инициативы.

Чем активнее государственный аппарат участвует в воспроизводственных процессах сбережения, накопления и потребления, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализуются функции частно-рыночной самонастройки хозяйства. Преодоление государственным предпринимательством пороговых уровней воздействия на экономику приводит к качественным изменениям ее элементов. Предпринимательская экспансия правящей бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

Траектория развития и качество роста (падения) народного хозяйства зависят от размеров и динамики государственного предпринимательства. Ключевыми параметрами социально-экономического развития служат пропорции между потреблением и накоплением в национальном (народном) доходе или потреблением и сбережением в ВВП, доля централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования.

Теоретико-методологические предпосылки концепции государственного предпринимательства подтверждаются анализом макроэкономической динамики и верификацией рабочей гипотезы о мобилизационном развитии российской экономики на протяжении последних ста лет.

Теоретический анализ

Используемые в настоящей статье статистические данные и показатели заимствованы из разных источников: статистических сборников, расчетов специалистов, экспертных оценок. Отсутствие однообразия предполагает интерпретацию и сопоставление отличающихся значений показателей по разным временным периодам.

Исходным пунктом для сравнительного анализа выбраны условия функционирования российской экономики в начале XX в., когда статистические исследования и расчеты макроэкономических показателей только начинались и были спорадическими. А. Л. Вайнштейн отмечал, что работы С. Н. Прокоповича были первыми и единственными до революции исчислениями народного дохода за 1900 и 1913 гг., соответствующими правильному пониманию этой категории как чистой продукции материального производства страны, и эти расчеты послужили

для ЦСУ СССР отправным пунктом большинства сопоставлений с дореволюционным периодом [4, с. 60].

С. Н. Прокопович определял норму чистого накопления перед началом Первой мировой войны на основе экспертных оценок специалистов, соотнося названную ими величину национального накопления капитала с суммой народного дохода в 16,4 млрд руб., полученной в результате собственных подсчетов. В. И. Гриневецкий оценил капиталобразующую способность России примерно в 1 млрд руб. в год, что составляло 6,1% народного дохода. М. Н. Соболев определил национальное накопление в 1913 г. в 1,5 млрд руб., народный доход – в 15 млрд руб. и норму накопления – в 10%. По отношению к 16,4 млрд руб. народного дохода 1,5 млрд руб. накоплений составляли 9,2% [5, с. 335, 336].

Критически пересматривая выкладки М. Н. Соболева, А. Л. Вайнштейн определил накопление производственных и основных непроизводственных фондов в 1913 г. суммой около 2,3 млрд руб., что соответствовало доле накопления в 14% по отношению к народному доходу в 16,4 млрд руб. Автор пояснил, что исчисления по методу «видимого денежного накопления» были преуменьшены из-за большой доли натурального и мелкотоварного хозяйственных укладов и что народнохозяйственное накопление в предреволюционной России было значительно больше, чем полагали многие экономисты и статистики [6, с. 424, 425].

Фундаментальные статистические исследования А. Л. Вайнштейна получили международное признание и послужили базой для исчислений чистого национального продукта России за 1894–1913 гг., выполненных П. Грегори. Данные американского исследователя по публикации 1982 г. приводил В. И. Бовыкин, показывая структуру распределения чистого национального продукта России в 1909–1913 гг.: конечное потребление составило 86,8%, из них 77,4% – личное потребление и 9,4% – правительственные расходы; внутреннее накопление составило 13,2%, из них 11,8% – чистое накопление капитала и 1,4% – чистый экспорт [7]. В более поздней публикации П. Грегори представлены иные пропорции распределения чистого национального продукта России в 1909–1913 гг.: конечное потребление составило 87,8%, из них 78,1% – личное потребление и 9,7% – правительственные расходы; внутреннее накопление составило 12,2%, из них 10,8% – чистое накопление капитала и 1,4% – чистый экспорт [8, с. 65].

Таким образом, доля чистого накопления в народном доходе России начала XX в. определялась специалистами в интервале от 6 до 14%. Раз-

брос значений в оценках макроэкономического параметра во многом был обусловлен разными методами исчисления соотношения потребления и накопления (сбережения) в денежной и натуральной форме, которая приобрела исключительное значение в военные годы.

Наиболее достоверной «прикидкой» для Первой мировой войны признаются показатели структуры народного дохода, исчисленные С. Н. Прокоповичем на основе индексов сокращения продукции сельского хозяйства и про-

мышленности и их соотносительных удельных весов в производстве, с учетом отторжения части территории и населения страны. Объемы продукции и народного дохода, рассчитанные в золотых (полноценных) рублях и неизменных ценах 1913 г., не нуждаются в поправках на обесценение денежной единицы в военное время [4, с. 73, 74]. Данные табл. 1 показывают, что мобилизация российской экономики более чем вдвое уменьшила фонд потребления населения и более чем вдвое увеличила долю сбережения в народном доходе.

Таблица 1 / Table 1

Структура использования народного дохода России в 1914–1917 гг.

The structure of the use of the national income of Russia in 1914–1917

Годы	Народный доход, млрд руб.	Потребление населения		Военные расходы	
		Всего, млрд руб.	Доля в народном доходе, %	Всего, млрд руб.	Доля в народном доходе, %
1914/15	15,8	11,5	72,8	4,3	27,2
1915/16	13,9	8,2	59,0	5,7	41,0
1916/17	12,2	5,1	41,8	7,1	58,2

Рассчитано по: [9, с. 133, 174].

По мнению С. Н. Прокоповича, фонд накопления мог обеспечить не более 15–20% военных расходов, которые покрывались, главным образом, «за счет потребительного фонда народа», а принудительное сокращение народного потребления могло быть достигнуто только вы-

пуском кредитных билетов и обесценением рубля [9, с. 138]. Увеличение расходов государства на войну и неограниченный выпуск бумажных денег сопровождались разложением сферы денежного обращения и казенных финансов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Финансовые и кредитно-денежные показатели России в 1911–1917 гг.

The financial and monetary indicators of Russia in 1911–1917

Годы	Обычные доходы бюджета, млн руб.	Обычные расходы бюджета, млн руб.	Чрезвычайные доходы бюджета*, млн руб.	Чрезвычайные расходы бюджета, млн руб.	Сальдо бюджета, млн руб.	Количество наличных денег в обращении, млн руб.	Индекс оптовых цен
1911	2952	2536	–	310	106	2100	101,6
1912	3106	2722	–	449	-65	2244	107,9
1913	3240	3012	–	238	-10	2393	107,0
1914	3521	3302	1438	1656	1	3675	108,1
1915	2898	3408	10 302	8815	977	6397	139,1
1916	4154	4236	9566	14 553	-5069	9992	217,2
1917	–	–	–	40 000	–	28 378	720,1

Примечание. * займы, средства банков, правительственных и общественных учреждений. Рассчитано по: [10, с. 35; 11, с. 26, 61; 12, с. 356–359, 468, 617; 13, с. 166, 221; 14, с. 12, 16, 71].

Воздействие военного государственного предпринимательства вызывало пороговые изменения экономики – трансформации хозяйственного механизма, социальной структуры, динамики конъюнктуры. В 1916 г. расходы российского правительства превысили предельную нагрузку

на бюджетные ресурсы. Кассовый дефицит бюджета превзошел величину его обычных доходов. Государственные финансы перешли в новое качественное состояние – планирование бюджета потеряло смысл. Извлечение ресурсов из экономики посредством эмиссии зависело от

соотносительной динамики количества денег в обращении и цен. Темпы роста оптовых цен с 1916 г. начали опережать темпы роста наличной денежной массы. Эффективность эмиссионных операций снизилась, а кризисное падение экономики ускорило. Процессы ее разрушения стали необратимыми на несколько лет вперед.

Доходы государства падали быстрее, чем растрчивались производительные силы державы. Утрата финансовой мощи повлекла за собой ослабление и смену политической власти в ходе двух революций 1917 г. Короткую мирную передышку России после Октябрьской революции оборвала Гражданская война, которая полыхала с 1918 по 1920 г. на Европейской территории и по 1922 г. на Дальнем Востоке страны. Советское правительство вынужденно продолжило мобилизацию и реформирование отечественной экономики.

Становление военно-мобилизационной модели государственного предпринимательства с 1914 г. инициировалось кумулятивными процессами, которые взаимно обуславливали друг друга, образуя порочный круг. Непроизводительное потребление и прямое уничтожение производительных сил истощали резервы основного и оборотного капитала, сокращали производство валового национального продукта. Правящая власть усиливала воздействие на экономику, дабы извлечь из ее оскудевавших ресурсов необходимые средства для покрытия нараставших военных расходов.

Методы хозяйственного регулирования и распределения ресурсов влияли на российское народное хозяйство сильнее, чем убытки от войны. Расстройство финансов, займы и эмиссии, директивное управление подавляли частную инициативу, разрушали рыночные механизмы регулирования экономики. Инфляция разрывала торгово-товарные связи, ускоряла падение объемов производства, обесценивала денежные доходы, обостряла ситуацию бюджетного дефицита. Сокращение притока ресурсов в казну всякий раз побуждало правительство уменьшать потребление населения и производительный капитал. Растрата стратегических резервов и потеря управляемости народного хозяйства открывали очередной цикл его огосударствления [15, с. 48–103].

Усилия трех правительств превратили российскую экономику в чрезвычайную. Самодержавие финансировало военные расходы преимущественно за счет займов. Временное правительство для оплаты войны максимально воспользовалось эмиссией денег. Советской власти пришлось воевать, прибегая к национализации и прямому присвоению хозяйственных

ресурсов. Д. В. Кузовков верно указывал, что запасы и товарные фонды промышленности вместе с продразверсткой в 1918–1920 гг. сослужили пролетарскому государству большую службу, чем огромный золотой фонд самодержавия. Такой материальной базы не имели белогвардейские правительства [16, с. 28].

Мобилизация российской экономики завершилась почти всеобщим ее огосударствлением и натурализацией. Ускорение инфляционного обесценивания рубля и расширение прямого продуктообмена трансформировали денежный бюджет в материальный. За счет эмиссии денег правящая власть присвоила ценностей в 1918 г. на сумму 536,2 млн руб., в 1919 г. – 224,6 млн руб., в 1920 г. – 122,0 млн руб. [14, с. 276], а при помощи продовольственной разверстки в 1918/19 г. – 127 млн руб., в 1919/20 г. – 253 млн руб., в 1920/21 г. – 451 млн руб. (золотом) [17, с. 123].

О структуре народного дохода России по окончании Гражданской войны можно судить по разрозненным оценкам некоторых авторов. По мнению Л. Н. Крицмана, народный доход нашей страны в 1920 г. не превышал 40% от уровня 1913 г. Фонд личного потребления не обеспечивал даже простого, по довоенным нормам, восстановления рабочей силы. Полностью исчез фонд накопления. Продолжалось «проедание» основного и оборотного капитала [17, с. 137]. Эксперты-экономисты оценивали величину народного дохода России в 1921 г. в интервале от 4 до 5 млрд руб. С. Н. Прокопович остановился на сумме 4,5 млрд руб., а народный доход на душу населения определил в 38,1% от уровня 1913 г. [18, с. 118, 119].

К анализу такой ситуации применимо оценочное суждение Г. Мюрдаля: «...где “недоедание” в широком масштабе является нормой, основное разграничение между инвестициями и потреблением теряет смысл, а строящиеся на нем рассуждения неуместны и необоснованны. Более высокое потребление образует “инвестиции”, то есть увеличивает продукцию, и в то же время остается потреблением. Производительность такого “инвестирования” в форме потребления меняется в зависимости от размера дополнительного потребления, его продолжительности, направления, компонентов и скорости его изменения. Дополнительные сбережения в смысле сокращения потребления, навязываемые населению с пониженными уровнями потребления, таким образом, окажутся своеобразным “деинвестированием” в более широком значении» [19, с. 608].

С завершением Гражданской войны прекратилось непомерное казенное изъятие ценностей и ресурсов из российской экономики.

Ради восстановления производительных сил страны государственная власть перешла в 1921 г. к новой экономической политике, отказалась на несколько лет от мобилизационного давления, понизив воздействие на отечественное народное хозяйство допорогового довоенного уровня.

В 1920–1930-е гг. исчисления народного дохода Советского Союза проводились эпизодически для служебного пользования. По данным баланса народного хозяйства СССР 1923/24 г., накопление ставило 815 млн червонных руб., или 6,8% от 11 966 млн руб. народного дохода [4, с. 92]. Удельный вес накопления в народном доходе, по расчетам В. Я. Железнова, достигал в 1924/25 г. – 8,6%, в 1925/26 гг. – 9,5% [20, с. 50].

Облегчение фискальной нагрузки создало условия экономического роста, возрождения частного предпринимательства, финансовой и

кредитно-денежной сферы, регуляторов и институциональной структуры многоукладного рыночного хозяйства.

Успехи в восстановлении объемов и структуры производства подвигли советское руководство к ускоренной индустриализации державы посредством мобилизации ресурсов для интенсивного накопления капитала. В годы первой пятилетки государственное предпринимательство вновь превысило пороговый уровень и трансформировало отечественную экономику.

Структура народного дохода, исчисленная А. Л. Вайнштейном по материалам балансов народного хозяйства СССР за 1928–1931 гг., представлена в табл. 3.

В литературе имеются иные оценки показателей за тот же период. Расчеты на их основе отражены в табл. 4.

Таблица 3 / Table 3

Структура национального дохода СССР в 1928–1931 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in 1928–1931 (in the prices of the respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход		Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление	накопление и прочие расходы	
1928	100	80,6	17,0	2,4
1929	100	80,4	16,1	3,5
1930	100	74,3	21,4	4,3
1931	100	69,7	27,4	2,9

Рассчитано по: [4, с. 98].

Таблица 4 / Table 4

Структура использованного национального дохода СССР в 1928–1932 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the used national income of the USSR in 1928–1932 (in the prices of respective years), %

Годы	Национальный доход	Потребление			Накопление		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			в продуктах промышленности	в продуктах сельского хозяйства		в продуктах промышленности	в продуктах сельского хозяйства
1928	100	85,2	59,8	25,4	14,8	10,0	4,8
1929	100	83,1	55,5	27,6	16,9	16,2	0,7
1930	100	75,8	45,0	30,8	24,2	25,3	-1,1
1931	100	66,3	40,1	26,6	33,7	32,3	1,4
1932	100	62,6	34,9	27,7	37,4	36,1	1,3

Рассчитано по: [21, с. 90–91; 22, с. 32, 99; 23, с. 400].

Пороговое изменение пропорции между накоплением и потреблением в народном доходе было обеспечено комплексным реформированием системы государственного управления экономикой и основных макросфер хозяйственного оборота: рынков товаров, труда, денег, капитала. Реформы 1929–1932 гг. изменили, но не ликвидировали рыночную организацию директивно-планового народного хозяйства СССР [24, с. 248–299].

Модель восстановления и экстенсивного роста экономики периода нэпа была преобразована в модель инвестиционно-мобилизационного роста; соответственно изменился режим функционирования государственного предпринимательства.

С 1930 г. норма чистого накопления в экономике СССР лишь в исключительных обстоятельствах опускалась ниже порогового уровня 23–25%. Инвестиционная экспансия государ-

ственного предпринимательства сдерживалась не только возможностями ограничения потребления населения и принудительного сбережения доходов, но и объективной необходимостью сбалансированного хозяйственного развития. Почти

четырёхкратное превышение довоенной нормы накопления в 1932 г. обернулось экономическим кризисом [24, с. 300–306]. Возникшие диспропорции заставили правительство ослабить мобилизационное давление, что видно из данных табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Структура национального дохода СССР в 1935–1938 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in 1935–1938 (in the prices of respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход				Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление			накопление и прочие расходы	
		всего	личное потребление	государственное потребление		
1935	100	74,9	69,0	5,9	24,2	0,9
1937	100	75,3	65,1	10,2	23,3	1,1
1938	100	78,3	67,0	11,3	18,9	2,8

Рассчитано по: [4, с. 109, 110].

Показатели структуры народного дохода, исчисленные А. Л. Вайнштейном по материалам балансов народного хозяйства СССР за 1935, 1937 и 1938 гг., говорят о снижении доли накопления и замещении инвестиций государственным потреблением (вероятно, военными расходами). Эта тенденция в полной мере проявилась в период Великой Отечественной войны.

Преобразование инвестиционно-мобилизационной модели народного хозяйства в военно-

мобилизационную модель в 1941–1942 гг. подготовило экономические условия победы СССР во Второй мировой войне. Советское правительство в 1941–1945 гг. использовало хозяйственный опыт первой пятилетки [25]. Доля военных расходов, судя по данным табл. 6 [26, с. 29], не достигла пороговой нормы накопления 1932 г. Всплеск затрат на войну финансировался за счет изменения структуры народного дохода – уменьшения долей потребления и накопления.

Таблица 6 / Table 6

Структура национального дохода СССР в 1940–1945 гг. (в ценах 1940 г.), %
The structure of the national income of the USSR in 1940–1945 (in the 1940 prices), %

Годы	Национальный доход	Потребление		Накопление		Военные расходы
		всего	в том числе военнослужащих	всего	в том числе прирост основных фондов	
1940	100	74	4	19	10	7
1942	100	69	13	4	3	27
1943	100	60	11	7	4	33
1944	100	61	11	15	7	24
1945	100	69	7	13	9	18

Военная мобилизация экономики СССР обеспечивалась централизацией и совершенствованием механизма ее директивно-планового регулирования, концентрацией хозяйственных ресурсов в руках государства, изменением условий организации и оплаты труда, расширением сферы натуральных распределительных отношений за счет сокращения сферы свободно-рыночного оборота, но не сопровождалась вырождением товарно-денежных связей в экономике.

Определение исторического места и типологическая характеристика директивно-плановой экономики нашей страны как разновидности рыночного

хозяйства, функционировавшего в специфических условиях и режимах, подтверждаются содержанием монографии председателя Госплана Советского Союза Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [27].

Подъем военного производства и изъятие весомой части доходов населения в государственные фонды обеспечили относительную устойчивость финансовой системы и денежного обращения СССР. Дефицит государственного бюджета имел место в 1941–1943 гг. (табл. 7), но не превысил 11%. Рост денежной массы за первые три года войны в 2,4 раза [27, с. 139] был меньше трех-

кратного увеличения количества денег за годы первой пятилетки [23, с. 404]. Денежное обра-

щение военного времени было больше объема товарооборота, но оставалось стабильным.

Таблица 7 / Table 7

**Структура государственного бюджета СССР в 1940–1945 гг., млрд руб.
The structure of the state budget of the USSR, 1940–1945, billion rubles**

Годы	Доходы государственного бюджета	Расходы государственного бюджета	Профицит (+), дефицит (-)
1940	180,2	174,4	+5,8
1941	177,0	191,4	-14,4
1942	165,0	182,8	-17,8
1943	204,4	210,0	-5,6
1944	268,7	264,0	+4,7
1945	302,0	298,6	+3,4

Рассчитано по: [28, с. 492; 29, с. 80].

Экономические потери СССР от войны были колоссальными. По оценке Н. А. Вознесенского, материальный ущерб за период Великой Отечественной войны составил 1890 млрд руб. в довоенных ценах, или 357 млрд долл. Ученый-практик доказывал, что переход к мирной экономике, ее быстрое восстановление и форсированный рост немыслимы без увеличения доли накопления в народном доходе за счет сокращения военных расходов. Повышение удельного веса тяжелой промышленности и транспорта в балансе народного хозяйства СССР, обеспечивающее технико-экономическую независимость нашей страны, постулировалось им как объективная необходимость осуществления основных законов расширенного социалистического воспроизводства [27, с. 162, 178, 179].

Иную точку зрения на состояние и перспективы развития послевоенной советской экономики излагал С. Н. Прокопович, ссылаясь на то, что в 1946 г. И. В. Сталин определил срок восстановления разрушенных территорий периодом 6–7 и более лет. По мнению статистика, плановое накопление за 1946–1950 гг. способно было возместить лишь треть потерь капитала страны в годы

войны. Размеры накопления – 26% народного дохода – в послевоенную пятилетку непосильны для населения Советского Союза [5, с. 348].

Есть доля истины в неоднозначных рассуждениях С. Н. Прокоповича о том, что производительные силы русского народа подорваны политикой покровительства развитию тяжелой (в том числе военной) промышленности, в жертву которой принесены насущные интересы населения и прочих отраслей народного хозяйства. Включение в производство средств производства военной продукции, «орудий разрушения», извращает смысл данных советской статистики. Только отказ от политики «догнать и перегнать» в экономическом развитии всей страны, освобождение Советского Союза от обязательства накапливать 27% народного дохода и неумеренного развития военной промышленности может дать русскому народу здоровое и быстрое развитие экономики и подъем материального уровня его жизни [5, с. 349, 353, 354].

Тяжесть бремени военных расходов СССР в середине прошлого века показывают данные табл. 8 [29, с. 81; 30, с. 141].

Таблица 8 / Table 8

**Военные расходы в структуре расходов государственного бюджета СССР в 1940–1950 гг.
The military expenditures in the structure of expenditures of the state budget of the USSR in 1940–1950**

Годы	Расходы государственного бюджета, млрд руб.	Военные расходы государственного бюджета, млрд руб.	Доля военных расходов в расходах государственного бюджета, %
1940	174,4	56,8	33,6
1941	191,4	83,0	43,4
1942	182,8	108,4	59,3
1943	210,0	125,0	59,5
1944	264,0	137,8	52,2
1945	298,6	128,8	42,9
1946	307,5	73,6	23,9
1950	413,2	82,8	20,0

Экспертная оценка сроков восстановления послевоенной экономики Советского Союза, высказанная С. Н. Прокоповичем, нашла свое необычное подтверждение в деятельности ЦСУ СССР. Ведомство не публиковало показатели народного дохода после 1940 г. почти двадцать лет. Впервые величины народного дохода за 1959 и 1960 гг. были обнародованы в статистическом ежегоднике ЦСУ СССР за 1960 г. Сквозные ряды величины и структуры глобального народного дохода за 1950–1965 гг. опубликовал журнал «Вестник статистики» в 1966 г. [4, с. 108].

А. Л. Вайнштейн сетовал, что во всех послевоенных публикациях ЦСУ СССР определение «народный» в сочетании с термином «доход» было без всякой мотивировки изъято и заменено прилагательным «национальный». Логика науч-

ных исследований требует, чтобы рассматриваемый показатель в разные периоды именовался одинаково. Неразумно было отказываться от термина «народный доход», бытовавшего в русской экономической литературе с конца XVIII в. [4, с. 25, 27].

Исчисления А. Л. Вайнштейна, представленные в табл. 9, говорят о возвращении отечественной экономики на траекторию интенсивного накопления капитала.

Данные табл. 10, заимствованные из статистических ежегодников ЦСУ, свидетельствуют, что инвестиционно-мобилизационное развитие экономики СССР продолжалось вплоть до его распада в 1991 г.

Во второй половине 1980-х гг. начались исчисления показателя валового национального продукта СССР (табл. 11).

Таблица 9 / Table 9

Структура национального дохода СССР в 1950–1967 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in the years 1950–1967
(in the prices of respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход		Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление	накопление и прочие расходы	
1950	100	76,1	23,9	0
1951	100	74,6	25,5	-0,1
1952	100	73,8	26,3	-0,1
1953	100	74,6	25,0	0,4
1954	100	76,3	22,8	0,9
1955	100	73,6	25,5	0,9
1956	100	71,6	27,2	1,2
1957	100	75,1	23,4	1,5
1958	100	72,1	27,1	0,8
1959	100	71,4	26,1	2,5
1960	100	72,1	26,4	1,5
1961	100	70,7	28,1	1,2
1962	100	71,4	27,3	1,3
1963	100	73,5	25,1	1,4
1964	100	71,9	27,2	0,9
1965	100	72,5	25,9	1,6
1966	100	72,3	26,1	1,6
1967	100	72,0	26,4	1,6

Рассчитано по: [4, с. 110].

Таблица 10 / Table 10

Структура использованного национального дохода СССР в 1959–1990 гг. и Российской Федерации в 1991–1994 гг. (в ценах соответствующих лет), %**The structure of the used national income of the USSR in 1959-1990 and the Russian Federation in 1991-1994 (in the prices of respective years), %**

Годы	Национальный доход	Потребление		Накопление и прочие расходы
		всего	в том числе личное потребление	
1959	100	73,2	66,6	26,8
1960	100	73,2	65,8	26,8
1961	100	71,8	64,0	28,2
1962	100	71,2	64,6	27,7
1963	100	71,2	63,2	28,7
1964	100	72,6	64,3	27,4
1965	100	73,9	65,1	26,1
1966	100	72,3	64,2	26,1
1967	100	71,9	63,9	26,3
1968	100	71,6	63,6	26,5
1969	100	71,5	63,4	26,5
1970	100	70,5	62,3	29,5
1971	100	69,8	61,6	28,6
1972	100	71,9	63,2	27,2
1973	100	70,2	61,3	28,9
1974	100	70,7	61,6	27,7
1975	100	73,4	–	26,6
1976	100	73,0	–	27,0
1977	100	73,2	–	26,8
1978	100	73,2	–	26,8
1979	100	74,8	–	25,2
1980	100	76,1	65,6	23,9
1981	100	76,4	–	23,6
1982	100	73,8	–	26,2
1983	100	73,3	–	26,7
1984	100	72,8	–	27,2
1985	100	73,6	62,8	26,4
1986	100	74,2	63,1	25,8
1987	100	75,4	63,8	24,6
1988	100	75,2	63,5	24,8
1989	100	75,7	64,0	24,3
1990	100	79,3	67,5	20,7
1991	100	60,4	49,7	39,6
1992	100	60,2	46,4	39,8
1993	100	82,8	63,5	17,8
1994	100	84,9	69,7	15,1

Рассчитано по: [31, с. 578; 32, с. 535; 33, с. 565, 566; 34, с. 380; 35, с. 411; 36, с. 14; 37, с. 268].

Таблица 11 / Table 11

Структура валового национального продукта СССР в 1985–1990 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the gross national product of the USSR in 1985–1990 (in the prices of respective years), %

Годы	Валовой национальный продукт	Расходы конечных потребителей			Валовое накопление
		всего	в том числе		
			домашних хозяйств	государственных учреждений	
1985	100	68,0	48,1	19,9	32,0
1986	100	68,0	47,8	20,2	32,0
1987	100	68,5	47,6	20,9	31,5
1988	100	67,6	47,5	20,1	32,4
1989	100	67,7	47,8	19,9	32,3
1990	100	69,9	50,2	19,7	30,1

Рассчитано по: [36, с. 9].

Обоснованность суждений о мобилизации ресурсов на инвестиционные нужды подтверждается расчетами долей национального дохода,

чистого и валового накопления в валовом национальном продукте СССР, оформленными в виде табл. 12.

Таблица 12 / Table 12

Соотношение компонентов валового национального продукта СССР в 1985–1990 гг., %
The ratio of the components of the gross national product of the USSR in 1985–1990, %

Годы	Валовой национальный продукт	Доля в составе валового национального продукта		
		национального дохода	чистого накопления	валового накопления
1985	100	73,9	19,5	32,0
1986	100	72,1	18,6	32,0
1987	100	71,0	17,4	31,5
1988	100	70,7	17,5	32,4
1989	100	70,6	17,2	32,3
1990	100	70,4	14,5	30,1

Рассчитано по: [36, с. 9, 13].

Соотношение компонентов ВВП и национального дохода Российской Федерации в 1990–1994 гг. иллюстрирует табл. 13. После 1994 г. Росстат прекратил публикации данных о национальном доходе страны. По-

этому дальнейшее хронологическое исследование мобилизационного развития российской экономики опирается на показатели доли валового сбережения и ее компонентов в ВВП.

Таблица 13 / Table 13

Соотношение компонентов валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1990–1994 гг., %
The ratio of the components of the gross domestic product of the Russian Federation in 1990–1994, %

Годы	Валовой внутренний продукт	Доля в составе валового внутреннего продукта			
		национального дохода	чистого накопления	валового накопления	чистого экспорта
1990	100	66,5	14,7	30,3	0,2
1991	100	73,5	29,1	38,0	0,3
1992	100	68,1	27,1	34,9	15,1
1993	100	63,7	11,3	26,8	13,1
1994	100	66,5	9,9	25,8	4,6

Рассчитано по: [38, с. 250, 263].

В директивно-плановой экономике СССР в условиях хронического товарного дефицита функционировал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически: нарастала во время подъема конъюнктуры и уменьшалась с ослаблением инвестиционной активности. Темпы экономического роста падали по мере распространения недостатка товаров. При достижении критического уровня дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций происходило всеобщее повышение некоммерчески заниженных цен. Периодические пересмотры оптовых цен и тарифов: в 1936 г., 1939 г., 1949–1955 гг., 1966–1967 гг., 1973–1974 гг., 1982 г. – в течение полувека определяли среднесрочный ритм развития отечественного хозяйства. Временное восстановление частичного рыночного равновесия создавало условия для очередного циклического инвестиционного подъема хозяйственной конъюнктуры.

Советская директивно-плановая экономика была способна к эволюции в исторической перспективе. Попытки ее реформирования предпринимались в 1965 г., на рубеже 1970-х и 1980-х гг. Провозглашение политики перестройки в 1985 г. означало лишь исчерпание резервов инвестиционно-мобилизационной модели развития экономики Советского Союза. Непосредственными причинами системного,

трансформационного социально-экономического кризиса и распада СССР в 1991 г., как и в случае революционных разрушений нашей державы в 1917 г., были чрезвычайный бюджетный дефицит и переход к необеспеченной денежной эмиссии.

Исходным пунктом обоих системных кризисов было ослабление бюджета в результате развертывания общегосударственной политики борьбы с пьянством. Антиалкогольные кампании императора России Николая II и президента СССР М. С. Горбачева внесли свой вклад в создание предпосылок революционных потрясений, развала и изменения основ государственности, катастрофической деградации отечественной экономики [1, с. 328–331].

После отмены казенной винной монополии и запрета продажи спиртных напитков в августе 1914 г. началось необратимое разрушение бюджета Российской империи. В 1914 г. винная монополия дала казне 935 млн руб., или 26% всех обычных доходов. В 1916 г. казенная продажа питей принесла всего 50 млн руб. дохода [39, с. 553, 562]. Потеря четверти бюджетных ресурсов в обстановке возрастающих военных расходов оказалась трагической.

Масштабы и скорость развития кризисных процессов в сфере финансов и денежного обращения на исходе существования СССР отражает табл. 14.

Таблица 14 / Table 14

Финансовые и кредитно-денежные показатели СССР в 1985–1990 гг. и России в 1991–1992 гг.
The financial and monetary indicators of the USSR in 1985–1990 and Russia in 1991–1992

Показатели	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	777,3	799,1	825,9	875,5	938,7	958,2	1300,1	18 086,0
Доходы бюджета, млрд руб.	367,7	366,0	360,1	365,1	384,9	410,1	316,4	5693,8
Расходы бюджета, млрд руб.	386,0	415,6	429,3	445,9	465,1	485,6	731,5	9754,5
Кассовый дефицит бюджета, млрд руб.	18,3	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1	4060,7
Наличные деньги в обращении (M0), млрд руб.	70,7	72,7	77,6	85,8	100,4	122,7	126,1	940,5
Индекс потребительских цен	100,0	101,3	102,8	103,6	106,5	113,8	305,0	7954,0
Денежная масса в обращении (M2), млрд руб.	377,0	393,2	439,4	502,5	575,4	663,1	750,2	4087,4
Индекс оптовых цен промышленности	100,0	101,0	101,5	102,4	104,1	107,3	255,3	5231,0

Рассчитано по: [40, с. 22, 23, 25].

Развертывание с 1985 г. «антиалкогольной кампании» уменьшило приток акцизных налогов от продажи вино-водочной продукции и практи-

чески «заморозило» на несколько лет обычные доходы государственного бюджета. Реализация инвестиционной политики «ускорения» и пере-

оснащения машиностроительного комплекса ввергла казенные финансы в состояние хронического дефицита, усугубленного расходами на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падением доходов от экспорта энергоносителей и проч. Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возрастал до 9% ВВП и покрывался в основном кредитными ресурсами. Финансовая экспансия увеличивала количество денег в обращении, провоцировала «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но союзное правительство еще контролировало ситуацию в экономике.

Финансовая сфера СССР оказалась в чрезвычайном положении в результате действий руководства РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший дефицит бюджетных доходов восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую

часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги. Утрата бюджетных ресурсов предопределила судьбу руководства державы во главе с М. С. Горбачевым и единого государства СССР.

Как и в 1916 г., в «предреволюционном» 1991 г. расходы российского правительства превзошли пороговый уровень, кассовый дефицит превысил абсолютную величину обычных доходов консолидированного бюджета. Темпы роста индексов оптовых и розничных цен превысили темпы роста показателей денежной массы. Правящая власть во главе с Б. Н. Ельциным отправила нашу экономику «по стопам» военно-коммунистического периода, к всеобщей деградации и распаду, вплоть до конца XX в. [1, с. 334–336].

Данные табл. 15 говорят о том, что либерально-рыночное реформирование, разрушившее директивно-плановую организацию экономики России, не уменьшило нормы сбережений, сохранило мобилизационный режим экономического развития страны. Лишь в годы неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры наблюдалось сокращение доли сбережений в ВВП.

Таблица 15 / Table 15

Структура валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1989–2015 гг.
(в ценах соответствующих лет), %

The structure of the gross domestic product of the Russian Federation in 1989–2015
(in the prices of respective years), %

Годы	Валовой внутренний продукт	Расходы конечных потребителей			Сбережения		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			домашних хозяйств	государственных учреждений		валовое накопление	чистый экспорт
1	2	3	4	5	6	7	8
1989	100	65,9	45,6	19,8	34,1	33,2	0,9
1990	100	69,5	47,7	20,9	30,5	30,3	0,2
1991	100	61,7	42,1	15,7	38,3	38,0	0,3
1992	100	50,0	33,8	14,3	50,0	34,9	15,1
1993	100	60,1	42,1	16,8	39,1	26,8	13,1
1994	100	69,6	44,1	22,5	30,4	25,8	4,6
1995	100	71,2	49,3	19,5	28,8	25,3	3,5
1996	100	71,4	48,8	20,2	28,6	24,5	4,1
1997	100	74,8	50,0	21,3	25,2	22,3	2,9
1998	100	76,6	54,6	18,7	23,4	16,2	7,2
1999	100	68,5	51,6	14,4	31,5	15,0	16,8
2000	100	62,5	46,1	14,4	37,5	17,1	20,4
2001	100	65,5	48,0	16,3	34,5	21,9	12,6
2002	100	69,0	50,2	17,6	31,0	20,3	10,7
2003	100	67,7	49,6	16,9	32,3	20,8	11,5
2004	100	67,0	49,3	16,9	33,0	20,9	12,1
2005	100	66,3	49,0	16,7	33,7	20,1	13,6

Окончание таблицы 15 / table 15

1	2	3	4	5	6	7	8
2006	100	66,1	48,2	17,4	33,9	21,2	12,7
2007	100	66,8	48,8	17,5	33,2	24,4	8,8
2008	100	65,7	48,0	17,2	34,3	25,2	9,1
2009	100	74,2	53,7	20,4	25,8	18,6	7,3
2010	100	69,6	50,5	18,5	30,4	22,5	7,9
2011	100	66,5	48,2	17,8	33,5	25,1	8,4
2012	100	67,1	48,1	18,5	32,9	25,7	7,2
2013	100	71,5	51,6	19,6	28,5	22,6	5,9
2014	100	72,4	53,4	18,7	27,6	21,1	6,6
2015	100	73,1	53,6	19,0	26,7	20,7	8,3

Рассчитано по: [38, с. 250; 41, с. 298; 42].

«Постсоветская» история явила еще одну, новую разновидность мобилизационного развития экономики России, предполагающую ее типологическую характеристику. В качестве постановки вопроса возможно введение в научный оборот дефиниции рентно-мобилизационной модели современной российской экономики. Имеются два повода к такому суждению. Во-

первых, создание условий для повышения доли чистого экспорта в ВВП. Во-вторых, формирование и расходование средств суверенных фондов государства, динамика которых отражена в табл. 16. Оба процесса означают присвоение рентных доходов, увеличение доли сбережений и уменьшение долей потребления и накопления в ВВП.

Таблица 16 / Table 16

Динамика средств суверенных фондов Российской Федерации* в 2004–2015 гг.
(в ценах соответствующих лет), % ВВП
The dynamics of sovereign funds of the Russian Federation 2004–2015
(in the prices of respective years), % of GDP

Годы	Сумма средств суверенных фондов	Прирост (+), уменьшение (-) средств суверенных фондов
2004	0,8	+0,8
2005	3,1	+2,3
2006	5,7	+2,6
2007	8,8	+3,1
2008	9,3	+0,5
2009	16,1	+6,8
2010	11,8	-4,5
2011	7,5	-4,3
2012	6,4	-1,1
2013	7,3	+0,9
2014	8,4	+1,1
2015	12,8	+4,4

Примечание. *Стабилизационного фонда, Фонда национального благосостояния, Резервного фонда. Рассчитано по: [42, 43].

Статистические данные показывают две тенденции с пороговыми изменениями государственного предпринимательства. Первая тенденция – скатывание России в 1990-х гг. к статусу периферийного государства, ослабление позиций правящей власти в присвоении доли ВВП (ренты) и усиление позиций крупного бизнеса,

ориентированного на вывоз капитала (денежных ресурсов) из страны. Исчисленная в постоянных ценах структура ВВП (табл. 17) демонстрирует масштабы процессов растаскивания и приватизации казенного имущества, оффшоризации российского частного предпринимательства в «шоковые» годы либерально-рыночных реформ.

Таблица 17 / Table 17

Структура использования валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1990–2000 гг. (в ценах 1990 г.), %
The structure of use of gross domestic product of the Russian Federation in 1990–2000 (in the 1990 prices), %

Годы	Валовой внутренний продукт	Расходы конечных потребителей	Сбережения	Валовое накопление	Чистый экспорт
1990	100	69,4	30,6	30,3	0,3
1991	100	68,9	31,1	17,4	13,7
1992	100	59,6	40,4	-7,5	47,9
1993	100	69,7	30,3	1,3	29,0
1994	100	79,2	20,8	0	20,8
1995	100	74,3	25,7	10,7	15,0
1996	100	76,9	23,1	8,5	14,6
1997	100	78,4	21,6	22,8	-1,2
1998	100	81,0	19,0	16,2	2,8
1999	100	73,1	26,9	15,3	11,6
2000	100	66,4	33,6	17,6	16,0

Рассчитано по: [44, с. 279, 281, 301; 45, с. 26].

Вторая тенденция – укрепление позиций государственного предпринимательства в присвоении ренты и относительное уменьшение доли вывоза хозяйственных ресурсов из страны с момента формирования суверенных

фондов в 2004 г. Такую макроэкономическую динамику можно проследить по данным табл. 18 и интерпретировать ее как переход к восстановлению полупериферийного статуса России.

Таблица 18 / Table 18

Динамика долей чистого экспорта и государственных доходов (средств бюджета и суверенных фондов) Российской Федерации в ВВП в 1992–2015 гг. (в ценах соответствующих лет), %

The dynamics of the share of net exports and government revenues (budget funds and sovereign wealth funds) of the Russian Federation in GDP 1992–2015 (in the prices of respective years), %

Годы	Доля чистого экспорта	Доля государственных доходов
1992	15,1	28,0
1993	13,1	29,0
1994	4,6	28,2
1995	3,5	28,4
1996	4,1	26,0
1997	2,9	28,7
1998	7,2	25,1
1999	16,8	25,2
2000	20,4	28,7
2001	12,6	29,0
2002	10,7	32,5
2003	11,5	31,2
2004	12,1	32,7
2005	13,6	42,0
2006	12,7	42,1
2007	8,8	43,5
2008	9,1	38,9
2009	7,3	41,8
2010	7,9	31,0
2011	8,4	33,9
2012	7,2	36,3
2013	5,9	37,0
2014	6,6	38,6
2015	8,3	37,8

Рассчитано по: [42, 43].

Распределение рентных доходов происходит конфликтно. Несмотря на относительное ослабление позиций компрадорски ориентированного корпоративного бизнеса, прослеживалась долгосрочная тенденция абсолютного роста контролируемых им ресурсов – чистого экспорта. Сохранение высокой доли оффшоризации российской экономики обеспечивает поддержку неолиберальных мероприятий отечественного государственного предпринимательства в макроэкономических сферах, сдерживает экономический рост и обостряет социальные проблемы, тормозит возвращение страны к статусу мощной полупериферийной державы.

Наращивание чистого экспорта на протяжении 1992–2015 гг. уменьшало инвестиционные ресурсы, «вбивало клин» между сбережением и накоплением в отечественном хозяйстве, делало нашу страну щедрым спонсором мировой экономики. Теми же последствиями сопровождалось и изъятие денег в суверенные фонды. Высокая норма сбережения говорит о том, что правительство Российской Федерации целенаправленно проводит политику ограничения импорта, заработной платы и потребления населения. Заниженный валютный курс рубля, сжатие покупательского спроса и денежной массы препятствуют росту производства продуктов для внутреннего рынка. От рентно-мобилизационного развития российской экономики страдают прежде всех большинство граждан и малый бизнес.

Результаты

Верификация рабочей гипотезы об активной роли государственного предпринимательства в вековой мобилизации отечественной экономики осуществима в рамках концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна, согласно которой в мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда с поляризацией свойственных центру и периферии видов экономической деятельности по степени монополизации и прибыльности производства продукции. Границы межгосударственной системы соответствуют границам осевого разделения труда. Формируются три структурные позиции – сердцевина (центр), периферия и полупериферия [46, с. 168]

Страны центра развивают ключевые виды экономической деятельности, укрепляются усилиями групп, использующих государственную машину для поддержки квазимонополистических привилегий своих предприятий. Государства периферии с конкурентными производственными процессами и товарами, под мощным давлением сердцевинных государств и сотрудничающих с ними местных групп, содействуют невыгодному

для себя движению хозяйственных ресурсов, неравному обмену, перераспределению добавленной стоимости от производителей периферии к производителям центра.

Правительства полупериферийных стран, в которых перемешаны производственные процессы разных уровней мира-экономики, проводят протекционистскую политику, стараясь защитить свое производство от конкуренции сильных зарубежных компаний, повысить эффективность и конкурентоспособность на внешних рынках местных производителей, привлечь к себе технологии производства новых товаров. Желание правящей власти полупериферийной страны достичь экономической мощи и благосостояния передовых государств, реализовать долгосрочную «догоняющую стратегию» предполагает интенсивное накопление капитала. Господствующие социальные группы полупериферийных стран усиливают государственный аппарат, чтобы улучшить структуру национальной экономики и ее место в мировом разделении труда. «Антисистемные» попытки полупериферийных правительств наталкиваются на встречное конкурентное противоборство стран центра, почти непрерывно генерируя военную напряженность между государствами [46, с. 390, 395; 47, с. 93–96].

Отечественную экономическую историю допустимо интерпретировать посредством рабочей гипотезы (предположения) о реализации стратегии ускоренного экономического роста и укрепления позиций державы в миросистеме. Соответственно, исходным пунктом анализа служит полупериферийное положение России/СССР в международном разделении труда. Статусное место обуславливало траекторию хозяйственного развития нашей страны, а вектор политики правящей власти и государственного предпринимательства с XVIII в. определяло намерение возвыситься до уровня передовых стран мира-экономики [2, с. 230–249, 344–353].

Миросистемный анализ выявляет преемственность в истории российской экономики, указывает ее место в эволюции международного хозяйства. И. Валлерстайн утверждает, что царская Россия и Советский Союз до 1991 г. были полупериферийными государствами мира-экономики. Их политическое влияние основывалось на мощи военного аппарата. Россия/СССР пытались использовать политико-военную мощь для осовременивания экономической деятельности, осуществлявшейся в зоне ее/его контроля, увеличивая уровень накопления капитала. Но от Екатерины II и до нынешнего дня Российское государство достигало неустойчивых и сомнительных успехов в таких попытках [46, с. 14].

На протяжении почти всего XX столетия неизменным оставался вектор хозяйственной политики. «Факт состоит в том, – пишет И. Валлерстайн, – что Россия была полупериферийной страной, и ее руководители (здесь существовала преемственность от Витте до Сталина) определяли быструю индустриализацию в качестве приоритета с точки зрения места страны в миро-экономике. Ленинский лозунг „коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны“ до совсем недавнего времени продолжал висеть в Москве на больших транспарантах. Все руководство верило в „социалистическое накопление капитала“ и вплоть до 1980-х гг. гордилось успехами в достижении этой цели» [46, с. 256].

Исследователь объясняет причины системных, революционных кризисов в России XX в. По его разумению, русская революция 1917 г. произошла в полупериферийной стране, соскальзывавшей к периферийному статусу, и привела к власти группу государственных управленцев, которые обратили эту тенденцию вспять. После Второй мировой войны Россия восстановила свое положение очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине [46, с. 51].

Советский опыт антисистемного движения, пришедшего к власти и усилившего государственную машину, – не искажение, а результат действия глубоких структурных сил [46, с. 391–392]. Государственный аппарат СССР стал мощнее в сравнении с имперской Россией. Огосударствление экономики нашей страны было обусловлено масштабами кризисных социально-экономических трансформаций в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Но укрепление позиций государства в советской экономике, по убеждению ученого, не вывело ее за рамки миросистемы. Он настойчиво доказывал, что СССР всегда оставался частью капиталистического мира-экономики. Такой взгляд позволил ему предсказать, что правившие коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего «отклоняющегося» поведения и стать похожими на режимы миросистемы. Изменения 1989–1991 гг. имели далеко не столь фундаментальное значение, как многие полагают сегодня [46, с. 14].

Последовавший за распадом Советского Союза период социально-экономических трансформаций России подтвердил познавательный потенциал миросистемного анализа. Чрезвычайное «разгосударствление» и свертывание государственного присутствия в отечественной экономике сопровождалось деградацией отраслевой структуры, падением уровня жизни сокращавшегося по численности населения,

«третьемиризацией», сползанием России к статусу периферийных стран, одна из важнейших характеристик которого – рентноориентированное поведение господствующих макроэкономических субъектов: государства и крупного бизнеса.

Актуально звучат размышления И. Валлерстайна о взаимозависимости силы государственного аппарата и статусного положения страны в центр – периферийной иерархии мира-экономики. Силу определяет не степень деспотичности и жестокости центральной власти, а ее способность собирать налоги в соответствии с доходами и имущественными возможностями граждан и юридических лиц.

Чем слабее государство, тем меньше средств можно накопить, занимаясь экономически продуктивной деятельностью. Поэтому аппарат управления даже в сильных государствах становится важнейшей структурой в процессах обогащения путем жульничества и взяточничества на различных уровнях, в слабых же становится излюбленным методом накопления капитала, отвлекающим от других дел. Чем слабее государство, тем размытой силовой монополия. Если политические лидеры с трудом контролируют ситуацию в стране, то у силовиков появляется соблазн взять власть в свои руки.

Все это происходит не из-за ошибок в политике, а из-за слабости государственных структур в регионах с периферийными производственными процессами – плохими источниками накопления капитала. Если государство обладает ресурсами, которые дорого стоят на мировом рынке, то казенный доход, по существу, является рентой, и здесь непосредственный контроль над аппаратом также гарантирует, что весомая часть этой ренты может просачиваться в частные руки. В таких государствах нередко к власти приходят военные [47, с. 137–138]. Передача управления страной в руки представителей силовых структур в России в 1999 г. – наглядное тому подтверждение.

Рентно-мобилизационную модель современной экономики России и рентноориентированное поведение государственного предпринимательства и значительной части корпоративного бизнеса следует признать аномальным состоянием, характерным для периферийных стран. Складывавшийся на протяжении нескольких веков статус России как сильной державы полупериферии несовместим с проводимой на рубеже XX–XXI вв. государственной политикой. Кардинальная смена избранного политико-экономического курса объективно неизбежна по причине долгосрочных закономерностей хозяйственного развития. Вопрос заключается в том, какие силы и когда займутся осуществлением назревших преобразований.

Заключение

Проведенное исследование показало, что с 1914 г. на протяжении столетия российская экономика развивалась в условиях почти непрерывной мобилизации – увеличения сбережения (накопления) за счет уменьшения потребления в составе валового продукта страны.

Анализ и интерпретация статистических данных по хронологически последовательным интервалам рассматриваемого столетия подтвердили рабочую гипотезу о том, что государственное предпринимательство определяло траекторию и качество роста (деградации) экономики России. Посредством централизованного изъятия и использования хозяйственных ресурсов, формирования ключевых макроэкономических пропорций между потреблением и накоплением в национальном (народном) доходе или потреблением и сбережением в ВВП государственный аппарат ограничивал потребление населения, создавал предпосылки функционирования отечественной экономики в мобилизационном режиме.

Трансформации бюджета – важнейшего механизма централизованного регулирования экономики, объединяющей основы и главного фактора развития сферы государственного предпринимательства – приводили к серьезной реконструкции других хозяйственных сфер, смене экономических моделей и даже преобразованиям социально-экономических систем нашей страны, в 1917 и 1992 гг.

До 1990-х гг. траекторию мобилизационного развития экономики обуславливал полупериферийный статус России/СССР в международном разделении труда, а вектор государственного предпринимательства задавало намерение правящей власти войти в группу передовых стран; наблюдалось последовательное чередование военно-мобилизационной (1914–1920 гг., 1941–1945 гг.) и инвестиционно-мобилизационной (1928–1941 гг., 1946–1991 гг.) моделей экономики. В 1990-х гг. сложилась рентно-мобилизационная модель отечественной экономики, характерная для периферийных стран, не соответствующая долгосрочным закономерностям хозяйственной эволюции России.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 1. Саратов, 2012. 348 с.
2. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 2013. 460 с.
3. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России : теоретико-методологический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 31–44.
4. Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969. 168 с.
5. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР : в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. 356 с.
6. Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование) М., 1960. 485 с.
7. Бовыкин В. И. Народное богатство и народный доход России // Народное богатство и народный доход России. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ин-т Российской истории РАН. СПб., 1995. URL: <http://www.istmat.info/node/184> (дата обращения: 31.08.2016).
8. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) : Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 256 с.
9. Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. Изд. 2-е, доп. М., 1918. 266 с.
10. Вавилин И. П. Иностранный капитал в России. Л., 1925. 126 с.
11. Пасвольский Л., Моультон Р. Русские долги и восстановление России. М., 1925. 256 с.
12. Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. 850 с.
13. Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. 330 с.
14. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. 400 с.
15. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике : предыстория хозяйственного расчета. Саратов, 1995. 122 с.
16. Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916–1920 гг.) // Финансовое оздоровление экономики : опыт нэпа / сост. А. И. Казьмин. М., 1990. С. 12–42.
17. Крицман Л. Н. Героический период Великой Русской Революции // Вестн. коммунистической акад. Кн. IX. 1924. С. 3–147.
18. Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. 216 с.
19. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. 768 с.
20. Железнов В. Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 31–56.
21. Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. 197 с.
22. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1977. 536 с.
23. Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. 439 с.
24. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике : «узоры» новой

- экономической политики (20-е годы – начало 30-х годов XX века). Саратов, 2002. 323 с.
25. Черемисинов Г. А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 19–35.
  26. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1990. 235 с.
  27. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. 192 с.
  28. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 5. М., 1978. 566 с.
  29. Пирогова Т. В. Исторические этапы развития бюджетной системы в СССР // Сибирская финансовая школа. 2003. № 4. С. 77–82.
  30. Савинский П. Ф. Трансформация системы финансового обеспечения Вооруженных Сил от Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. до 70-летия со Дня Победы // Вооружение и экономика. 2015. № 2 (31). С. 140–144.
  31. Народное хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965. 888 с.
  32. Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. 824 с.
  33. Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. 846 с.
  34. Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981. 583 с.
  35. Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. 655 с.
  36. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. 752 с.
  37. Российский статистический ежегодник : 1995. М., 1995. 976 с.
  38. Российский статистический ежегодник : 1994. М., 1994. 799 с.
  39. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. 620 с.
  40. Илларионов А. Н. Попытки проведения политики финансовой стабилизации // Вопр. экономики. 1995. № 7. С. 4–37.
  41. Российский статистический ежегодник : 1996. М., 1996. 1202 с.
  42. Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстата). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/01-01.htm ; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab24.htm (дата обращения: 26.10.2016).
  43. Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://minfin.ru/ru/performance/nationalwealthfund/index.php> ; <http://minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php> (дата обращения: 26.10.2016).
  44. Российский статистический ежегодник : 2001. М., 2001. 679 с.
  45. Ханин Г. И. Альтернативные методы определения объема экспорта капитала из России // ЭКО. 2001. № 1. С. 21–30.
  46. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире СПб., 2001. 416 с.
  47. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. М., 2006. 248 с.

Образец для цитирования:

Черемисинов Г. А. Столетие мобилизационного развития российской экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 368–389. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389.

Century of Mobilization Development of the Russian Economy

G. A. Cheremisinov

Georgy A. Cheremisinov, ORCID 0000-0002-5986-2866, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, cheremisinov@inbox.ru

Introduction. Researched sustainable secular trend of mobilization development of the Russian economy since the beginning of the First World War in 1914. **Theoretical analysis.** Outlines the main theoretical and methodological assumptions put forward scientific hypotheses: the mobilization of the economy as a result of government entrepreneurship, limiting the share of consumption and increase the share of savings in the structure of gross product of the country. Dynamics of the statistical indicators of the mobilization of the Russian economy – a share of consumption and accumulating in the national income, a share of consumption and a saving in gross domestic product – on chronologically consecutive historical intervals is analyzed. **Results.** Consecutive alternation within century of three models of the Russian economy speaks: the military mobilization,

investment mobilization and rent-mobilization. It is proved that the trajectory of mobilization development of the economy of Russia/ USSR was caused by its semi-peripheral status in the international division of labor, and the vector of government entrepreneurship was determined by the intention of the ruling power to enter the group of advanced countries. **Conclusions.** The estimation of rent-mobilization model of the modern economy of Russia as the abnormal condition typical for the peripheral countries is given.

Key words: mobilization development of economy, government entrepreneurship, national income, gross domestic product, accumulation, saving, investments, macroeconomic statistics, world-system analysis, history of economy of Russia.

References

1. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskiy opyt khoziaystvennykh preobrazovaniy* [Paradigm of a directive planned economy: Russian experience of economic transformations. In 2 pt.]. Saratov, 2012. Pt. 1. 348 p. (in Russian).
2. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskiy opyt khoziaystvennykh preobrazovaniy*

- [Paradigm of a directive planned economy: Russian experience of economic transformations. In 2 pt.]. Saratov, 2012. Pt. 2. 460 p. (in Russian).
3. Cheremisinov G. A. Government entrepreneurship as a sign of typological development of the Russian economy: theoretical and methodological aspects. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44 (in Russian).
  4. Vajnshtejn A. L. *Narodnyi dokhod Rossii i SSSR. Istorii, metodologiya ischisleniya, dinamika* [The national income of the USSR and Russia. History, methodology of calculation, dynamics]. Moscow, 1969. 168 p. (in Russian).
  5. Prokopovich S. N. *Narodnoe khoziaistvo SSSR* [National economy of the USSR. In 2 vols. Vol. 2]. New York, 1952. 356 p. (in Russian).
  6. Vajnshtejn A. L. *Narodnoe bogatstvo i narodnokhoziaystvennoe nakoplenie predrevoliutsionnoi Rossii (Statisticheskoe issledovanie)* [People's national economic wealth and the accumulation of pre-revolutionary Russia (Statistical research)]. Moscow, 1960. 485 p. (in Russian).
  7. Bovykin V. I. Narodnoe bogatstvo i narodnyi dokhod Rossii (National wealth and national income). In: *Narodnoe bogatstvo i narodnyi dokhod Rossii. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik* (Russian national wealth and the national income of Russia in 1913. Statistical and documentary handbook). Saint Petersburg, 1995. Available at: <http://www.istmat.info/node/184> (accessed 31 August 2016) (in Russian).
  8. Gregori P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki* [The economic growth of the Russian Empire (the end of XIX – early XX century): New calculations and evaluations]. Moscow, 2003. 256 p. (in Russian).
  9. Prokopovich S. N. *Voina i narodnoe khoziaistvo* [War and the national economy. 2nd ed., add.]. Moscow, 1918. 266 p. (in Russian).
  10. Vavilin I. P. *Inostrannyi kapital v Rossii* [Foreign capital in Russia]. Leningrad, 1925. 126 p. (in Russian).
  11. Pasvol'skiy L., Moul'ton R. *Russkie dolgi i vosstanovlenie Rossii* [Russian debts and restoring Russia]. Moscow, 1925. 256 p. (in Russian).
  12. *Statisticheskii ezhegodnik na 1914 god* [Statistical Yearbook for 1914]. Saint Petersburg, 1914. 850 p. (in Russian).
  13. Pervushin S. A. *Khoziaystvennaia kon'iunktura. Vvedenie v izuchenie dinamiki russkogo narodnogo khoziaystva za polveka* [Economic conjuncture. Introduction to the study of the dynamics of the Russian national economy for half a century]. Moscow, 1925. 330 p. (in Russian).
  14. Yurovskiy L. N. *Denezhnaia politika sovetskoi vlasti (1917–1928)* [Monetary policy of the Soviet power (1917–1928)]. Moscow, 1928. 400 p. (in Russian).
  15. Cheremisinov G. A. *Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo v otechestvennoi ekonomike: predystoriya khoziaystvennogo rascheta* [Government entrepreneurship in the domestic economy: background of cost accounting]. Saratov, 1995. 122 p. (in Russian).
  16. Kuzovkov D. V. Process naturalizatsii narodnogo khoziaystva (1916–1920 gg.) [The process of naturalization of National Economy (1916–1920)]. In: *Finansovoe ozdorovlenie ekonomiki: opyt nepa* [Financial recovery of the economy: The experience of the NEP]. Moscow, 1990, pp. 12–42 (in Russian).
  17. Kriceman L. N. Geroicheskiy period Velikoi Russkoi Revoliutsii [The heroic period of the Great Russian Revolution]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii*. Book 9. 1924, pp. 3–147 (in Russian).
  18. Prokopovich S. N. *Ocherki khoziaistva Sovetskoi Rossii* [Essays on the economy of Soviet Russia]. Berlin, 1923. 216 p. (in Russian).
  19. Mjurdal' G. *Sovremennye problemy «tret'ego mira»* [Modern problems of the «third world»]. Moscow, 1972. 768 p. (in Russian).
  20. Zheleznov V. Ya. *Nakoplenie v narodnom khoziaystve SSSR* [Accumulation in a national economy of the USSR]. *Vestnik finansov*, 1927, no. 9, pp. 31–56.
  21. Barsov A. A. *Balans stoimostnykh obmenov mezhdugorodom i derevnei* [Balance of cost exchanges between the city and the village]. Moscow, 1969. 197 p. (in Russian).
  22. *Istorii sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 3]. Moscow, 1977. 536 p. (in Russian).
  23. Malafeev A. N. *Istoriya tsenoobrazovaniya v SSSR (1917–1963 gg.)* [Pricing history in the USSR (1917–1963)]. Moscow, 1964. 439 p. (in Russian).
  24. Cheremisinov G. A. *Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo v otechestvennoi ekonomike: «uzory» novoi ekonomicheskoi politiki (20-e gody – nachalo 30-kh godov XX veka)* [Government entrepreneurship in domestic economy: «patterns» of new economic policy (the 20th years – the beginning of the 30th years of the XX century)]. Saratov, 2002. 323 p. (in Russian).
  25. Cheremisinov G. A. Formirovanie mobilizatsionnoi modeli i makroekonomicheskai dinamika SSSR v gody pervoi piatiletki i Velikoi Otechestvennoi voiny [Formation of the mobilization model and the macroeconomic dynamics of the USSR in the first five years and the great Patriotic war]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2015, no. 4 (34), pp. 19–35 (in Russian).
  26. *Narodnoe khoziaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [National economy of the USSR in the great Patriotic war 1941–1945]. Moscow, 1990. 235 p. (in Russian).
  27. Voznesenskij N. A. *Voennaia ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny* [Military economy of the USSR during the Patriotic war]. Moscow, 1948. 192 p. (in Russian).
  28. *Istorii sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, 1978. 566 p. (in Russian).
  29. Pirogova T. V. *Istoricheskie etapy razvitiia biudzhethnoi sistemy v SSSR* [Historical stages of development of the budgetary system in the USSR]. *Sibirskai finansovaia shkola* [Siberian Financial School], 2003, no. 4, pp. 77–82 (in Russian).

30. Savinsky P. F. Transformation of the financial support of the Armed Forces of the Great Patriotic war of 1941–1945 to the 70th anniversary of the Victory. *Vooruzhenie i ekonomika* [Armament and Economics], 2015, no. 2 (31), pp. 140–144 (in Russian).
31. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1964 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1964. Statistical Yearbook]. Moscow, 1965. 888 p. (in Russian).
32. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1970 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1970. Statistical Yearbook]. Moscow, 1971. 824 p. (in Russian).
33. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1975 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1975. Statistical Yearbook]. Moscow, 1976. 846 p. (in Russian).
34. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1980 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1980. Statistical Yearbook]. Moscow, 1981. 583 p. (in Russian).
35. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1985 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1985. Statistical Yearbook]. Moscow, 1986. 655 p. (in Russian).
36. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1990 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook]. Moscow, 1991. 752 p. (in Russian).
37. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1995* [Russian Statistical Yearbook: 1995]. Moscow, 1995. 976 p. (in Russian).
38. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1994* [Russian Statistical Yearbook: 1994]. Moscow, 1994. 799 p. (in Russian).
39. Beljaev S. G. P. L. *Bark i finansovaia politika Rossii. 1914–1917 gg.* [P. L. Bark and financial policy of Russia. 1914–1917]. St. Petersburg, 2002. 620 p. (in Russian).
40. Illarionov A. N. Popytki provedeniya politiki finansovoi stabilizatsii [Attempts to carry out policies of financial stabilization]. *Voprosy ekonomiki*, 1995, no. 7, pp. 4–37 (in Russian).
41. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1996* [Russian Statistical Yearbook: 1996]. Moscow, 1996. 1202 p. (in Russian).
42. *Oficial'nyi internet-portal Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (Rosstatata)* (The official Internet portal of the Federal state statistics service (Rosstat)). Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssW-WW.exe/Stg/d1/01-01.htm; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab24.htm (accessed 26 October 2016) (in Russian).
43. *Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii (Ministry of Finance of the Russian Federation. Site)*. Available at: <http://minfin.ru/ru/performance/national-wealthfund/index.php>; <http://minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php> (accessed 26 October 2016) (in Russian).
44. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 2001* [Russian Statistical Yearbook: 2001]. Moscow, 2001. 679 p. (in Russian).
45. Hanin G. I. Al'ternativnye metody opredeleniia ob'ema eksporta kapitala iz Rossii [Alternative methods of determining the volume of export of capital from Russia]. *EKO* [ECO], 2001, no. 1, pp. 21–30 (in Russian).
46. Vallerstajin I. *Analiz mirovnykh sistem i situatsiia v sovremennoy mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg, 2001. 416 p. (in Russian).
47. Vallerstajin I. *Mirosistemnyi analiz: Vvedenie* [World-system analysis: Introduction]. Moscow, 2006. 248 p. (in Russian).

Cite this article as:

Cheremisov G. A. Century of Mobilization Development of the Russian Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 368–389 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389.

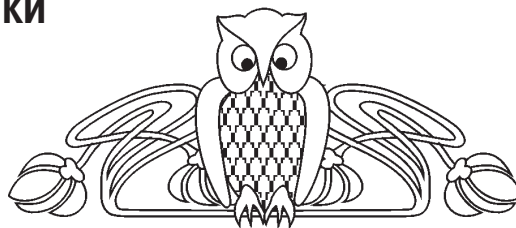

УДК 330.32; 330.341.4

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ИНФОРМАЦИОННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

О. Ю. Красильников

Красильников Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ok-russia@yandex.ru

Введение. В начале XXI в. в экономике многих стран произошли глубокие структурные изменения, связанные с формированием нового постиндустриального уклада. Указанные сдвиги требуют адекватного теоретического осмысления. В статье рассматривается структура воспроизводственного процесса совокупного общественного продукта с участием двух подразделений: материального и информационного секторов экономики. **Теоретический анализ.** Проанализировано простое и расширенное воспроизводство совокупного общественного продукта с участием информационного сектора. Выдвигается гипотеза о существовании экономического закона опережающего развития информационного сектора экономики на этапе становления постиндустриальной общественной системы. Анализ современного состояния экономики России выявил наличие негативных тенденций: структурной деформации и деиндустриализации, протекающих на фоне затяжной экономической стагнации. **Результаты.** Делается вывод о необходимости разработки комплексной общенациональной стратегии развития информационного сектора экономики, способного стать локомотивом обновления (диверсификации) структуры национального хозяйства России, преодоления ее сырьевой зависимости. **Ключевые слова:** постиндустриальная экономика, общественное воспроизводство, материальный и информационный секторы, Интернет, закон опережающего развития информационного сектора экономики.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-390-397

Введение

Стабильные темпы роста американской экономики во второй половине 90-х гг. XX в., сопровождавшиеся умеренной инфляцией и низким уровнем безработицы, а также быстрым развитием информационного сектора и стремительным ростом котировок акций компаний данного сектора на бирже, заставили многих поверить в то, что развитие информационных технологий повлекло за собой существенные изменения макроэкономических закономерностей.

На подобные суждения практически не повлиял даже азиатский финансовый кризис конца 1997 г. и последовавший за ним в 2000 г. обвал котировок акций большинства высокотехнологичных интернет-компаний (в первую очередь американских), известный как кризис доткомов. За быстрым падением указанных показателей произошло такое же быстрое их восстановление,

и после 2000 г. темпы роста американской экономики стабилизировались на уровне 3–4% в год. К сожалению, экономическая наука не смогла ни предсказать указанных событий, ни дать им вразумительное теоретическое объяснение: были ли это кратковременный сбой экономического механизма или «первый звонок» – провозвестник грядущего глобального кризиса 2007–2009 гг. и последовавшего за ним длительного периода стагнации. Аналогичным образом научное объяснение феномена информационной экономики возникает ex-post, что не может не вызывать озабоченности.

Гипотеза о структурных изменениях в экономике США в результате быстрого развития компьютерных и информационных технологий получила в литературе название новой экономической парадигмы. В качестве основных переменных, определяющих структурные характеристики экономики, новая парадигма использует естественный уровень безработицы и устойчивые темпы экономического роста в условиях низкой инфляции. В терминах этих показателей основные предположения новой экономической парадигмы выглядят следующим образом: темпы устойчивого экономического роста при постоянном уровне безработицы и инфляции увеличились; совместимый с безинфляционным ростом показатель безработицы, или естественный уровень безработицы, снизился. Таким образом, по мнению некоторых ученых, классическая гипотеза об отрицательном характере связи между инфляцией и безработицей более не может считаться верной [1].

Несмотря на то, что постиндустриальная экономика в той части, которая связана с компьютерными технологиями и Интернетом, вполне наблюдаема, а ее параметры измеримы, новая экономическая парадигма явилась, скорее, неким «черным ящиком», на входе которого имелись связанные сетью все более мощные компьютеры, а на выходе – низкая безработица и устойчивый безинфляционный рост. Исчерпывающего описания взаимосвязи между ними парадигма

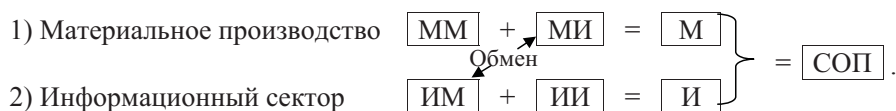

предложить не смогла. Аналога теории общего макроэкономического равновесия, подобного той, которая существует в рамках неклассического и неокейнсианского направлений, для информационной экономики пока не возникло, однако модели, описывающие те или иные особенности функционирования такого равновесия, уже существуют. Сюда можно отнести экономические модели сетевых взаимодействий (network economics), модели взаимодействия между покупателями и продавцами посредством Интернета и т.п.

Рассмотрим систему общественного воспроизводства с участием развивающегося информационного сектора. Важной предпосылкой исследования данной системы является утверждение, что в ней, по крайней мере, в обозримом будущем, сохранится товарно-денежный обмен, поскольку функционирует довольно значительный сектор производства, где используются ограниченные (материальные, трудовые и т.д.) ресурсы и, таким образом, не теряет своей актуальности проблема экономического выбора.

Теоретический анализ

Весь общественный продукт, а следовательно, и все производство общества в условиях становления и развития информационной экономики распадается на два больших подразделения:

Каждое из подразделений в условиях информационной экономики не может функционировать без двух указанных частей. Интеллектуальный труд нуждается в реальных средствах производства (компьютерах, видеокамерах, средствах связи и коммуникаций), а его продукты – в материальных носителях. В свою очередь, реальный сектор не может обойтись без современных технологий, воплощенных в информационном продукте (компьютерные программы, базы данных, электронная почта и т.п.).

Первое подразделение включает в себя отрасли как непосредственно материального производства, так и те, которые для создания традиционных товаров и услуг все в большей степени используют плоды интеллектуального труда, заключенные в информационном продукте. Второе подразделение состоит из разнообразных отраслей, производящих информационные блага. В них входят научно-исследовательские и образовательные учреждения, разработчики программного обеспечения, предприятия книгоиздатель-

1) материальное производство, где создаются традиционные товары и услуги, обладающие свойством ограниченности и составляющие основу товарно-денежного обмена;

2) информационный сектор экономики, где создаются интеллектуальные блага.

Таким образом, совокупный общественный продукт (СОП) по натурально-вещественной форме состоит из корзины традиционных и информационных продуктов и количественно представляет собой сумму их стоимостей:

$$\text{СОП} = \text{М} + \text{И},$$

где СОП – совокупный общественный продукт; М – стоимость продуктов материального производства; И – стоимость информационных продуктов.

В свою очередь, стоимость продуктов, произведенных в каждом из указанных подразделений, также распадается на две части. В первом подразделении – это ММ (стоимость материальных продуктов, созданных в целях нормального функционирования реального сектора экономики) и МИ (стоимость материальных продуктов, необходимых для функционирования информационного сектора). Во втором подразделении – это ИМ (стоимость информационных продуктов и технологий, используемых в материальном производстве) и ИИ (стоимость интеллектуальных благ, необходимых для создания продукта в информационном секторе экономики):

ства, киноиндустрии, звукозаписи и шоу-бизнеса. Особая роль здесь принадлежит Интернету как всемирному средству распространения и обмена информацией. На современном этапе все большее количество продуктов интеллектуального труда распространяется с использованием Глобальной сети и имеет все признаки интернет-благ.

Таким образом, для нормального функционирования системы воспроизводства в масштабах всего общества необходим обмен продукцией между двумя его подразделениями. Благодаря этому эквивалент стоимости товара первого подразделения реализуется в соответствующих информационных продуктах (компьютерных программах, базах данных и т.п.), применяемых при изготовлении традиционных товаров и услуг. С другой стороны, информационный продукт второго подразделения получает материальное воплощение, форму средств производства и носителей информации, необходимых для дальнейшего функционирования этого сектора экономики.

Предположим (для наших целей пропорция здесь совершенно неважна и зависит, главным образом, от уровня развития информационного сектора экономики в той или иной стране), что половина стоимости продукта первого подразделения авансируется предпринимателями и наемными работниками на закупку продукции второго подразделения, а другая половина расходуется на пополнение собственных средств производства и на потребление. Вследствие этого процесс стоимостный эквивалент половины информационного продукта перемещается во второе подразделение в виде материальных средств производства и предметов потребления, созданных в первом подразделении, где наблюдается обратная картина. В обмен на продукт материального производства предприниматели и работники получают в свое распоряжение информационный продукт, применяемый в целях как производства, так и потребления.

Однако такой взаимный обмен осуществляется благодаря обращению денег, посредством чего происходит приравнивание части неограниченного ресурсными факторами информационного продукта к части ограниченного продукта материального производства. По причине необходимости восполнения материально-технической базы и удовлетворения утилитарных потребностей занятых в информационном секторе экономики интеллектуальный продукт снова и снова должен выступать в денежной форме и посредством ее обмениваться на продукт материального производства. В действительности это обращение охватывает бесчисленное количество актов купли-продажи, совершаемое работниками и предпринимателями двух подразделений в целях удовлетворения производственных и личных потребностей. Что же касается денег, необходимых для обмена части продукта второго подразделения на традиционные товары первого, то они выполняют (или, по крайней мере, должны выполнять) функцию эквивалента, позволяющего путем рыночного механизма поддерживать пропорции между обоими секторами экономики.

Отсюда, между прочим, следует, что деньги, как специфическая форма институционального договора между людьми, будут необходимы, пока существуют ограниченные материальные и нематериальные блага и ресурсы (обозначенные нами M – в первом подразделении).

Рассмотрим две ситуации: простое и расширенное воспроизводство совокупного общественного продукта с участием двух подразделений. В первом случае мы приходим к следующему результату.

1) Новая стоимость в форме информационного продукта, созданная годовым трудом работников и предпринимателей второго подразделения, должна быть равна воспроизведенной в натуральной форме стоимости традиционного продукта, полученного занятыми в сфере материального производства:

$$MI(1) = IM(2).$$

2) Пропорция, в которой продукт каждого из подразделений делится на две части, зависит от уровня развития информационного (постиндустриального) сектора экономики страны. В странах с низким развитием данного сектора наблюдается неэквивалентный обмен между двумя подразделениями, так как небольшое количество информационного продукта приравнивается по стоимости к значительному количеству товара, созданного в реальном секторе экономики. В данном случае понятие эквивалентности мы рассматриваем на основе сравнения количества общественно необходимого труда, затраченного на создание того или иного продукта.

3) Разница в уровне развития двух подразделений общественного воспроизводства объясняет существующее различие в капитализации фирм, норме предпринимательской прибыли и оплате труда работников данных секторов. Так, в ноябре 1996 г. рыночная капитализация активов «ИВМ» выражалась в сумме порядка 70,7 млрд долл., а общая капитализация «Майкрософт» составляла 85,5 млрд долл. Но за этими капиталами стояли совершенно разные активы. В начале 1996 г. «ИВМ» за вычетом амортизации владела имуществом, основными производственными фондами и оборудованием на сумму 16,6 млрд долл.; остаточная же стоимость основного капитала «Майкрософт» составляла всего 930 млн долл. Иными словами, на каждые 100 долл., вложенных в «ИВМ», приходились основные фонды стоимостью 23 долл., тогда как тем же 100 долл., инвестированным в «Майкрософт», соответствовали фонды стоимостью чуть более доллара [2].

Как известно, простое воспроизводство, по существу, имеет своей целью потребление, хотя получение прибыли и здесь является побудительным мотивом предпринимателей. Но прибыль, какова бы ни была ее относительная величина, в данном случае служит только основой индивидуального потребления предпринимателей. Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную, всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, то этот мотив, т.е. личное потребление, сохраняет свое значение, выступая в сопровождении мотива обогащения как одно из условий экономического роста.

Если, при условии неизменности всех прочих факторов, т.е. не только масштаба производства, но и производительности труда, в текущем году происходит увеличение информационного сектора экономики (а это долгосрочная общемировая тенденция), то все большая часть этого элемента СОП подлежит возмещению со стороны ограниченных материальных благ, создаваемых в первом подразделении. В условиях простого воспроизводства это привело бы либо к падению цен на информационные продукты, либо к росту цен на традиционные товары, либо к сокращению доли и/или стоимости материальных благ, необходимых для функционирования реального производства. Снижение цен на информационные продукты привело бы к сокращению их производства. Рост цен на традиционные товары вызвал бы увеличение их выпуска. Уменьшение доли материальных благ, необходимых для функционирования первого подразделения, привело бы к снижению объема применяемого основного капитала и сокращению выпуска. И то, и другое, и третье невозможно в нашей модели, так как противоречит условиям простого воспроизводства.

Для того чтобы избежать подобных противоречий, необходимо перейти к рассмотрению расширенного воспроизводства, основным условием которого является превышение выпуска информационного продукта, необходимого для функционирования первого подразделения, над товарами материального производства, применяемыми во втором подразделении:

$$ИМ(2) > МИ(1).$$

Поскольку в современных условиях происходит ускоренное развитие информационного сектора экономики, постольку он постоянно порождает добавочный продукт, превышающий общий размер продукта на начало года:

$$И1 = И_0 + \Delta И,$$

где $И1$ – текущая стоимость информационного продукта; $И_0$ – стоимость информационного продукта на начало периода; $\Delta И$ – прирост стоимости информационного продукта за истекший период.

Прирост стоимости информационного продукта распределяется в определенной пропорции между его составляющими: ИИ (стоимостью информационного продукта, необходимого для функционирования информационного сектора экономики) и ИМ (стоимостью информационного продукта, используемого в сфере материального производства). При этом происходит не только стоимостное, но и натурально-вещественное увеличение указанных параметров. Это объясняется тем, что растущий информационный

сектор требует расширения своей материальной составляющей: средств производства (компьютеров, коммуникаций и другого оборудования), а также носителей информации:

$$\Delta И = \Delta ИМ + \Delta ИИ,$$

где $\Delta И$ – прирост стоимости информационного продукта за истекший период; $\Delta ИМ$ – прирост стоимости информационного продукта, необходимого для функционирования первого подразделения; $\Delta ИИ$ – прирост стоимости информационного продукта, используемого во втором подразделении.

Но отсюда следует, что возросший по стоимости и количеству продукт второго подразделения с необходимостью требует соответствующего увеличения размера продукции, создаваемой в первом подразделении общественного производства. Следовательно, подразделение 2 должно доставить добавочный продукт для подразделения 1, на что оно в свою очередь отвечает увеличением производства собственного продукта, необходимого для обмена с подразделением 2. Таким образом, можно сформулировать гипотезу о существовании *экономического закона опережающего развития информационного сектора*, который действует в условиях перехода к постиндустриальной экономической системе.

Данный закон общественного воспроизводства детерминируется следующими причинами:

- 1) неограниченностью ресурсов информационной экономики как основного фактора будущего экономического роста;
- 2) большим вкладом информационных технологий в совокупный рост производительности труда. По данным М. А. Никитенковой, в 2000–2006 гг. в экономике США он составил 39% [3];
- 3) стабилизацией объемов материального производства.

Так, по данным Бюро экономического анализа (БЭА) при министерстве торговли США, с 1982 г. затраты предприятий частного сектора на покупку средств производства «промышленного века» – двигателей и турбин, электрораспределительных и контрольных приборов, металлообрабатывающих станков, погрузочно-разгрузочных механизмов и машин общепромышленного назначения, оборудования для сферы услуг, горнодобывающей, нефтяной и строительной отраслей, а также сельского хозяйства – более или менее устойчиво держались на уровне 110 млрд долл. в год в базовых ценах. Снижаясь в периоды промышленного спада и поднимаясь вверх во времена роста, они в среднем составляли названную выше цифру. В то же время в области затрат на приобретение информационной техники наблюдался постоянный рост. В 1982 г.

на покупку компьютеров и телекоммуникационного оборудования американские компании израсходовали 49 млрд долл. К 1987 г. эта сумма подскочила до 86,2 млрд долл. и продолжала расти. Если изобразить динамику капитальных затрат «промышленного» и «информационного» века в виде графиков, то будет видно, что обе линии пересекаются в 1991 г., когда расходы на приобретение промышленного оборудования составили 107 млрд долл., а на закупку информационной техники – 112 млрд долл. С этих пор компании расходуют больше денег на оборудование, необходимое для сбора, обработки, анализа и распространения информации, чем на машины, предназначенные для штамповки, резки, сборки, погрузки и иного рода действий с материальными предметами [4, 5].

Существует мнение, что на современном этапе в развитых странах происходит рост производительности труда, связанный с повсеместным внедрением информационных технологий (распространением компьютеров, ростом их быстродействия, повышением пропускной способности сетей и т.п.). Однако имеются и противоположные точки зрения. По мнению А. В. Кузнецова, анализ эмпирических данных на примере американской экономики свидетельствует, что долгосрочного увеличения темпов роста производительности труда и связанного с ним роста экономики не произошло. Гипотеза об изменении характера связи между безработицей и инфляцией также противоречит выводам классической экономической науки [6]. Тем не менее, А. В. Кузнецов не отрицает, что развитие информационных технологий вполне способно оказать влияние на макроэкономические переменные.

По нашему мнению, увеличение темпов роста американской экономики в начале XXI в. только частично может быть связано с повышением производительности труда в информационном секторе хозяйства. В большей степени на этот процесс повлиял феномен неэквивалентного обмена между двумя подразделениями общественного воспроизводства, когда меньшее по стоимости количество информационных продуктов обменивается на большее количество традиционных товаров. Происходит рост цен на продукты информационного сектора экономики, а это напрямую ведет к увеличению расчетных показателей производительности труда и эффективности производства. На первых порах становления информационной составляющей национального хозяйства возникает своеобразный рентный доход, обусловленный относительной редкостью информационных продуктов по сравнению с товарами материального производства.

Подобное явление при обмене продуктов порождает неравенство не только в стоимостных пропорциях, но и в нормах предпринимательской прибыли, а также в оплате труда работников обоих подразделений.

По мнению Т. Стюарта, с которым мы вполне согласны, «неравенство растет оттого, что экономика перестала быть индустриальной, а рынок труда не успел приспособиться к происшедшим в ней изменениям. Существуют данные – и их еще никто не сумел опровергнуть, – что образованные люди в наше время получают больше, чем когда бы то ни было. Сокращая плату за физический труд, рыночные силы одновременно все более щедро вознаграждают труд умственный» [7, с. 385].

Подобное явление неэквивалентного обмена наблюдается не только в системе воспроизводства отдельно взятой страны, но и в мировой экономике в целом. Государства, первыми вступившие в информационный век (в первую очередь – США), пользуясь неэквивалентным обменом во внешней торговле, порождают своеобразную эксплуатацию развивающихся стран, за гроши прибирая к рукам их действительно редкие материальные и интеллектуальные ресурсы («утечка мозгов») в обмен на дешевые копии информационных продуктов, называемые в народе «болванками». Здесь под эксплуатацией мы понимаем процесс безвозмездного присвоения стоимости товаров традиционной экономики развивающихся стран в результате неэквивалентного обмена на информационные продукты развитых государств. При этом на деньги, полученные от подобного «экспорта», иницируются скупка и размещение объектов материального производства в странах третьего мира, отличающихся низкой ценой ресурсов и рабочей силы (вывоз капитала). Таким образом, создается порочный круг постоянного отставания развивающихся государств, происходит закрепление их сырьевой специализации и интеллектуальной зависимости.

Неудивительно, что подобные действия развитых стран, а также крупнейших информационных корпораций (например «Майкрософт»), стремящихся сохранить достигнутый статус-кво и пользующихся своей монополией на объекты интеллектуальной собственности, с неизбежностью ведут к застою научно-технического и экономического прогресса общества. В этом смысле производители контрафактной продукции, эти «благородные разбойники» времен постиндустриализма, объективно играют положительную роль, составляя реальную конкуренцию информационным магнатам, поставившим свободу распространения информации в зависимость от собственных сверхприбылей.

Одна из решающих ролей в развитии процесса демократизации интеллектуального рынка принадлежит Интернету как средству беспрепятственного обмена информацией во всемирном масштабе. Рискнем утверждать, что будущее не за корпоративными монстрами, а за тысячами самостоятельных интеллектуальных тружеников, разрабатывающих и распространяющих необходимые человечеству информационные продукты, что, впрочем, не исключает соразмерного денежного вознаграждения за их труд.

Рост совокупного общественного продукта требует соответствующего возрастания капитала двух воспроизводственных подразделений, как по стоимости, так и по натурально-вещественной форме. Таким образом, закон опережающего развития информационного сектора экономики в качестве основы расширенного воспроизводства на этапе становления и развития постиндустриального общества тесно связан с процессом накопления капитала. В условиях производства на основе возрастающего капитала ИМ(2) должно быть равно МИ(1) плюс та часть дополнительного продукта, которая вновь присоединяется к капиталу, необходимому для расширения производства в первом подразделении. При этом минимум подобного расширения должен быть таким, без которого неосуществимо действительное накопление, т.е. расширение производства в самом подразделении 2. По мнению академика С. Глазьева, совокупный объем накопления в российской экономике недостаточен для ее поступательного развития. Новый технологический уклад растет в мире на 35% в год. Президент РФ поставил задачу довести норму накопления до 27% ВВП уже в 2017 г. Однако мы пока, к сожалению, очень далеки от этой задачи, фонд накопления не превышает 18%. При этом Китай уже сегодня устойчиво превышает нормы накопления в 40%. В России норма сбережений примерно в 1,5 раза выше нормы накопления. Если бы кредитные институты работали как положено, т.е. обеспечивали бы доведение сбережений до кредиторов, которые хотят организовывать инвестиции, темпы роста были бы у нас не прогнозируемые на 2017 г. 1–1,5%, а 2–3% и выше [8].

Предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, а именно что $МИ(1) = ИМ(2)$, несовместимо с производством эпохи постиндустриализма. Это, впрочем, не исключает того, что на отдельных отрезках экономического цикла общий объем производства в течение какого-либо года бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предшествующим годом не происходит даже простого воспроизводства.

Как уже было указано, развитие информационной экономики не может осуществляться без

крупных переливов капитала как между отдельными отраслями, так и между странами. Одна из ведущих ролей здесь принадлежит глобальной сети Интернет, без которой сегодня невозможно представить себе функционирование всемирного рынка капитала, охватывающего и рынок ценных бумаг, и рынок валюты, и денежные расчеты.

Таким образом, развитие Интернета должно стать сегодня общенациональной стратегией любого государства, стремящегося в будущем занять достойное место на мировой арене, и ряд стран показывает пример разработки и реализации если не комплексной стратегии, то, по крайней мере, ее отдельных элементов и направлений. Так, в 2005 г. весь мировой рынок аутсорсинга разработки программного обеспечения (оффшорного программирования) перешагнул отметку 100 млрд долл. и продолжал расти на 70–80% в год. При этом безусловным лидером на протяжении нескольких лет является Индия – более 43% всех заказов (в денежном выражении) на аутсорсинг попадают в эту страну [9]. Повторить успех Индии готовы не только Китай, Южная Корея, Ирландия или Турция. Национальные программы развития оффшорного программирования реализуют Мексика и Бразилия, Никарагуа, Ботсвана и Шри-Ланка. Предприятия, задействованные в данных программах, пользуются поддержкой правительств, получают различные льготы и налоговые послабления.

По словам И. Юргенса, «вклад информационно-коммуникационного сектора в прирост ВВП США превышает 30 процентов, тогда как доля строительной отрасли – 15%, автомобилестроения – 5%. Стремительно растут и корпоративные инвестиции в информационные технологии, они составляют сегодня от 10 до 35% всех капитальных вложений компаний развитых стран. Доля специалистов в сфере информационных технологий в общей структуре занятости составляет в развитых странах от 4 до 10%» [10].

При этом ситуация, складывающаяся с развитием интернет-экономики в России, оставляет желать лучшего. Объем мирового рынка информационных технологий составлял на начало 2005 г. около 915 млрд долл., что превышало подобный показатель нефтяного сектора. Доля же России на мировом рынке информационных технологий составляла всего 0,2%. Наблюдается заметный «перекосяк» и внутри страны: если доля рынка информационных технологий в ВВП ведущих мировых государств превышает 10%, то в России она составляет всего 1,2% [11, с. 19].

Все это говорит о реальном противоречии, сложившемся в системе воспроизводства совокупного общественного продукта в России.

В результате воспроизводственного процесса, совершаемого на протяжении ряда лет, прирост продукта, создаваемого в «старой», традиционной экономике (ΔМ), оказался значительно большим, чем увеличение информационного продукта второго подразделения (ΔИ). Это означает изменение траектории экономического развития с восходящей на нисходящую (с прогрессивной на регрессивную). Подобное несоответствие может быть устранено двумя способами: либо посредством серьезного системного кризиса, вследствие чего капитал из подразделения 1 переместился бы в подразделение 2, либо путем реализации долговременной общенациональной стратегии опережающего развития информационного сектора экономики. Разумеется, основное бремя разработки и финансирования подобной стратегии должно взять на себя государство.

Результаты

Подведем некоторые итоги. Становление информационной экономики как хозяйственной системы приводит к глубоким изменениям не только на микро-, но и на макроуровне. Закономерности взаимодействия совокупного спроса и предложения, характерные для традиционной экономики, существенным образом видоизменяются. Изучение взаимодействия указанных агрегатов позволяет выявить большой потенциал развития экономических отношений, складывающихся на основе использования потенциально неограниченных информационных ресурсов.

Рассмотрение противоречивости воспроизводственного процесса в России показывает, что национальное хозяйство страны продолжает находиться в состоянии глубокого структурного кризиса, протекающего на фоне затяжной экономической депрессии. Стагнация национального хозяйства страны происходит на основе негативных структурных сдвигов – деиндустриализации экономики на фоне сокращения доли постиндустриального сектора [12]. Это объясняет, почему наметившийся в конце 2016 г. в экономике России рост носит по преимуществу экстенсивный характер: он происходит за счет увеличения производства трудоемких отраслей экономики (пищевой промышленности, сельского хозяйства и др.). При этом доля фактора, связанного с научно-техническим прогрессом, в структуре экономического роста заметно уменьшается. Эскалация экономического роста на базе устаревших технологий может привести к обострению и без того серьезного структурного кризиса, в котором оказалась российская экономика.

С точки зрения теории общественного воспроизводства все большую роль начинает играть

быстро растущий информационный сектор экономики. На этой основе можно выдвинуть гипотезу о существовании закона опережающего развития данного сектора и его ведущей роли в формировании постиндустриального будущего человечества. В этом смысле актуальна задача инициирования прогрессивных структурных сдвигов, способствующих стабильному росту доли информационного сектора. Таким образом, необходима разработка комплексной государственной стратегии развития информационного сектора экономики, способного стать локомотивом обновления структуры всего национального хозяйства России.

Список литературы

1. *Сухарев О. С.* Информационная экономика : аспекты развития // *Финансы и кредит.* 2009. № 5. С. 8–21.
2. *Stewart T. A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y. ; L., Doubleday / Currency, 1997. 262 p.
3. *Никитенкова М. А.* Влияние развития информационно-коммуникационных технологий на формирование инфраструктуры инновационной экономики // *Россия и Америка в XXI в. Электронный научный журнал.* 2002. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=189> (дата обращения: 23.04.2017).
4. *Stewart T. A.* Welcome to the Revolution // *Fortune.* 1993. December 13. P. 66–77.
5. *Stewart T. A.* What Information Costs // *Fortune.* 1995. July 10. P. 119–121.
6. *Кузнецов А. В.* «Новая экономика» и новая экономическая парадигма // *Экономическая наука современной России.* 2002. № 2. С. 5–8.
7. *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева.* М., 1999. 631 с.
8. *Глазьев С.* МЭФ-2017 : Пленарная дискуссия II «Какая стратегия развития будет работать в современной России?» URL: <http://me-forum.ru/upload/iblock/9c7/9c76baf32df363d4f4bad8a5a22fb84f.docx> (дата обращения: 22.04.2017).
9. IT-аутсорсинг в мире и в России // *Журнал IT-СПЕЦ.* URL: <http://www.itspecial.ru/post/10086> (дата обращения: 24.04.2017).
10. *Юргенс И.* Мир меняет трубу на знания // *Рос. газ.* 2005. 21 июля.
11. *Беликов Д. В.* Развитие рынка информационных технологий России : состояние и тенденции // *Вестн. Самар. гос. экон. ун-та.* 2012. № 4. С. 19–25.
12. *Красильников О. Ю.* Структурная эффективность экономики // *Эффективность экономики России : условия, стимулы, ограничения / Т. И. Трубицына, О. Ю. Красильников, Е. В. Огурцова [и др.] ; под ред. Е. В. Огурцовой.* Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. С. 23–47.

Образец для цитирования:

Красильников О. Ю. Воспроизводственная динамика информационного сектора экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 390–397. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-390-397.

Reproductive Dynamics of the Information Sector of the Economy

O. Yu. Krasilnikov

Oleg Yu. Krasilnikov, ORCID 0000-0002-2211-4370, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, ok-russia@yandex.ru

Introduction. In the beginning of XXI century national economies of some countries were transformed through structural changes associated with the formation of the new postindustrial order. These changes require adequate theoretical understanding. The article discusses the structure of the total social product reproduction process with the participation of two entities: material and information sectors of the economy. **Theoretical analysis.** Simple and expanded reproduction of the total social product with the participation of the information sector are analyzed in the article. The puts forward the hypothesis about the existence of economic law of priority development of the information sector of the economy at the stage of postindustrial social system formation. The current state of Russian economy analysis revealed the existence of some negative trends: structural deformation and de-industrialization, occurring on the backdrop of protracted economic stagnation. **Results.** There made a conclusion about the necessity of elaboration of a comprehensive national strategy for the development of the information sector of economy, which will be able to become an engine of upgrade and diversification of Russian national economy structure and to overcome its raw materials dependence.

Key words: post-industrial economy, social reproduction, material and information sectors, Internet, law of priority development of the information sector of the economy.

References

1. Suharev O. S. Informatsionnaya ekonomika: aspekty razvitiya [The information economy: development]. *Finansi i credit* [Finance and credit], 2009, no. 5, pp. 8–21 (in Russian).
2. Stewart T. A. *Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations*. New York, London, Doubleday / Currency, 1997. 262 p.
3. Nikitenkova M. A. Role of diffusion of information-communication technologies (ICT) in formation of an infrastructure of innovative economy. *Rossiya i Amerika v XXI v. Electronnyi nauchnyi zhurnal* [Russia and America in the XXI century. Electronic scientific journal], 2002, no. 1. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=189> (accessed 23 April 2017) (in Russian).
4. Stewart T. A. Welcome to the Revolution. *Fortune*, 1993, December 13, pp. 66–77.
5. Stewart T. A. What Information Costs. *Fortune*, 1995, July 10, pp. 119–121.
6. Kuznetsov A. V. «Novaia ekonomika» i novaia ekonomicheskaya paradigma [The “new economy” and a new economic paradigm]. *Economicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2002, no. 2, pp. 5–8 (in Russian).
7. Stewart T. A. Intellektualnyi kapital. Noviy istochnik bogatstva organizatsiy [Anthology (Intellectual capital. The new wealth of organizations)]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade* [New postindustrial wave in the West. Anthology. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, 1999. 631 p. (in Russian)].
8. Glaz'ev S. *MEF-2017: Plenarnaya diskussiya II «Kakaya strategiya razvitiya budet rabotat v sovremennoy Rossii»* (MEF-2017: Plenary discussion II “What development strategy would work in today’s Russia?”). Available at: <http://me-forum.ru/upload/iblock/9c7/9c76baf32df363d4f4bad8a5a22fb84f.docx> (accessed 22 April 2017) (in Russian).
9. IT- outsourcing v mire i v Rossii (IT-outsourcing in the world and in Russia). *Journal IT-SPETS*. Available at: <http://www.itspecial.ru/post/10086> (accessed 24 April 2017) (in Russian).
10. Yurgens I. Mir menayet trubu na znaniya [The world changes a pipe on the knowledge]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2006, 21 July (in Russian).
11. Belikov D. V. Development of IT-market in Russia: status and trends. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2012, no. 4, pp. 19–25 (in Russian).
12. Krasilnikov O. Yu. Strukturnaya effektivnost' ekonomiki [The structural efficiency of the economy]. In: *Effektivnost' ekonomiki Rossii: uslovia, stimuly, ogranicheniya* [Efficiency of the Russian economy: conditions, incentives, constraints. Ed. by E. V. Ogurtsova]. Saratov, Saratov University Press, 2015. Pp. 23–47 (in Russian).

Cite this article as:

Krasilnikov O. Yu. Reproductive Dynamics of the Information Sector of the Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 390–397 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-390-397.

УДК 338.242.4

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ: ПОИСК МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

В. А. Максимов

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maxvad53@yandex.ru

Введение. Методологические предпосылки выделения новой области исследований предполагают возможный категориальный аппарат, уровни анализа, проблемные области знания и междисциплинарную демаркацию. **Теоретический анализ.** Природа экономического патриотизма раскрывается через экономическое поведение как индивидов, так и сообществ и представительной власти. Экономические действия могут быть рациональными в стабильной экономике и иррациональными в период кризиса. Нерациональность основывается на ментальности, включенности в хозяйственный этос и доверии общества к регуляторам. **Результаты.** Идеологические представления и конкретное практическое преломление может быть представлено в виде отношения общества к происходящим событиям в мировой экономике, наносящим ущерб национальным интересам и национальным ценностям, что подтверждается современными и ретроспективными опросами. Экономическая макрополитика обычно делает выбор между протекционизмом и свободной интеграцией в глобальной экономической связи. Протекционизм имеет глубокие исторические корни, акцентируя внимание на защите отечественного предпринимательства. Политика импортозамещения, проводимая Правительством РФ, имеет свои плюсы и минусы. В условиях санкций потенциал патриотической риторики неочевиден и возможно дальнейшее состояние стагнации.

Ключевые слова: символическое значение экономических патриотических действий, микро- и макропринятие решений, национальные ценности и интересы.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402

Введение

Терминологически «экономический патриотизм» представляется как идеологический конструкт, входящий в сознание через специфические фильтры и отражающийся в пристрастных оценках, основанных на ментальности, исторически архетипической ретроспекции и социальной приверженности.

Этимология слова «патриотис» (с др.-греч.) – соотечественник – в привязке со словом «экономический» на индивидуальном (субъектном) уровне может означать: соотнесение себя с хозяйственными образами общества, соответствие или отождествление своих действий с действиями других субъектов, функционирую-

щих в однородном по интересам пространстве. На макроуровне экономический патриотизм проявляется в национальном самосознании, выражающемся в государственной экономической политике и принимающем вырабатываемые властью институционализируемые хозяйственные практики.

Субстанционально экономический патриотизм раскрывается в поведении (экономической активности), устойчивости взаимосвязей и ценностных установках. Мотивация действий покоится на эгоизме и добродетели, справедливости и безопасности (А. Смит). Моральный компонент объясняет и опосредует экономический выбор в дилемме «я-другой». Инстинктивная склонность к обмену компенсирует ограничения в использовании и доступе к ресурсам, что отвечает развитию нации.

Можно ли выделить предметное поле, объясняющее или конкретизирующее экономический патриотизм? Или хотя бы очертить изоморфизм с другими дисциплинарными программами и определить критерии демаркации с ними? Схожесть по признакам и применяемым понятиям просматривается в таких научных направлениях, как поведенческая экономика (сходные дефиниции: мотивы, потребности, ценности), глобалистская экономика (конфликтность, рыночное доминирование, тарифно-санкционное принуждение), экономическая социология (приписывание ролей и норм, патримония власти). В гуманитарных дисциплинах – политологии и психологии – экономический патриотизм рассматривается либо через призму патриотизма вообще, либо через его содержательные черты. О. Дейнека пишет, что это «стремление защитить национального производителя, предпочесть отечественные товары – импортным», и далее: «Экономический патриотизм является ... одним из нематериальных активов конкурентоспособности и стабильности экономики» [1, с. 45]. А. Журавлёв и А. Юревич определяют экономический патриотизм как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы» [2, с. 90].

Теоретический анализ

Категориальный смысл патриотизма, исходя из философских позиций, предстает как символическое отражение реальности, форма познавательной деятельности, особенно выпукло являющей себя в событии и ситуации. Аристотель указывал на эмоциональное состояние индивида, отождествляющего себя с демосом, находящимся в системном напряжении. Символ не просто указывает на другие объекты, а заслоняет и замещает собой нечто иное, недоступную предметность, понять которую можно только через другую предметность (К. Юнг). Приблизительно такое восприятие связано с любым брендом, особенно представляющим страну: «Made in ...», «Сделано в СССР», «Знак качества». Символ – это развернутый знак (А. Лосев), он воплощает в себе не только абстрактное знание, но и конкретное. Понимание символа возможно через его интерпретацию, в нем один смысл – прямой, первичный, означающий одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый. Иными словами, смысл может выражаться в разных знаках, значениях, например, известная метафора в монетаристской макроэкономике: «Money matters». Коннотативный смысл может приниматься без объяснения. М. Мамардашвили писал, что у верующего человека возникает символическое пространство, которое отличается от материального пространства человека неверующего: оно организует поведение, обусловленное особым видением мира и выполнением ритуальных действий. На практике такое поведение выражается в почти абсолютном доверии (вследствие события и/или ситуации) к субъекту или представительному органу. В таком значении в России индивидуальный экономический патриотизм олицетворяет фигура президента (по опросам 2016 г., ему доверяли 86% респондентов). Н. Бердяев отмечал (вслед за К. Марксом), что самосознание может искажать действительность (иметь превращенные формы): «...нужно различать мораль символизма и мораль реализма. И нужно признать, что господствует почти всегда мораль символизма, <...> символической моралью полна жизнь государства, жизнь семьи, жизнь светского общества. Вместо реального осуществления добра делают условные знаки его осуществления...» [3, с. 54–55]. В когнитивной концепции поведенческой экономики символ представляет собой эффективное средство ориентации в постоянно возникающих ситуациях неопределенности. В этом ракурсе характерны слова В. И. Ленина, сказанные во время Первой мировой войны: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство националь-

ной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» [4, с. 107]. В этих словах – не только двусмысленность политическим идеологом, но и связка патриотизма и поведения.

Содержание природы патриотизма, исходя из индивидуальных черт, корректно представлено в психологических исследованиях, где выделяется особо нормативная составляющая. Подчеркивается, что:

- существует потребность в собственно научном анализе экономического патриотизма;
- познание явления предполагает разброс мнений, спектральность;
- необходимо определиться с экономическим патриотизмом как ценностью, особенно в современной России;
- сущность экономического патриотизма определяется как сложный социально-правовой принцип и морально-психологическое чувство.

Правовой аспект патриотизма выделен во всех редакциях законов и указах Президента РФ о национальной безопасности, раскрывающийся в синонимичных понятиях: национальные интересы и национальные ценности. Патриарх Кирилл, в своем послании на Архиерейском соборе 2000 г. уточнил, что истинный патриотизм – это жертвенность, истинная вера, служение Богу, отечеству и близким (что восходит к деяниям Сергия Радонежского). Православная традиция предполагает такие установки: труд на благо отчизны, забота об устройении народной жизни, народного самопознания и самоуправления.

Результаты

Природа экономического патриотизма может быть рассмотрена через действия, принятие решений (экономическое поведение); теоретически это нерациональное поведение, но в интроспекции, т.е. с позиции субъекта, оно как раз оптимально. О стратегии правительства в стагнирующей или мобилизационной экономике, не поддающейся канонам теории, писал Д. М. Кейнс, подводя итоги Первой мировой войны. Нерациональность основывается на менталитете, хозяйственном этосе и доверии общества к политико-экономическому дизайну. Ситуативное принятие решений регулирующих органов (санкции и анти-санкции в 2014 г.) может привести к несогласованности действий и интересов (в буквальном смысле – доходности) экономических субъектов, и отсюда возможный антагонизм государства и общества, общества и бизнеса, внутри бизнеса. В 2015 г. в большинстве торговых сетей в РФ выставленная

продукция на 40% входила в санкционный список. В 2014 г. Правительство РФ обязало корпорации в исполнении государственного заказа делать закупки у МСБ в размере 10% (в рамках импортозамещения) – в конце 2016 г. отчитались лишь некоторые.

Национальные интересы должны быть чётко прописаны в официальных документах, не подразумеваемая иного толкования, двусмысленности и декларативности. В последней редакции Закона «О национальной безопасности» от 30.12.2015 вообще нет слов об экономическом патриотизме, хотя на сайте Президента РФ заставка содержания акцентировано явление подчёркивает. Причём впервые с 1992 г. национальная безопасность характеризуется как военная безопасность. В контексте экономического патриотизма это означает интерес военно-промышленного комплекса, корпоративный интерес, который может быть настолько гипертрофирован, что будет игнорирован Основной закон (Конституция РФ). Вышеупомянутое постановление правительства не действует из-за отсутствия допуска к производству оборонного заказа.

Методологически предмет экономического патриотизма должен быть сосредоточен на общественных интересах и реализации субъектами своих политико-экономических ролей, структурно значимых для устойчивого развития. В Конституции (ст. 7) выделено, что Российская Федерация является социальным государством, полномочия народа становятся приоритетными, особенно с позиции справедливости и собственности. Их символическая прерогатива в конкретном воплощении заключается в праве на достойный доход и свободную занятость. В западных экономических исследованиях аналитически обосновывается сдвиг в социально-экономической политике государства: в развитых странах в XX в. произошла (буквально) революция в области налогообложения – переход на прогрессивный подоходный налог. Эта мера в какой-то степени ограничивает корпоративное поведение, при котором доходы превышают инвестиции или «прошлое пожирало будущее» [5, с. 494]. Отмечается, что справедливое распределение национального богатства означает «вторичную редакцию» правомочий собственности общества и индивидов.

Формат теории позволяет определиться с местом экономического патриотизма как в дисциплинарных областях, так и в конкретной области знания – экономической безопасности. Данные мониторинга «Ценности и интересы населения России» показывают устойчивый рост индексов опросов в отношении прав на свободу, труд и безопасность (+ 6; 5; 7 п. п.). Показательно, что если в начале 2000-х гг. патриотические установки

поддерживали менее 50% россиян (51,5% бедных и 22,4% богатых), то к 2014 г. наблюдались две волны патриотического всплеска: после Олимпиады в Сочи – у 81% опрошенных, после вхождения Крыма – у 88%. Последние опросы, проведенные Левада-центром, артикулированные, как «Что, по вашему, означает быть патриотом?», дали такие ответы: 68% – любовь к своей стране; 27% – работа (действие) во благо страны; 22% – стремиться к изменению положению дел в стране. Любовь к Родине выражается у россиян амбивалентно (и чувство гордости по отношению к истории и культуре, и чувство стыда/горечи по поводу несовершенства хозяйственного механизма, управления, правил игры). Понятно это предстает как определенная форма – критический патриотизм. Также можно выделить псевдопатриотизм, вербально-официозный, когнитивно-диссонансный, компрадорский, локальный, этнический патриотизм. Особая форма – идеологический патриотизм, маркированный партийными предпочтениями или идейными платформами. ЭП отражается в таких мнениях россиян (по опросу ВЦИОМ-2014, «Кто не является патриотом?»): берёт взятки и дает – 66%; уклоняется от налогов – 63% [2].

Макрооснования экономического патриотизма исходят из теории экономической политики – действия государства, способствующие укреплению нации (общества) на внутренних и международных рынках. Из резолюции ООН по условиям экономической безопасности, мирный дивиденд является залогом прогресса. Механизм обеспечения такого процесса на практике изначально иной: либо запретительная конкуренция, либо протекционизм. Исторически идеологическим оправданием государственных решений стал меркантилизм, политико-экономическое учение, зародившееся в Западной Европе в XV–XVI вв. А. Смит, считающийся поборником free trade, писал, что есть чувства, которые перевешивают этот принцип, – национальное самоуважение. Меркантилисты, по его мнению, настаивали на том, что «оборона важнее благосостояния». В XIX в. Ф. Лист выпускает книгу «Национальная система политической экономии», эпиграфом к которой были слова: «et la patria et l'humanité» – «и отечество, и человечество». В ней он определил, что экономический патриотизм сочетается в личностных и национальных ресурсах, что без него «не достичь высокой степени благосостояния и могущества». А. Маршалл писал, что «патриотизм является более щедрым чувством, чем индивидуализм и более твердым и определенным, чем космополитизм», противостоя тем самым тезису, по которому рынок и конкуренция не признают границ [6, с. 112–113]. В исследованиях экономических историков аргументированно выводится

положение, что мировое лидерство Голландии, Англии и Франции в Новое время достигнуто благодаря политике протекционизма. Российский экономист и политик П. Б. Струве в работе «Торговая политика в России» указывал, что высокие таможенные барьеры и пошлины (до 90%) в США и России последней трети XIX в. позволили этим странам сделать рывок в экономическом развитии [7, с. 26].

Одной из сторон такого развития является политика импортозамещения. В условиях санкций, когда вызов становится осязаемым, правительство прибегает к риторике патриотизма и апеллированию к национальному самосознанию. Обычно эта политика временная, так как несет для нации большие издержки и дополняется (не дополняется) другими мерами. В макрополитике для достижения национальной экономической безопасности в этом случае ориентируются на две модели: латиноамериканскую и восточно-азиатскую [8, с. 75]. В первой акцент делается на реиндустриализацию и увеличение госсектора (свыше 50%), при второй осуществляют экспортно ориентированную стратегию. Считается, что в итоге первая модель ведет к неудаче, вторая – к успеху, но движущей силой обеих являются прямые иностранные инвестиции. Везде негативными моментами становятся ограничение конкуренции и частного спроса государством для поддержки монополий и государственных корпораций. В этом случае у последних появляется тяга к рентоискательству. В США вариантом политики импортозамещения стал закон «О восстановлении и реинвестировании американской экономики» (2009 г.), аналогичный призыву 1930-х гг. «Покупай американское», по которому любой госзаказ исполняется отечественными товарами. Исключение допускается по трем причинам: недоступность или отсутствие национального товара или услуги; ценовая недоступность (внутренние цены выше на 25%); общественная значимость. Успех восточноазиатской модели, наряду с патриотическим ореолом, был достигнут за счет:

- короткого периода политики импортозамещения;
- перехода к экономике знаний;
- государственных инвестиций в R&D;
- «окна возможностей» в период «инновационной паузы» в мире.

В России намерения экономической власти не релевантны собственным действиям. По сути, действует антиимпортное принуждение. У субъектов всех уровней нет заинтересованности в замене зарубежных образцов и поиске отечественных аналогов. Статистические данные по потребительскому рынку РФ только подчеркивают это. Доля импортной продукции составила

в 1993, 1999, 2009 и 2015 гг. – 40%, в 2016 г. (III кв.) – 36%. Если ПИИ в мировой экономике упали на 36%, то в России – на 92% (2015 г.). Норма накопления в стране составила: в 2011 г. – 24%, в 2014 г. – 20%, в 2015 г. – 18%. Экспертный совет при вице-премьере Шувалове в 2015–2016 гг. перманентно возвращался к расширению списка «120», содержащему укрупненную номенклатуру импортного оборудования и комплектующих материалов для крупного бизнеса. Специалисты ЦБ России констатировали, что эконометрические оценки указывают на достаточно ограниченный потенциал импортозамещения в целом.

В середине 2016 г. правительство, судя по вербальным интервенциям, определилось с вектором развития в пользу азиатской модели. Глава МЭР А. Улюкаев утверждал, что за счет упавшего импорта мы компенсировали отрицательный вклад личного потребления, составивший 5,2 п.п. ВВП. Это означает замещение за счет снижения доходов населения [9]. Но ориентация на несырьевой экспорт не имеет перспектив. Чуть позже он же указывал, что торговля из драйвера превратилась в тормоз глобального экономического развития, что на фоне стагнации мирового хозяйства наша продукция никому не нужна.

Таким образом, экономический патриотизм пока не имеет отчетливо особой методологической базы, но как междисциплинарная область приемлем и вполне обозначает формат концепции возможной исследовательской программы.

Список литературы

1. Дейнека О. С. Некоторые акценты современных исследований в отечественной экономической психологии // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2016. Вып. 3 : в 2 ч. Ч. 1. С. 41–48.
2. Журавлёв А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 88–98.
3. Веракса А. Символ и знак : диалектика символического познания // Вопр. философии. 2016. № 1. С. 52–58.
4. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 26. С. 106–110.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке : пер. с англ. М., 2015. 592 с.
6. Карнышев А. Д. Экономический патриотизм и его этнорегиональные аспекты // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2016. Вып. 3 : в 2 ч. Ч. 2. С. 111–117.
7. Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск, 2007. 306 с.
8. Кравченко Н. А. История импортозамещения // ЭКО. 2015. № 9. С. 73–91.
9. Импорт капут // Эксперт. 2016. № 42. С. 1–3.

Образец для цитирования:

Максимов В. А. Экономический патриотизм: поиск микро- и макроэкономических оснований на фоне современного российского кризиса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 398–402. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402.

**Economic Patriotism:
Search for Micro- and Macroeconomic Justification
Against the Background of Contemporary Russian Crisis**

V. A. Maximov

Vadim A. Maximov, ORCID 0000-0003-0559-9246, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, maxvad53@yandex.ru

Introduction. Methodological premise of the selection of a new field of research: possible categorical apparatus, levels of analysis, knowledge and interdisciplinary areas of demarcation.

Theoretical analysis. The nature of economic patriotism is revealed through economic behavior, as individuals, communities and representative Government. Economic activities can be rational in a stable economy and irrational during crisis. Irrationality is based on mentality, inclusion in economic ethos and trust society to regulators. **Results.** Ideological views and specific practical refraction can be represented as a public attitude toward what is happening in the world economy, detrimental to the national interest and national values, as evidenced by the contemporary and retrospective interviews. Economic macro-policies usually makes the choice between protectionism and free integration in the global economic context. Protectionism has deep historical roots, focusing on protection of domestic entrepreneurship. Import substitution policies pursued by the Government of the Russian Federation, has its pros and cons. Under the sanctions, the potential of patriotic rhetoric is not intuitive and perhaps further stagnation.

Key words. The symbolic significance of the patriotic action economic micro and macro decisions, national values and interests.

References

1. Deyneka O. S. Some accents of modern research in native economic psychology. *Ekonomicheskaja psikhologija: proshloe, nastoiashee, budushee* [Economic psychology: past, present, future]. Saratov, 2016. Iss. 3 : in 2 pt. Pt.1, pp. 41–48 (in Russian).
2. Zhuravlev A. L., Yurevich A.V. Patriotism as an object of psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 3, pp. 88–98 (in Russian).
3. Veraksa A. Symbol and Sign: Dialectics of Symbolic Cognition. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, pp. 52–58 (in Russian).
4. Lenin V. I. O natsional'noi gordosti velikorossov [Captain of the national pride of Russians]. *Lenin V. I. Complete works*. In 55 vols. 5th ed. Moscow, 1958–1965. Vol. 26, pp. 106–110 (in Russian).
5. Piketti T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, 2014. 686 p. (Russ. ed.: Piketti T. Kapital v XXI veke. Moscow, 2014. 592 s.).
6. Karnyshev A. D. Economic patriotism and its ethno-regional aspects. *Ekonomicheskaja psikhologija: proshloe, nastoiashee, budushee* [Economic psychology: past, present, future]. Saratov, 2016. Iss. 3 : in 2 pt. Pt. 2, pp. 111–117 (in Russian).
7. Struve P. B. *Torgovaia politika Rossii* [Trade policies of Russia]. Chelyabinsk, 2007. 306 p. (in Russian).
8. Kravchenko N. A. Stories of Import Substitution. *EKO* [ECO], 2015, no. 9, pp. 73–91 (in Russian).
9. Import kaput. *Ekspert* [The Expert], 2016, no. 42, pp. 1–3 (in Russian).

Cite this article as:

Maximov V. A. Economic Patriotism: Search for Micro- and Macroeconomic Justification Against the Background of Contemporary Russian Crisis. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 398–402 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402.

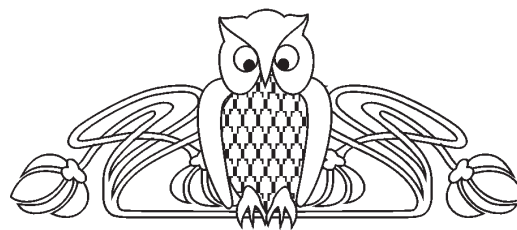

УДК 334.4

ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Е. В. Порезанова

Порезанова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, porezanova.elena@yandex.ru

Введение. В современных условиях большое значение приобретает модернизация экономики России. Необходимо проанализировать ограничения модернизации. Этим определяется актуальность исследования. **Теоретический анализ.** Модернизация предполагает структурную перестройку экономики, производящей конкурентоспособную продукцию. Ее ограничениями выступают: непродуманная экономическая политика, инфляция, экономическая нестабильность, спровоцированные экономические кризисы, ослабление роли государства в экономике. Ограничения приводят к формированию противоречий в экономике страны. Основными противоречиями модернизации являются: противоречие между целями модернизации и средствами достижения целей, между необходимостью усиления роли государства в условиях кризиса и ослаблением роли государства в современных условиях. **Выводы.** Механизм снятия ограничений могут быть усиление зоны ответственности государства в условиях нестабильности экономического развития, выработка перспективной промышленной политики.

Ключевые слова: модернизация экономики, ограничения модернизации, синергетический эффект модернизации, снятие экономических ограничений.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-403-407

Введение

В современной экономике России актуальными представляются анализ ограничений модернизационного развития экономики России и поиск механизма снятия этих ограничений. Данные механизмы достаточно сложны, однако не вызывает сомнения тот факт, что Россия нуждается в модернизации экономики, политики и социальных отношений. При этом следует учитывать такие факторы, как наличие и влияние неопределенности, случайности, рисков при оценке средств и ресурсов (потенциала) стратегии модернизации и альтернативных возможностей ее реализации.

Ограничения модернизации нуждаются в более глубоком исследовании ввиду сложности экономического положения России, отсталости от развитых стран в социально-экономическом развитии и уровне жизни населения. Они приводят к деформации экономической системы, обострению противоречий в процессе модернизации экономики страны, что также требует дополнительного осмысления.

Признавать в качестве национального приоритета всестороннюю модернизацию, но видеть в этом создание исключительно инновационной экономики нереально с точки зрения располагаемых финансовых ресурсов, кадрового потенциала и социальных движущих сил модернизации. Объективные ограничения требуют повысить управляемость процессом модернизации за счет целенаправленного снижения уровня рисков. Для этого нужно задействовать в полной мере всю совокупность инструментов государственного управления: госзаказ и контрактную систему, долгосрочные программы и планы развития экономики, ее отраслей и территорий, а также бюджет, кредит и др. Кроме того, необходимо развивать институциональную составляющую модернизации, что потребует преодоления ограничений модернизационного развития. Это определяет актуальность исследования данной проблемы.

Теоретический анализ

В современных условиях важным направлением развития экономики России является модернизация. Модернизация включает составляющие различного системного уровня, например, в качестве обязательной компоненты – реиндустриализацию, т.е. восстановление и обновление всей системы кооперационных связей товарного производства и обращения, а в качестве главной цели – формирование экономики инноваций, т.е. организацию производства, обращения и потребления новых видов высокотехнологичной продукции. Исходя из этого, модернизация предполагает структурную перестройку экономики, производящей конкурентоспособную продукцию. Реализация задач и форм проведения этих преобразований обеспечит синергетический эффект модернизации экономики России, который будет заключаться во взаимодействии и усилении влияния всех участников модернизационного процесса, согласовании их интересов и возрастании эффективности их деятельности в результате сочетания, интеграции отдельных

мероприятий, способов модернизации в единую систему. При этом преимущество синергии возникает, если виды деятельности дополняют друг друга таким образом, что совокупный эффект превышает простую сумму составных частей.

Однако опыт проведения модернизации оказался негативным. Платой за неуспешную модернизацию в 2000–2010 гг. станет потеря способности экономики к расширенному воспроизводству в 2020–2030 гг. Без модернизации нельзя не только сократить разрыв в уровне экономического развития со странами-лидерами и повысить долю России в глобальном ВВП, но и удержать нынешнюю. Исходя из этого, можно сформулировать противоречие между целями модернизации и средствами достижения этих целей. Пока отсутствует проработанный механизм реализации неиндустриальной модернизации экономики.

Имеются определенные ограничения модернизационного развития экономики России. Прежде чем анализировать ограничения модернизации, необходимо исследовать понятие «ограничение в экономике». Данное понятие сложно, многоаспектно, многоструктурно. Необходимо его рассмотрение в экономико-философско-психологическом аспекте. С философской точки зрения «ограничения» – это границы свободы в экономике. С экономической точки зрения «ограничения» представляют собой целостную систему отношений между субъектами хозяйствования, выражающие установление определенного предела, с психологической точки зрения «ограничения» предполагают определенные, детерминированные рамки поведения индивида, группы лиц, коллектива, общества в целом, регламентирующие взаимодействие и взаимоотношения людей.

Ограничение в словарях толкуется как грань, предел, удержание в известных рамках, стеснение определенными условиями, сужение возможностей [1, с. 357].

Подходы к понятию «ограничение» следует искать в философских категориях «граница», «мера». Мера есть качественно определенное количество, прежде всего непосредственное. По Гегелю, мера всегда имманентна по отношению к качеству. Мера выступает не только как количественная в качестве, но и как качественная в количестве. Нарушение меры приводит к изменению данного предмета (явления), к превращению его в другой предмет (явление) [2, с. 184].

Превращение качества в количество имеет место постольку, поскольку идет процесс усложнения, дифференциации качества, т.е. развития материального объекта. Само понятие

«развитие» предполагает определенную направленность, движение от одного качественного состояния к другому. Поэтому ограничения тоже претерпевают определенные изменения.

Исходным моментом ограничений выступает то, что поведение индивидов в социуме определяется не биологическим значением вещей, а их общественным значением. Переходя от понятия «социум» к понятию «экономическая система», можно предположить, что отличительной чертой хозяйственной деятельности является осознание цели хозяйствования и обусловленность общественным опытом действий по ее достижению. Таким образом, условиями возникновения ограничений выступают общественный опыт людей и рациональность мышления.

Необходимость ограничений обусловлена закономерностями человеческой деятельности, т.е. вытекает из самой формы существования человека как общественно-трудового и рационального существа. Так, например, развитие предпринимательства разрушило феодальные и цеховые оковы, низвело до минимума государственное вмешательство. Власть привилегий и регламентаций уступила место власти частной инициативы. Как выражается Ю. М. Осипов, «наступила эра хозяйственной свободы». Можно согласиться, что хозяйствование свободы – не произвольное и не беспорядочное хозяйствование. Оно организовано таким образом, что не подвергается никакому управляющему воздействию, кроме того, которое им самим предполагается. Это хозяйствование, свободное от внешней, навязанной несвободы. Между свободой и несвободой необходимо определенное соотношение – мера, чтобы свобода, постоянно превращаясь в несвободу, не вызвала бы такой несвободы, которая бы уничтожила саму свободу [3, с. 148].

Основными характеристиками ограничений в экономике являются динамичность, референтность и эффективность. Динамичность ограничений означает постоянное изменение технического уровня, состава и квалификации работников, экономических отношений и форм организации производства и потребления. Эти изменения связаны с развитием рыночных структур, с возникновением новых ситуаций и разрешением их. Значительное влияние на изменчивость экономических процессов, а следовательно, и ограничений, оказывает политическая ситуация и социальные изменения.

Референтность ограничений предполагает соотнесение экономического поведения субъекта хозяйствования с мнениями и оценками других субъектов, это соотнесение осуществляется путем обращения к ценностным ориентациям другого лица (субъекта) или других лиц (коллекти-

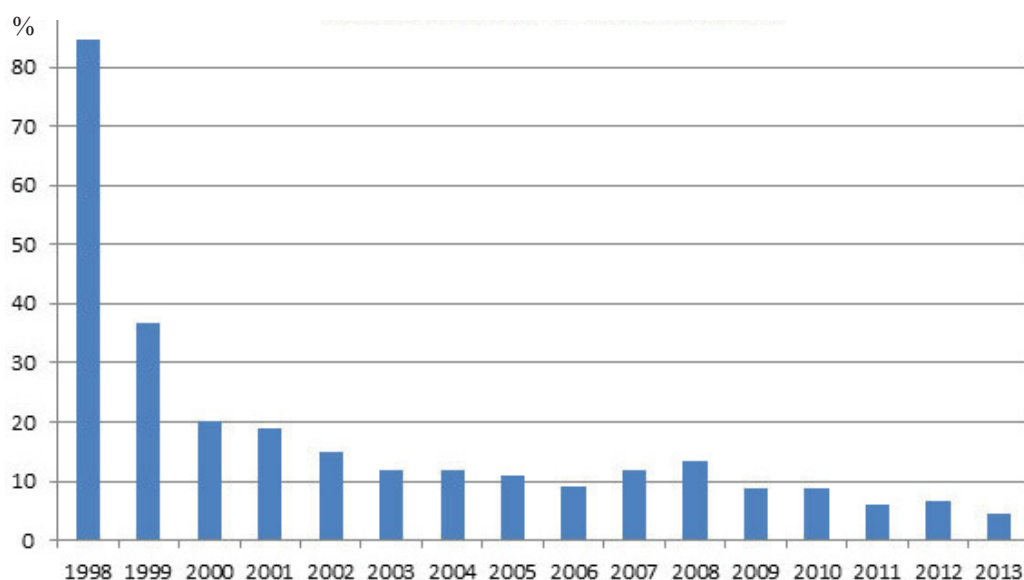

вов). Таким образом, возникает проблема выбора. Основанием выбора оказывается ценностный фактор, эффективность же ограничений предполагает соизмерение затрат с результатами.

Говоря о структуре ограничений, можно выделить несколько их уровней в экономике. Рассмотрение ограничений необходимо вести на уровне экономики в целом, на мезоуровне: региональные ограничения, отраслевые, а также на уровне отдельных, первичных звеньев хозяйствования – предприятий.

Макроэкономическими ограничениями модернизации экономики России выступают: непродуманная экономическая политика, инфляция, экономическая нестабильность, спровоцированные экономические кризисы, ослабление роли государства в экономике.

Так, непродуманная экономическая политика приводит к увеличению уровня инфляции в экономике. При этом рост цен свидетельствует об увеличении уровня инфляции в стране. Изменение уровня инфляции в России за ряд лет представлен на рисунке. Анализируя эти данные, можно отметить, что в 1998 г. уровень инфляции в стране составлял 84%, в 2000 г. он снизился до 21%, в 2010 г. составлял 10%, а в 2013 г. был всего 6,4%. В целом тенденция положительная, так как наблюдается снижение уровня инфляции в стране. Однако прирост инфляции каждый год на несколько процентов свидетельствует о росте цен на разные группы товаров. Это отрицательные последствия инфляции, так как в России уровень цен опережает рост уровня заработной платы.

Уровень инфляции в России в 1998–2013 гг.
Inflation in Russia in 1998–2013

При этом уровень инфляции в 2014 г. составил 11,4%, в 2015 г. – 12,9%, а в 2016 г. – 5,4%. Вместе с тем необходимо отметить, что кризис 2014–2016 гг. спровоцирован правительством и внешнеэкономическими факторами. Следовательно, у большинства населения страны уровень жизни не повышался, а снижался, несмотря на данные официальной статистики и усилия Правительства России. Поэтому можно говорить об инфляционном риске модернизации, который не оказывает позитивного влияния на развитие экономики России в современных условиях.

Кризисы 2008–2009 и 2014–2016 гг. повлияли на развитие экономики России в сторону

ухудшения макроэкономических показателей, но в 2011 г. наблюдается позитивная динамика развития. Так, 2011 г. виден рост промышленного производства на 4,7% к 2010 г. Это свидетельствует о выходе экономики России из кризиса и ее готовности к переменам. Вместе с тем экономический кризис 2014–2016 гг. свидетельствует, что объем ВВП в 2015 г. снизился по сравнению с 2014 г. на 4,4%, а по сравнению с 2013 г. – на 5%. При этом в 2016 г. темп снижения замедлился. Реальные денежные потоки населения продолжают стабильно падать, при этом в первом полугодии 2016 г. они существенно снизились: на 22,6% к 2015 г. и на 26,4% к 2014 г. Об этом свидетельствуют данные таблицы.

Динамика макроэкономических показателей за 2012–2016 гг., в процентах к предыдущему году
Dynamics of macroeconomic indicators for 2012–2016, in percentage to previous year

Показатель	2012	2013	2014	2015	I полугодие 2016
ВВП	103,5	101,3	100,7	96,3	99,1
Безработица	84,6	100,0	94,5	107,1	104,2
Реальные денежные доходы населения	105,8	104,8	99,5	95,7	73,1

По состоянию на 2016 г. российская экономика подходит к окончанию кризисного периода. Падение основных макроэкономических показателей в целом замедлилось, что говорит об относительном улучшении ситуации в стране. Но чтобы перейти к фазе подъема, экономике РФ потребуется долгий промежуток времени. Это свидетельствует об экономической нестабильности и недостаточных действиях государства по улучшению макроэкономической ситуации.

Исходя из этого, можно говорить о наличии следующего противоречия: между необходимостью усиления роли государства в условиях кризиса и после него и ослаблением роли государства в современных условиях.

Учитывая ограничения модернизационного развития экономики России и противоречия модернизации, необходимо рассмотреть механизмы снятия ограничений и механизмы разрешения этих противоречий.

Выводы

Макроэкономические ограничения приводят к следующим рискам модернизационного развития экономики России:

- 1) организационно-аналитическому риску, связанному с риском ошибочного выбора экономических решений;
- 2) финансовому риску, связанному с недостаточным уровнем финансирования мероприятий по внедрению этой модели развития экономики;
- 3) организационно-производственному риску, связанному со сбоями в процессе внедрения данной модели развития;
- 4) коммерческому риску, отражающему усиление конкуренции и невозможность внедрения этой модели развития;
- 5) управленческому риску, связанному с риском недостаточного кадрового обеспечения и неграмотным менеджментом процесса внедрения данной модели развития;
- 6) правовому риску, связанному с обеспечением правовых условий внедрения этой модели развития экономики.

Однако перечисленные риски можно нивелировать, ожидая положительного синергетического эффекта, если использовать следующие

механизмы снятия ограничений: усиление зоны ответственности государства в условиях нестабильности экономического развития, выработку перспективной промышленной политики.

Расширение зоны ответственности государства в современных условиях развития экономики предполагает: создание инновационной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику; диверсификацию экономики на основе инновационного технологического развития; закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России; расширение и укрепление внешнеэкономических позиций России, повышение эффективности ее участия в мировом разделении труда; переход к новой сбалансированной модели пространственного развития российской экономики.

Вместе с тем эффективная промышленная политика будет способствовать стимулированию развития экономики, повышению конкурентоспособности производства за счет технологической модернизации, совершенствованию управления и комплексному развитию промышленного потенциала.

Механизмом разрешения вышеперечисленных противоречий могут быть: расширение частной инициативы и конкуренции; налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества; защищенность прав собственности; снижение уровня коррупции; укрепление законности; улучшение качества государственного управления. Совместные усилия всех заинтересованных сторон и реализация указанных мер приведут к усилению зоны ответственности государства в современных условиях и созданию синергетического эффекта в экономике, обеспечивающего высокий уровень социально-экономического развития страны.

Список литературы

1. Ожегов С. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
2. Гегель В. Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970–1972. Т. 1. 452 с.
3. Осипов Ю. М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во МГУ, 1994. 368 с.

Образец для цитирования:

Порезанова Е. В. Ограничения модернизационного развития экономики России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 403–407. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-403-407.

**Limitations of the Modernization
of Russia's Economic Development**

E. V. Porezanova

Elena V. Porezanova, ORCID 0000-0001-5010-1270, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, porezanova.elena@yandex.ru

Introduction. In modern conditions of great importance is the modernization of the Russian economy. It is necessary to analyze the limitations of modernization. This determines the relevance of the study. **Theoretical analysis.** Modernization involves the restructuring of the economy, producing competitive products. Its limitations are: ill-conceived economic policies, inflation, economic instability provoked by economic crisis, the weakening role of the state in the economy. Limitations lead to the formation of contradictions in the economy of the country. The main contradictions of modernization are: the contradiction between the goals of modernisation and the means of achieving objectives between the need to strengthen the role of the state in crisis and the weaken-

ing of the role of the state in modern conditions. **Conclusions.** In this case the mechanism of the removal of restrictions would be to strengthen the area of responsibility of the state in conditions of instability of economic development, the development of promising industrial policy.

Key words: economy modernization, limitations of modernization, synergistic effect of modernization, lifting of economic restrictions.

References

1. Ozhegov S. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Russkiy iazyk Publ., 1989. 750 p. (in Russian).
2. Hegel V. F. *Nauka logiki* [Science of logic. In 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1970–1972. Vol. 1. 452 p. (in Russian).
3. Osipov Yu. M. *Osnovy teorii khoziaystvennogo mekhanizma* [Fundamentals of the theory of economic mechanism]. Moscow, Moscow University Press, 1994. 368 p. (in Russian).

Cite this article as:

Porezanova E. V. Limitations of the Modernization of Russia's Economic Development. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 403–407 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-403-407.

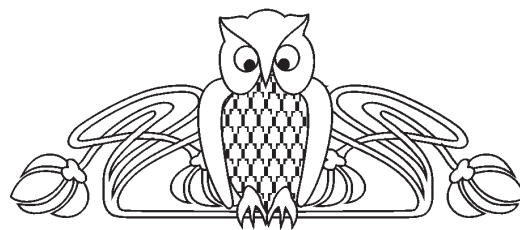

УДК 331.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ РЫНКА ТРУДА РОССИИ

О. В. Сенокосова

Сенокосова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Senoolga@yandex.ru

Введение. В современных условиях развитие рынка труда тесно связано с функционированием институциональной среды, представляющей собой структуру, определяющую связи между элементами. Влияние институциональной матрицы на рынок труда велико, специфика развития российского рынка труда трансформирует институциональную матрицу. **Теоретический анализ.** Исторически складывающиеся устойчивые способы взаимодействия людей между собой в обществах, в том числе на рынке труда, обеспечивают выживание обществ, их целостность, а также непрерывность хозяйственной и политической деятельности социальных субъектов. Трансформация институциональной матрицы имеет свою специфику в России в связи с трансформацией самого рынка труда. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что трансформация институциональной матрицы в России связана с глобализацией, информатизацией социально-трудовых отношений и самого рынка труда. **Результаты.** Институциональная матрица рынка труда не структурируется с учетом иерархичности, связей и форм рынка труда. Влияние информатизации и глобализации экономики позволяет развиваться институтам рынка труда на разных уровнях, в разных пространственных формах, и это также сказывается на структуре институциональной матрицы.

Ключевые слова: институциональная матрица, рынок труда, трансформация, институты рынка труда.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-408-412

Введение

В основе рынка труда заложена структура, определяющая связи между элементами; система рынка труда существует постольку, поскольку существует система социально-трудовых отношений, которые не тождественны транзакциям и потому не могут быть вытеснены ими без нарушения целостности социума. Система социально-трудовых отношений является устойчивой благодаря социальным, экономическим (интегрирующим) институтам, образующим систему, «скелетом» которой является институциональная матрица. В этом аспекте наиболее важным представляется выяснение сути институциональной матрицы, ее структуры, базовых типов или прототипов.

На наш взгляд, институциональная матрица действительно инвариантна, но не по конкретной форме существования образующих ее институ-

тов, а по их сути; базисные институты, формирующие основу системы, – это системообразующие институты собственности, власти, управления и труда. В любом своем конкретном воплощении они определяют всю совокупность конкретных форм социальных институтов (а других институтов, кроме социальных, быть не может, поскольку институты – это рамки социальных взаимодействий). В теории общественно-экономических формаций институты труда и собственности определяют экономический базис: труд относится к производительным силам, институт собственности – к производственным отношениям. Труд выступает основой функционирования экономической системы общества, которая без него представляет собой механическую совокупность произведенных и произведенных активов, т.е. не является системой по сути, в отличие от рынка труда.

Теоретический анализ

Характерным примером расширения и объединения поля общественных дисциплин являются современные институциональные исследования. В экономике, социологии, политологии и других общественных науках все большее число ученых сосредоточивают свои научные интересы в сфере анализа институтов. По-видимому, это связано с тем, что без рассмотрения институционального устройства общества становится невозможным объяснить и предвидеть те трансформации и изменения, которые происходят в современном глобальном мире. Узкий подход анализа институционального устройства связан институциональной матрицей, в рамках теории рынка труда таких исследований недостаточно.

В экономической и социологической литературе об институциональных матрицах говорится крайне редко. Можно встретить словосочетание «институциональная матрица», например, в тех случаях, когда автору нужно обозначить комплекс обычно не связываемых между собой конкретных общественных сфер как некое единое целое. В этом смысле институциональ-

ные матрицы понимаются как структуры, объединяющие домашнее хозяйство, рынок труда и жилищный рынок, а также как транспортная система городов. Более развернутых описаний институциональных матриц в работах разных исследователей не приводится.

В отличие от прошлого века и первой половины нынешнего институт понимается современной наукой не как установленное правило («институция») или обычаи и традиции, а как система взаимозависимых формальных правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет пространство выбора и рамки, пределы человеческой деятельности. Институты на рынке труда проявляются, реализуются как на формальном уровне – в виде конституции, законодательства, правового регулирования и т.п., так и в неформальной сфере – как нормы поведения, обычаи, традиции, исторически устойчивые системы ценностей и др. Это означает, что понятие института не редуцируется к его составляющим, а является целостным. О нем можно говорить тогда, и только тогда, когда некое социальное отношение, или исторически устойчивая форма связи социальных субъектов (групп, территориальных общностей), существует и на формальном, и на неформальном уровнях, пронизывая все сферы общественной жизни.

Следует также подчеркнуть, что институты – это исторически складывающиеся устойчивые способы взаимодействия людей между собой в обществах, в том числе на рынке труда обеспечивающие выживание обществ, их целостность, а также непрерывность хозяйственной и политической деятельности социальных субъектов. Мы полагаем, что формирование институтов на рынке труда, наряду с социальными причинами, в значительной мере обусловлено как внешними, так и внутренними условиями развития государства.

В России институциональная матрица имеет свою специфику. Эффективному функционированию рынка труда в России препятствует ряд факторов: рынок труда не имеет развитой институциональной структуры, касающейся всех сегментов рынка (в том числе виртуального, теневого), что затрудняет его регулирование; не отрегулированы административные и правовые ограничения на миграцию рабочей силы; экономика остается высокомонополизированной, что позволяет работодателям диктовать условия занятости; отсутствует реальный рынок доступного жилья, что сдерживает территориальное перераспределение трудовых ресурсов.

Ситуация на рынке труда формируется под влиянием общей экономико-социальной ситуа-

ции в стране и регионах, в зависимости от разнообразных экономических и социальных программ. При реализации социальной и экономической политики не в полной мере просчитываются ее последствия для трудоспособного населения, что приводит к стихийным процессам на рынке труда. Для успешного регулирования конъюнктуры спроса и предложения требуется комплексная система регулирования занятости, осуществляемая развитыми институтами рынка труда.

Однако проблематика институциональной структуры рынка труда как системы институтов, определяющих необходимые условия для эффективного функционирования рынка труда, не получила пока должного развития в социально-экономической литературе. Отсутствует комплексное исследование институциональной матрицы рынка труда, не обобщен в должной мере опыт работы таких ее институтов, как государственная и негосударственная службы занятости, профсоюзы, домохозяйства, особенно в регионах. Неясны перспективы развития указанных институтов.

Эмпирический анализ

Анализируя процесс трансформации институциональной матрицы рынка труда в России, можно выделить следующие характеристики.

1. Системность, масштабность изменений – изменения норм оплаты труда, характеристик, трудоспособный возраст населения, организации работы, например малого бизнеса.

2. Неравномерность или этапность развития – трансформационный процесс проходит несколько этапов: экономическая диагностика ситуации (зачастую поверхностная, примерная), прогноз и планирование будущей системы рынка труда, демонтаж старой системы (резкий или постепенный), оценка получившейся системы.

3. Рост противоречий интересов работников и работодателей, работников различных отраслей, работников регионов-доноров и регионов-реципиентов, потребителей и производителей и т.д.

4. Мобильность населения – следует учитывать высокую социальную мобильность и одновременно низкую территориальную мобильность. Трансформация институтов не всегда учитывает появление новых возможностей для вертикальной социальной мобильности, распределения новых возможностей (прав и свобод) в реализации экономической активности. Нередко, чтобы реализовать выгодные стратегии, воспользоваться одним и теми же возможностями, имеющимся потенциалом (например, в создании бизнеса, повышении квалификации и должностного статуса) индивиды и группы, занимающие

более низкие социальные позиции, вынуждены затрачивать больше усилий, преодолевать больше ограничений и барьеров, чем лица с более высоким социальным статусом.

5. Последствия, зачастую значительные, непредвиденные, скрытые, дающие возможность развития теневого рынка труда, обходных механизмов использования рабочей силы и т.д.

6. Отсутствие единой технологии изменений в социально-трудовой сфере, на рынке труда. Как правило, в России трансформация матрицы происходит в определенный исторический период, учитывая структуру общества, производства, тенденции развития системы, что не дает возможности, особенно в условиях информатизации, глобализации, разработать стабильную систему изменений.

Институциональная матрица в России, несмотря на специфику развития экономики, структуры общества, должна формироваться под воздействием следующих факторов.

Социально-политические факторы. К социально-политическим факторам регулирования активности населения на рынке труда относятся социальная и экономическая политика государства, а также социально-политические интересы и мотивация населения, отдельных социально-экономических групп российского общества и особенности их социально-политического взаимодействия в отстаивании своих социально-экономических и социально-политических интересов на рынке труда, формирование социальных институтов и организаций по лоббированию, контролю и защите таких интересов (профсоюзов нового типа, союзов работодателей, предпринимателей и др.). Социально-политическим фактором является также политико-идеологическое давление СМИ. Так, по мнению Т. И. Заславской, навязчивая реклама западных образцов потребления и образа жизни «новых русских» способствует росту притязаний к доходам, особенно у молодых поколений и преуспевающих групп, повышению их экономической активности [1, с. 88].

Социально-демографические факторы – пол, возраст, состояние здоровья, состав семьи, брачное положение, этнические характеристики. В частности, с возрастом наблюдается физиологическое ослабление системы мотивационных установок активного потребления, что влияет на снижение социально-экономической и социально-политической активности. В частности, молодежь в целом оптимистичнее и активнее, поскольку имеет более высокие потребности и обладает высокой мобильностью. Состояние здоровья в свою очередь зависит от возраста, на-

личия производственных травм, инвалидности и др. Как только индивид попадает на рынок труда с целью получить работу, приносящую ему необходимый уровень доходов, он погружается в систему отношений по найму рабочей силы, где фактор наличия здоровья играет первостепенную роль для включения в определенный кластер рабочих мест с определенным уровнем оплаты. Известными факторами, влияющими на активность людей на рынке труда, являются структура и размер семьи, домохозяйства. В частности, наличие и число иждивенцев (детей, пенсионеров, инвалидов трудоспособного возраста) в семье является как стимулирующим, так и ограничивающим фактором активности.

Социокультурные и психологические факторы.

Социальная политика, ее структурные компоненты.

Международные организации и фонды (ООН, МОТ, МВФ и др.).

Развитие гибкости, рост дифференциации проявления социальной активности на рынке труда, появление множества ее новых форм и видов.

Глобализационные процессы, развитие информационных технологий сегментируют рынок труда, выделяя новый сегмент – электронный (виртуальный) рынок труда. Компьютерная сеть, на наш взгляд, являясь, с одной стороны, институтом в социально-экономических отношениях, выступает площадкой для образования и функционирования других институтов, которые можно называть «сетевыми институтами» [2, с. 18]. Сетевые институты возникают и в рамках виртуальной инфраструктуры рынка труда. Автора статьи интересуют сети, в первую очередь, с точки зрения возможности развития, взаимодействия и интеграции институтов в институциональную матрицу рынка труда. Под институтом сетевого типа рынка труда понимается информационная сеть Интернет, объединяющая множество участников и устанавливающая совокупность правил, функционирующих в результате процесса их институционализации. Институты возникают благодаря тому, что у людей появляется потребность в них. Целесообразно рассматривать информационную сеть как новый институт на рынке труда, которая сочетает в себе как рыночные механизмы, так и характеристики субъектов отношений на рынке труда. Зарождение сетевого института рынка труда происходит путем объединения группы людей-участников виртуального рынка труда общим интересом в виде специфической информации, а также систематизированной переработанной информации, пригодной для решения

практических задач. Сетевые институты рынка труда, в общем, будут обладать следующими признаками: разделение ролей (появляются авторитеты, эксперты, профи в той или иной теме); формируются правила общения (как задавать вопросы, как отвечать, как реагировать на конфликтные ситуации, как обращаться, как составлять резюме); возникают внутренние формы санкций для нарушителей общепринятых норм и традиций и т.п. Сетевой институт рынка труда похож на пиринговую сеть, т.е. сеть, где каждый узел может одновременно выступать как в роли клиента (получателя информации), так и в роли сервера (поставщика данных) [3, с. 220].

Институциональная трансформация матрицы рынка труда проявляется в развитии сетевых институтов рынка труда, под которыми следует понимать зону взаимного интереса субъектов рынка труда, внутри которого вызревают новые модели поведения, условия взаимодействия, нормы и правила отношений, возникающих по поводу найма и использования рабочей силы. Сегодня отечественные сетевые институты рынка труда в своем развитии значительно отстают от аналогичных западных институтов. Последнее связано со спецификой российской институциональной среды, в которой функционируют отечественные сетевые институты. В настоящее время в нашей стране сложилась неустойчивая институциональная среда: интересы государства и бизнеса нередко вступают в противоречие. Поэтому необходимо выработать эффективный механизм, обеспечивающий взаимодействие всех институтов, находящихся как в сети, так и за ее пределами. В связи с отсутствием нормальной институциональной среды субъекты рынка труда избирают: менее затратную и менее рискованную модель поведения; краткосрочные, дающие быстрый результат действия.

В целом институциональная матрица рынка труда трансформируется в пространстве, институциональной среде, сети, организации, что обуславливает дальнейшее исследование данного процесса во взаимосвязи отдельных элементов.

Институциональные особенности матрицы рынка труда в разных странах определяются рядом важнейших показателей, включающих:

- 1) существование формальных или неформальных соглашений по заработной плате;
- 2) наличие коллективных трудовых соглашений по заработной плате, заключаемых между профсоюзами и администрацией;

- 3) степень централизации соглашений по заработной плате (на уровне страны, отрасли, региона, фирмы);

- 4) сроки и степень синхронизации разных трудовых соглашений по заработной плате;

- 5) роль правительства в переговорах о заработной плате: как непосредственную, когда государство выступает в качестве нанимателя, так и косвенную – путем воздействия на соглашения, заключаемые между частными фирмами и рабочими;

- 6) использование индексации в трудовых соглашениях.

Среди обширной классификации базовых институтов рынка представлены социальные институты, экономические, политические, формальные и неформальные и т.д. Несомненно, вся система институтов рынка труда функционирует в современных условиях по-новому, но не все из них отражаются во взаимосвязи в матрице.

Результаты

Институциональная матрица рынка труда не структурируется с учетом иерархичности, связей и форм рынка труда. Влияние информатизации и глобализации экономики позволяет развиваться институтам рынка труда на разных уровнях, в разных пространственных формах, и это также сказывается на структуре институциональной матрицы. Институциональная матрица рынка труда должна учитывать виды рынка труда, взаимозаменяемость институтов разных уровней рынка труда, комплементарность институтов в зависимости от изменения критерия рассмотрения взаимосвязей в целом в экономической системе рынка труда в плоскости пространств.

Список литературы

1. Заславская Т. И. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон ; пер. с англ. под ред. Б. Ю. Шапиро. М., 1997. С. 86–88.
2. Сенокосова О. В. Экономическое пространство рынка труда // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 16–21.
3. Сенокосова О. В. Эффективный рынок труда : институциональный подход // Эффективность экономики России : условия, стимулы, ограничения / Т. И. Трубицына, О. Ю. Красильников, Е. В. Огурцова [и др.] ; под ред. Е. В. Огурцовой. Саратов, 2015. С. 218–229.

Образец для цитирования:

Сенокосова О. В. Трансформация институциональной матрицы рынка труда России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 408–412. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-408-412.

Transformation of the Institutional Matrix of the Labor Market of Russia

O. V. Senokosova

Olga V. Senokosova, ORCID 0000-0002-3201-0903, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, Senoolga@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, the development of the labor market is closely related to the functioning of the institutional environment, which is the structure that determines the links between the elements. The influence of the institutional matrix on the labor market is great, the specifics of the development of the Russian labor market transforms the institutional matrix. **Theoretical analysis.** Historically, the developing stable ways of interaction of people among themselves in societies, including the labor market, ensuring the survival of societies, their integrity, as well as the continuity of economic and political activities of social actors. The transformation of the institutional matrix has its own specifics in Russia in connection with the transformation of the labor market itself. **Empirical analysis.** It was revealed that the transformation of the institutional matrix in Russia is connected with globalization, informatization of social and labor relations and the labor market itself. **Results.** The

institutional matrix of the labor market is not structured taking into account the hierarchy, links and forms of the labor market. The impact of informatization and the globalization of the economy allows the labor market institutions to evolve at different levels, in different spatial forms, and this also affects the structure of the institutional matrix.

Key words: institutional matrix, labor market, transformation, labor market institutions.

References

1. Zaslavskaya T. I. Sotsial'naya stratifikatsiya i differentsiatsiya dokhodov v Rossii [Social stratification and income differentiation in Russia]. In: *Vzaimosv'яз' sotsial'noi raboty i sotsial'noi politiki* [Interrelation of social work and social policy]. Moscow, 1997, pp. 86–88 (in Russian).
2. Senokosova O.V. Economic Space of the Labour Market. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 16–21 (in Russian).
3. Senokosova O.V. Effektivnyi rynek truda: institutsional'nyi podkhod [An efficient labour market: an institutional approach]. In: *Effektivnost' ekonomiki Rossii: usloviia, stimuly, ogranicheniia* [Efficiency of economy of Russia: conditions, incentives, restrictions]. Saratov, 2015, pp. 218–229 (in Russian).

Cite this article as:

Senokosova O. V. Transformation of the Institutional Matrix of the Labor Market of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 408–412 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-408-412.

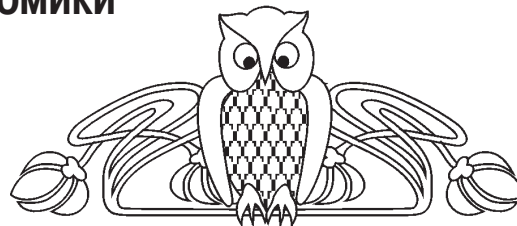

УДК 338.1

МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ

О. Ю. Челнокова

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, o.chelnokova@mail.ru

Введение. В современной экономике, когда на первый план по своей актуальности выходят вопросы формирования ее эффективной структуры, обеспечения устойчивого роста и развития, очевидна потребность в критическом разборе моделей экономического роста и всестороннем анализе его факторов. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются как базовые модели экономического роста, так и новые модели, в которых движущим фактором экономического роста выступают инновации, являющиеся результатом производства такого специфического сектора современной экономики, как сектор научных исследований и разработок. Обсуждается вопрос взаимосвязи научного, материально-вещественного и кадрового потенциалов современной экономики, представляющей важным фактором ее инновационного развития. **Заключение.** Отражая сущность общественного производства в динамике, экономический рост на современной фазе развития имеет своим главным фактором инновации, являющиеся продуктом и результатом интеграции интеллектуального и материально-вещественного капитала. Данный факт подтверждается существующими современными моделями экономического роста, устанавливающими функциональную зависимость между ростом производства и научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: экономический рост, модели экономического роста, инновации, факторы экономического роста, интеграция.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-413-417

Введение

Основой фундаментальных перемен в современном мире является трансформация экономики в инновационную социально-экономическую систему, коренным образом меняющая как характер труда и основные производительной силы, так и облик общества, уровень и качество его жизни. Содержанием перехода экономики на новый этап развития служат такие процессы, как смена технологического базиса и модели управления экономикой, усиление ее социальной ориентации и, наконец, глобализация.

Сегодня формируется принципиально новый технологический базис общества, ключевую роль в котором играют информационно-компьютерные системы, нано- и биотехнологии, имеющие своей отличительной особенностью инновационный характер и динамизм. Происходящее интенсивное развитие потребностей общества, науки, техники, информации обуслов-

ливают как расширение разнообразия существующих факторов и моделей экономического роста, так и появление новых.

Теоретический анализ

Современную модель экономического роста отличают, во-первых, ориентация на потребителя, во-вторых, выражение многих ее принципов и подходов в управленческих действиях стратегического характера, нацеленных на высокую отдачу от капиталовложений.

С точки зрения соотношения количества и качества экономического роста принято различать экстенсивную и интенсивную модели экономического роста. Суть первой модели состоит в том, что увеличение объема производства продукции и услуг происходит путем вовлечения в экономику дополнительных производственных факторов прежнего качества. В этом случае главным источником экономического роста выступает увеличение затрат живого и овеществленного труда. Вторая модель более сложная, чем первая, имеет своей основой ресурсосбережение и всестороннюю экономию. Источником экономического роста здесь служат инновации в сфере технологии, организации, управления, результатом которых является значительное повышение производительности труда и качества продукции. Эта модель роста более эффективна и конкурентоспособна. В силу неравномерности научно-технического прогресса в различных отраслях и сферах экономики в реальной жизни экстенсивная и интенсивная модели экономического роста сосуществуют, дополняя и развивая друг друга.

Соотношение этих моделей экономического роста в разных странах различное. Но начавшийся с середины XX в. процесс трансформации индустриальной экономики сначала в постиндустриальную, а теперь уже в инновационную объективно превращает ресурсосберегающую модель экономического роста в приоритетную, поскольку только она может обеспечить и высокое качество жизни и устойчивую конкурентоспособность.

Представляется, что «экономический рост» – это синтетическое понятие, складывающееся в результате влияния на развитие экономики как внешних, так и внутренних факторов [1], он характеризуется превосходством потребителя над производителем, человеческого фактора над физическим капиталом и природными ресурсами, сферы услуг над сферой материального производства, информационных и инновационных технологий над производственными, качества над количеством, гибкости над стабильностью, внешней среды над внутренней, мировых социально-экономических стандартов над национальными, частного сектора над государственным, индивидуальных потребностей над массовыми, партнерства над соперничеством [2].

Мировой опыт свидетельствует: чтобы перейти к новому качеству роста, требуются не отдельные меры, а комплексное использование сложной совокупности многообразных факторов, взаимосвязи которых с показателями экономического роста порождают различные его модели. В теории и практике известны разновидности моделей экономического роста, отражающие тот или иной этап развития экономики. Рассмотрим, как модифицировались такие модели в процессе развития экономической науки.

Первая попытка в области создания моделей экономического роста была сделана Ф. Кенэ, который впервые в экономической науке составил баланс между натуральными и вещественными элементами производства. Переход к промышленным методам создания и обработки продуктов потребовал иной модели хозяйственного развития, представленной К. Марксом, который воссоздал схемы воспроизводства, где общественное производство моделировалось двумя подразделениями: производством средств производства и производством предметов потребления. Следующий шаг в создании моделей экономического роста связывают с именами В. Леонтьева и Г. Фельдмана и разработанными ими соответственно методом анализа «затраты – выпуск» и ряда новых технико-экономических коэффициентов, поясняющих влияние на рост различных типов распределения инвестиций между отраслями, производящими капитальные и потребительские блага. На более высоком уровне научное открытие, сделанное Г. Фельдманом, повторили два десятилетия спустя Р. Харрод и Е. Домар.

Модель Е. Домара основана на производственной функции, факторы которой не являются взаимозаменяемыми. Модель показывает, что, во-первых, для поддержания равновесного темпа роста на постоянном уровне необходимо

от периода к периоду увеличивать прирост инвестиции для полной загрузки растущих производственных мощностей, во-вторых, существует темп роста, обеспечивающий более полное использование производственного потенциала, называемый гарантированным и являющийся равновесным. Модель Р. Харрода показывает, что для обеспечения экономического роста необходимо, чтобы норма сбережения была равна производству капиталоемкости и прироста населения в текущем периоде.

В последующие годы ряды теоретиков экономического роста пополнились многими известными именами. Среди них такие выдающиеся представители посткейнсианства, как Дж. Робинсон и Н. Калдор, марксистского направления – М. Калецкий, неоклассической ортодоксии – П. Самуэльсон, Р. Солоу, Х. Удзава, Х. Хан, а также многие другие. Каждый из них внес определенный вклад в теорию экономического роста, но он представлял собой реакцию на то, что было сделано первыми тремя (Г. Фельдманом, Р. Харродом и Е. Домаром).

В экономической теории широкую известность приобрела концепция «производственной функции» Кобба – Дугласа, выражающая зависимость между выпуском и факторами, его обеспечивающими, среди последних решающее значение придается не труду, а капиталу. Модель Кобба – Дугласа взята на вооружение многими теоретиками экономического роста, в том числе используется и в модели Р. Солоу, в соответствии с которой увеличение сбережений приводит в краткосрочном плане к увеличению капитальных запасов и к объему производства до достижения макроэкономического равновесия при устойчивом уровне капиталовооруженности. В долгосрочном периоде рост производства зависит от темпа научно-технического прогресса.

Путем введения нового показателя – темпа технического прогресса – производственная функция Кобба – Дугласа была усовершенствована Я. Тинбергенем, заслугой которого является подсчет вклада технического прогресса в темпы экономического роста.

Нисколько не снижая значимости в макроэкономическом регулировании рассмотренных выше моделей экономического роста, необходимо отметить, что они учитывают влияние только внутренних факторов на экономический рост. В условиях глобализации мировой экономики страны переходят к модели открытой экономики, в рамках которой меняются ключевые факторы ее роста и на первый план выходят человеческий капитал и инновации.

Инновации, являясь формой проявления научно-технического прогресса, представляют собой особый вид знаний и результат интеграции научного, материально-вещественного и кадрового потенциала. Развиваясь, с одной стороны, как единая интегрированная система, наука и технологии выполняют совершенно определенные функции и взаимосвязаны друг с другом. Научные исследования создают потенциал, который материализуется в технике и технологиях, составляющих материально-техническую базу экономического роста, при этом эффективность

того и другого потенциала определяется профессионализмом и компетентностью кадрового потенциала [3, 4].

Среди многообразия существующих современных моделей экономического роста особый интерес представляют две группы моделей, первая сосредоточивается на исследовании человеческого капитала как фактора роста (рис. 1), вторая группа моделей, получивших название «Research & Development», рассматривает в качестве значимого фактора экономический рост инновации.

Рис. 1. Модели экономического роста с человеческим капиталом и обучением на практике

Fig. 1. Models of economic growth human capital and training in practice

Фундаментальными моделями из второй группы, заложившими базовые основы теории инноваций в экономическом росте, стали модели П. Ромера, Агиона и Хауитта, Г. Гроссмана и Э. Хелпмана. Рассматривая данные модели, считаем необходимым отметить вклад Й. Шумпетера в развитие инновационной теории роста, поскольку именно он вводит в экономическую науку понятие «инновации» и по-новому определяет значение предпринимателя с точки зрения экономического роста. Согласно Й. Шумпетеру, развитие – это построение новых комбинаций из имеющихся в распоряжении предпринимателя производственных ресурсов, включающих создание нового продукта и внедрение нового метода производства, освоение нового рынка сбыта и получение доступа к новому источнику сырья, а также создание новой формы организации фирмы.

Обращает на себя внимание предложенная Ю. В. Шараевым классификация моделей инновационного роста в зависимости от сферы и типа инновационных изменений [5] (рис. 2).

В анализируемых моделях инновационный рост достигается за счет реализуемого по двум направлениям научно-технического прогресса: 1) в сфере производства промышленных товаров инвестиционного назначения (промежуточный продукт); 2) в сфере производства товаров потребительского назначения (конечный продукт), форм проявления которого тоже две – горизонтальная (увеличения разнообразия продукта) и вертикальная (улучшения качества продукта). Построенные модели доказывают взаимосвязь научно-технического прогресса, являющегося результатом целенаправленной человеческой деятельности как отдельного сектора экономики – научно-исследовательского сектора, и роста экономики.

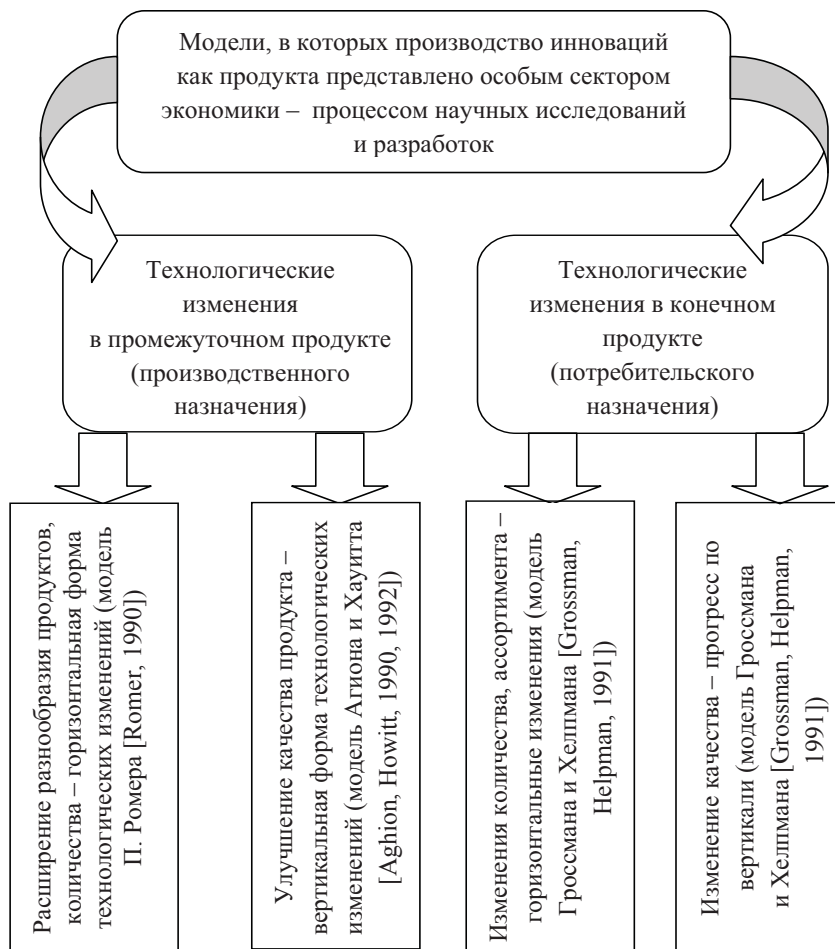

Рис. 2. Модели теории инновационного роста

Fig. 2. Models of Innovative Growth Theory

Заключение

Переход современной экономики к инновационной модели развития обуславливается тем обстоятельством, что только появление и развитие новых видов деятельности и новых продуктов, имеющих своей основой научно-технический прогресс, обеспечат национальной экономике в долгосрочной перспективе необходимые для ее роста конкурентные преимущества.

Все происходящие в экономическом мире изменения вызывают к жизни большое количество теоретических и эмпирических исследований, находящих свое отражение в моделях экономического роста, попытка систематизации которых была предпринята в данной статье.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00582).

Список литературы

1. Урунов А. А. Интеграция и экономический рост. М. : ИД «Грааль», 2003. 424 с.
2. Балабанова А. В. Макроэкономика. Механизмы повышения качества роста. М. : Высш. шк., 2008. 373 с.
3. Огурцова Е. В., Челнокова О. Ю. Экономическая интеграция и экономический рост : взаимосвязь и взаимообусловленность процессов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 3–9.
4. Челнокова О. Ю., Фирсова А. А. Типология подходов к анализу влияния университета на инновационное развитие региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 4, ч. 1. С. 578–583.
5. Шараев Ю. В. Теория экономического роста. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. 254 с.

Образец для цитирования:

Челнокова О. Ю. Модели инновационного роста экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 413–417. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-413-417.

Model for Innovative Growth

O. Yu. Chelnokova

Olga Yu. Chelnokova, ORCID 0000-0003-0840-1151, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, o.chelnokova@mail.ru

Introduction. In modern economies, when the first plan for its relevance are issues of formation of effective structure, ensuring sustainable growth and development, a clear need for critical analysis of models of economic growth and comprehensive analysis of the factors. **Theoretical analysis.** The article discusses the basic model of economic growth and new models in which the driving factor of economic growth are innovations resulting from the production of such a specific sector of the modern economy, as the sector of scientific research and development. Discusses the question of the relationship of scientific, material and human capacities of the modern economy, seems to the author important factor in its innovative development. **Conclusion.** Reflecting the nature of social production in dynamics, economic growth in the contemporary phase of development has as its main factor of innovation, which is the product and result of the integration of intellectual and physical capital. This fact is confirmed by the existing modern models of economic growth, establishing a functional dependence between the growth of production and scientific-technical progress.

Key words: economic growth, models of economic growth, innovation, factors of economic growth, integration.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-06-00582).

References

1. Urunov A. A. *Integraciya i ekonomicheskiy rost* [Integration and economic growth]. Moscow, Publ. House «Grail», 2003. 424 p. (in Russian).
2. Balabanov A. V. *Makroekonomika. Mekhanizmy povysheniya kachestva rosta* [Macroeconomics. Mechanisms to improve the quality of growth]. Moscow, High school Publ., 2008. 373 p. (in Russian).
3. Ogurtsova E. V., Chelnokova O. Yu. Economical Integration and Economical Growth: Interconnection and Interdependence of Processes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 3, pp. 3–9 (in Russian).
4. Chelnokova O. Yu., Fursova A. A. The Approaches to the Analysis of the University Influence on Regional Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 578–583 (in Russian).
5. Sharaev Yu. V. *Teoriya ekonomicheskogo rosta* [Theory of economic growth]. Moscow, Publ. House «Higher school of Economics», 2006. 254 p. (in Russian).

Cite this article as:

Chelnokova O. Yu. Model for Innovative Growth. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 413–417 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-413-417.

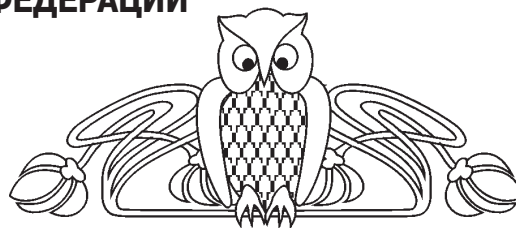

УДК 331.91

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЫНКОВ ТРУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. Ф. Синдюков

Синдюков Дмитрий Федорович, аспирант кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Dmitry27222@yandex.ru

Введение. Рынок труда занимает особое место в структуре национальной экономики, обеспечивает ее человеческим капиталом, организует воспроизводство населения. Необходимость развития отечественного рынка труда предполагает изучение и использование опыта функционирования европейского рынка труда, обладающего большим и систематизированным инструментарием регулирования. **Теоретический анализ.** Основами теоретического анализа являются рассмотрение действующих программ развития рынка труда России и ЕС, статистических данных МВФ, а также обзоры авторитетных мировых консалтинговых компаний. **Результаты исследования.** Схожие тенденции развития рынка труда в экономиках Европейского союза и Российской Федерации позволяют использовать европейский опыт в нашей стране. Практика европейских стран побуждает правящую власть России улучшить систему профессионально-технического образования, переквалификации, упростить систему заключения трудовых контрактов и т.д. Однако жесткая макроэкономическая политика, проводимая государственными органами в нашей экономике, препятствует использованию большинства инструментов регулирования европейского рынка труда. **Выводы.** Современная ситуация на российском рынке труда ограничивает экономический рост. Необходимо совершенствовать трудовое законодательство и государственное регулирование российского рынка труда, решать проблемы низкой территориальной мобильности населения Российской Федерации, содействовать повышению производительности труда и реальной заработной платы.

Ключевые слова: рынок труда, молодежная безработица, Европейский союз, российская экономика.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-418-421

Введение

Европейский рынок труда составляет весомую часть мирового рынка трудовых ресурсов, но имеет свои значительные особенности. Право граждан на свободу перемещения делает рынок Европейского союза территориально единым, несмотря на значительное число формально независимых государств. Поэтому дифференциацию и специфику его развития можно рассматривать как пример активной и систематизированной политики, направленной на долгосрочное развитие. Анализ европейского рынка труда позволяет оценивать перспективы российского рынка труда. Инструменты и методы управления занятостью населения, а также институциональная политика,

проводимая странами-лидерами в европейском регионе, могут быть использованы для повышения эффективности экономики нашей страны.

Ряд общих свойств российского и европейского рынков труда позволяет проводить их сравнительный анализ. Прежде всего, наблюдается отчетливая дифференциация уровней развития территорий – в обоих случаях мощный центр взаимодействует со слаборазвитой периферией. Оба рынка труда характеризуются значительной численностью населения с высоким образовательным и квалификационным уровнем. Наличие общей государственной границы, геоэкономическое соседство также предполагают сравнение данных территорий.

Теоретический анализ

Европейский рынок труда имеет свои серьезные проблемы. Одна из них – неравномерность территориального развития, а в некоторых случаях и пропасть между лидерами и аутсайдерами региона. Население стремится в более богатые и обустроенные финансовые и промышленные центры, где можно получить желаемую работу. Основным стимулом трудовой миграции выступают высокие социальные гарантии и пособия населению. Аналогичные процессы протекают в российских регионах: «бег за хорошей жизнью из провинции в столицу» (Москву, Санкт-Петербург), переезд сельского населения в областные центры, отъезд населения с Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Неравномерность развития территорий отражает один из основных показателей функционирования рынка труда – уровень безработицы. Здесь также видна очень схожая ситуация; самые высокие показатели безработицы отмечаются в южных регионах: Греции и Испании в Европе, большинстве регионов Северного Кавказа в России.

В то же время между анализируемыми рынками труда существуют принципиальные, контрастные различия, что видно из данных таблицы.

**Основные показатели рынка труда Европейского союза и Российской Федерации в 2015–2016 гг.
The main indicators of the labor market of the European Union and the Russian Federation in 2015–2016**

Показатели	Европейский союз		Российская Федерация	
	2015	2016	2015	2016
Население, млн чел.	338,5	337,5	146,0	147,0
Занятое население, млн чел.	153,3	152,7	72,5	73,1
Общая численность безработных, млн чел.	16,1	16,2	4,1	4,1
Уровень безработицы, %	9,8	9,9	5,4	5,4
Молодежная безработица, %	20,7	20,7	14,8	13,7
Заработная плата, евро	1681,0	1676,0	557,0	552,0

Сост. по: [1–3].

Европейский рынок труда превышает в два раза российский рынок по объему (численности занятых) и по уровню общей и молодежной безработицы. Более чем трехкратный разрыв в пользу европейских трудящихся констатирует размер заработной платы.

Европейский рынок труда структурно развит по сравнению с российским рынком. В рамках ЕС создана единая система трудоустройства, защищающая местных жителей и устанавливающая барьеры для мигрантов. Однако не это является основным показателем развитости европейского рынка относительно российского.

Преимуществом европейского рынка является гибкая занятость. В периоды скачков экономической конъюнктуры используется больше инструментов, позволяющих в кратчайшие сроки реструктуризировать производство. Эта гибкость рынка труда привлекает легкой сменой структуры и численности занятости, а также новыми возможностями в регулировании оплаты труда. Низкие издержки найма и увольнения, а также высокая мобильность трудовых ресурсов привлекательны для предпринимателей. Гибкость рынка способствует оптимизации численности работников на предприятии и эффективному распределению имеющихся ресурсов. Перераспределение работников из низкопроизводительных фирм в высокопроизводительные происходит достаточно плавно и значительно увеличивает эффективность труда.

Результаты исследования

Высказываются мнения о необходимости сделать российский рынок труда более гибким в отношении занятости работников и регулирования заработной платы. Одной из проблем российского рынка труда остается сравнительно низкая законодательная защищенность работников, занятых по срочному трудовому договору. Возможно, это является следствием малой распространенности срочных трудовых договоров в России (3–4% от занятых, тогда как в странах ЕС – более 14%), поэтому стоит в кратчайшие сроки внести со-

ответствующие изменения в законодательство и стимулировать население именно к такому виду трудоустройства [1].

Немаловажным фактором обеспечения занятости и процесса трудоустройства служит развитая образовательная база (всемирно известны европейские университеты – Оксфордский, Кембриджский, Мадридский, Берлинский, Болонский, Венский, университет в г. Осло и др.). Помимо высшего образования, значительное распространение получило среднее профессиональное образование, на которое в последнее десятилетие обращается особое внимание из-за недостатка массовых профессий. Следует отметить, что российское образование также является общепризнанным и достаточно высоко котируется. Однако решения проблемы «эффективного обучения» и особенно переобучения пока не найдено, и здесь может пригодиться европейский опыт.

Обучение новых специалистов является непосредственным процессом воспроизводства высококвалифицированного трудового потенциала. В большинстве стран мира запущены новаторские программы образования, цель которых – получение профессиональных навыков в инновационных областях. Необходимость развития высокотехнологичных производств не подвергается сомнению, но на сегодняшний день основную долю среди рабочих занимает низкоквалифицированный персонал. Эта тенденция характерна как для европейского, так и для российского рынка. Но у «конкурента» одним из способов решения этой проблемы является сочетание временных трудовых договоров с ориентированным на отраслевые потребности профессиональным обучением.

Совершенствование систем профессионально-технического обучения особенно полезно для молодых работников. В уязвимых странах еврозоны лишь каждый четвертый молодой работник на временном трудовом договоре участвует в программе профессионально-технического или ремесленного обучения, в отличие от таких стран, как Австрия и Германия, где такое обучение стало

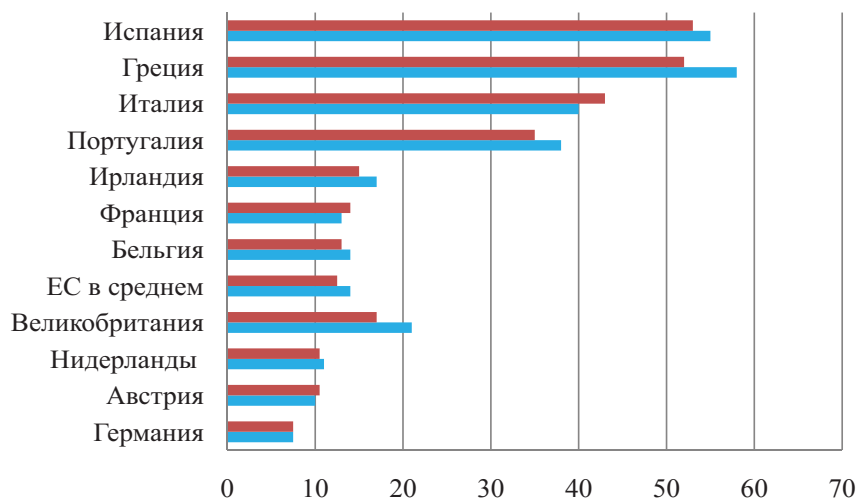
практически нормой. Некоторые страны Европы с большим успехом используют такие системы профессионально-технического обучения для ограничения эффекта травмирования и для подготовки работников к вступлению в ряды рабочей силы [4].

Важным структурным отличием европейского от российского рынка труда является макроэкономическая политика. В российской модели жесткая макроэкономическая политика способствует относительной гибкости заработной платы при достаточно стабильной занятости. В европейских же странах мягкость макроэкономической политики приводит не только к гибкости занятости, но и к высокой безработице.

Основным приоритетом для директивных органов европейских стран стало оживление экономического роста путем сочетания поддерживающей его денежно-кредитной политики, увеличения государственных инвестиций странами, бюджеты которых дают им достаточные для

этого возможности, и мерами, направленными на оказание помощи банкам в возобновлении кредитования. Без уверенного экономического роста значительно сократить безработицу не получается. Также критически важно продвигать реформы, облегчающие компаниям наем рабочей силы, обеспечивающие равные условия для всех работников и позволяющие работникам, находящимся в поиске новой работы, сохранять и повышать свою квалификацию

Серьезно беспокоит европейские страны высокий уровень безработицы среди молодежи (рисунок). Если оценивать динамику общего уровня безработицы, нельзя однозначно сказать о глобальной проблеме: стабильно низкие данные стран-лидеров – Германии, Нидерландов, Великобритании – симметричны высоким показателям аутсайдеров последних лет – Греции, Испании. Именно безработица молодого населения сотрясает в значительной степени европейский рынок труда в последние годы.

Уровень молодежной безработицы (18–25 лет) в странах ЕС в 2014–2015 гг., % [1]
The level of youth unemployment (18–25 years) in the EU countries in 2014–2015, %

Цифры не способны передать все проблемы молодежной безработицы в Европе. В некоторых странах картина просто удручающая: на фоне общемировой тенденции – более высокого уровня молодежной безработицы относительно «взрослой» – европейские показатели молодежной безработицы находятся на рекордно высоком уровне. И речь идет не столько о значительном влиянии на нее ограниченного роста экономики в целом и затягивания рецессии, сколько о «психологической ране» целого поколения. Многие исследования доказывают, что такие «раны» заживают десятилетиями. И это, несомненно, является основным очагом социальной напряженности в обществе.

Выводы

Необходимо совершенствовать трудовое законодательство и государственное регулирование российского рынка труда. Учитывая изменившуюся экономическую реальность, следует освободить рынок от излишнего патернализма, сковывающего в первую очередь малый и средний бизнес.

Решение проблемы низкой территориальной мобильности населения Российской Федерации позволит повернуть вспять основные направления миграции (в столичные регионы и на Запад) и осваивать столь важные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Меры по снижению уровня безработицы должны быть также ориентированы на решение

другой проблемы – повышение низкого уровня производительности труда. Необходимо соблюдать основной канон – рост производительности должен быть выше роста реальной заработной платы. Современная ситуация немного «улучшилась» за счет снижения реальной заработной платы. Но такое снижение ведет к уменьшению покупательной способности населения, сжатию потребительского спроса и социальному напряжению. Поэтому решение данного вопроса является первостепенным.

Современная ситуация на российском рынке труда серьезно ограничивает экономический рост. Несмотря на сравнительно низкий уровень безработицы и высокую занятость, слабая гибкость рынка и плохое распределение трудовых ресурсов сдерживают развитие нашей экономики.

Образец для цитирования:

Синдюков Д. Ф. Сравнительный анализ рынков труда Европейского союза и Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 418–421. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-418-421.

Comparative Analysis of the Main Development's Trends of European and Russian Labour Markets

D. F. Sindjukov

Dmitriy F. Sindjukov, ORCID 0000-0001-5283-7652, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, Dmitriy27222@yandex.ru

Introduction. Labor market holds a specific place in structure of national economy, provides it with the human capital, and organizes reproductivity. Need of development of Russian labor market assumes research and use of functioning experience of the European labor market possessing a vast amount of systematized regulation tools.

Theoretical analysis. The basis of the theoretical analysis is the review of the market development in Russian economy and economy of the European Union allow to make use of the European experience in our country. European Practice induces the seat of power to improve system of vocational training, requalification, to simplify system of the conclusion of employment contracts, etc. However the modern Russian macroeconomic policy interferes with use of the majority of the European instruments of regulation of labor market.

Results of the study. Similar trends in the development of the labor market in the economies of the European Union and the Russian Federation make it possible to use the European experience in our country. The practice of European countries encourages the ruling power of Russia to improve the system of vocational education, requalification, simplify the system of concluding labor contracts, etc. However, the rigid macroeconomic policy pursued by state bodies in our economy, prevents the use of most instruments of regulation of the European labor market. **Conclusions.** The current situation in the Russian labor market limits economic growth. In this regard, the labor law and state regulation of the Russian labor market need

Список литературы

1. Банерджи А. Безработица в Европе // Финансы и развитие. Ежеквартальный журнал МВФ. Март 2015. Вып. 52, № 1. С. 26–28. URL: <https://www.bookstore.imf.org/books/title/finance-and-development-march-2015> (дата обращения: 11.10.2016).
2. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 18.10.2016).
3. Рынок труда приспособился к кризису // Эксперт Online : [сайт]. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 16.10.2016).
4. Россия : рынок труда и внутренняя миграция // Центр макроэкономических исследований Сбербанка России : [сайт]. URL: sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2013/migrationFin.pdf (дата обращения: 25.12.2016).

improvement. It is also necessary to solve problems low territorial mobility of the gainfully occupied population of the Russian Federation, to promote increase in labour productivity and the real wages. **Key words:** labor market, youth unemployment, European Union, Russian economy.

References

1. Banerdzhi A. Bezrabotitsa v Evrope (Unemployment in Europe). *Finansy i razvitie. Ezhekvartal'nyi zhurnal Mezhdunarodnogo valiutnogo fonda* (Finance & Development. The quarterly magazine of the International Monetary Fund), March 2015, iss 52, no. 1. Available at: <https://www.bookstore.imf.org/books/title/finance-and-development-march-2015> (accessed 11 October 2016) (in Russian).
2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Site). Available at: <http://gks.ru> (accessed 18 October 2016) (in Russian).
3. Rynok truda prisposobilsia k krizisu (The labor market has adapted to the crisis). *Ekspert Onlain* (Expert Online. Site). Available at: <http://expert.ru> (accessed 16 October 2016) (in Russian).
4. Rossiia: rynok truda i vnutrenniaia migratsiya (Russia: labor market and internal migration). *Tsentr makroekonomicheskikh issledovaniy Sberbanka Rossii* (Center for Macroeconomic Research of Sberbank of Russia. Site). Available at: sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2013/migrationFin.pdf (accessed 25 December 2016) (in Russian).

Cite this article as:

Sindjukov D. F. Comparative Analysis of the Main Development's Trends of European and Russian Labour Markets. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 418–421 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-418-421.

УПРАВЛЕНИЕ

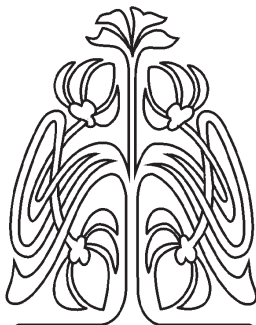
УДК 330.11

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ИНВЕСТИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

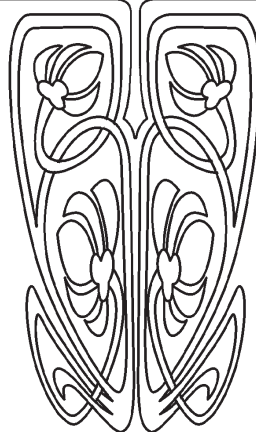
А. Р. Трубицын, Т. И. Трубицына

Трубицын Александр Романович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexander.trubitsin@gmail.com

Трубицына Тамара Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, trubitsinati@gmail.com

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Теоретически и практически важно изучение взаимодействия отношений собственности и инвестирования, поскольку от этого зависит реальная эффективность развития экономики России. В статье рассматриваются несколько видов механизмов взаимодействия собственности и инвестиций. **Теоретический анализ.** Механизмы взаимодействия собственности и инвестиций существуют в различных видах и формах, что обуславливает необходимость их изучения в рамках экономической теории. Также важно при изучении механизмов взаимодействия собственности и инвестиций использовать в теории проблему инновационного времени. Инновационный механизм взаимодействия собственности и инвестиций может сформироваться только тогда, когда инновационное время станет мерилем успеха страны в целом. Наличие множества экономических механизмов взаимодействия собственности и инвестиций позволяет относиться избирательно к их применению, находить критерии эффективности применения таких механизмов с учетом реальной хозяйственной деятельности в различных регионах. **Обсуждение результатов.** В современной России особое значение имеет инновационный механизм взаимодействия собственности и инвестиций. При этом у данного механизма имеются серьезные препятствия в реализации как со стороны административных барьеров (в виде коррупции), так и обусловленные неравномерностью инвестиционной привлекательности в регионах. Управление регионом практически важно для реализации этого механизма взаимодействия и решения этих проблем. **Выводы.** Совокупность механизмов взаимодействия собственности и инвестиций в современной России становится реальностью при успешной реализации социального и экономического механизма такого взаимодействия. Для позитивного взаимодействия собственности и инвестиций чрезвычайно важны социально-экономические интеграторы, которые позволяют объединять их в единое целое.

Ключевые слова: собственность, инвестиции, механизмы взаимодействия.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-422-427

Введение

Взаимодействие собственности и инвестиций основывается на том, что инвестиции обязательно порождают стремление стать собственником, а собственность порождает стремление обладать инвестициями. Причем субъектами собственности и инвестиций могут быть отдельный индивид, корпорация, коллектив, государство. Все это образует среду взаимодействия инвестиций и собственности. Разные виды собственности могут иметь как схожие, так и совершенно различные механизмы взаимодействия. Эти механизмы взаимодействия собственности и инвестиций зависят

от вмешательства личной воли одного человека, группы людей, множества людей. Иначе говоря, взаимодействие инвестиций и собственности имеет специфические механизмы. Они могут искусственно создаваться, быть объективно обусловлены и иметь объективные основы своего существования. Поэтому рассмотрение механизмов взаимодействия инвестиций и собственности требует ряда методологических пояснений. И лишь тогда можно изучать реальные механизмы такого взаимодействия. Но мы должны хотя бы обозначить виды возможных взаимодействий собственности и инвестиций. На наш взгляд, такими видами могут быть прямое и обратное взаимодействие, слабое и сильное взаимодействие, корреспондирующее взаимодействие собственности и инвестиций.

Теоретический анализ

Система «собственность – инвестиции» в любой стране формируется как ряд механизмов взаимодействий этих двух элементов. Эти механизмы взаимодействий существуют в виде особых способов формирования и осуществления инвестиций, бытия собственности. При этом они могут быть экономическими, политическими, социальными, психологическими, организационными, волонтаристскими и прочее. Мы свое внимание сосредоточим на экономических механизмах взаимодействия собственности и инвестиций в определенный период – современный этап развития России. Экономический механизм представляет собой определенную последовательность смены процессов, ориентированных на достижение целей изменения, укрепления, развития отношений собственности и отношений инвестирования. Экономические механизмы взаимодействия собственности и инвестиций познаются, прежде всего, при помощи наблюдения, систематизации действий субъектов инвестирования, власти и субъектов собственности. Эти механизмы нужно знать не только для того, чтобы понять, что происходит в обществе, но и для того, чтобы прогнозировать развитие инвестиций, собственности, общества в целом.

Реальная жизнь в стране определяется тем, какие правила сформировала власть для осуществления отношений собственности и реализации инвестиций. К этим правилам относятся: организация налоговой системы, системы регистрации фирм малого и среднего бизнеса, таможенная система, институционализация социально-экономических и политических процессов и т.д. Собственность и инвестиции взаимодействуют непрерывно. Тонкости такого взаимодействия меняются, корреспондируются. Повседневные

взаимодействия собственности и инвестиций зависят от интересов собственников, субъектов власти. В России механизмы взаимодействия собственности и инвестиций формируются на таких уровнях, как федеральный, региональный, предприятия и отдельных собственников.

На уровне предприятия эти механизмы существуют в системе экономической самостоятельности собственников. Получается следующая картина. С одной стороны, собственники предприятий свободны в своих действиях (именно как собственники), в том числе в формировании инвестиций, затратах собственного или заемного капитала на инвестиции. С другой стороны, эти же собственники вынуждены принимать те правила действий, какие им навязывают, прежде всего, региональные власти, не всегда считаясь с их экономической свободой собственников. Общефедеральные правила при этом очень часто региональной властью искажаются, трансформируются, не соблюдаются. Региональная власть реализует собственные интересы, интересы крупных собственников, но не интересы мелких и средних собственников.

Критерием эффективности взаимодействия собственности и инвестиций, на наш взгляд, является совпадение реализации прав и обязанностей собственников и прав, обязанностей инвесторов на осуществление единой цели. Этот критерий можно обозначить следующим образом:

$$K_{\text{эф}} = \frac{\text{Права, обязанности собственников}}{\text{Права, обязанности инвесторов}} = 1.$$

Национальная система взаимодействия собственности и инвестиций существует как множество механизмов. В национальной системе «собственность – инвестиции» воплощаются все территориальные, хозяйственные, отраслевые связи, все претензии субъектов управления на реализацию собственных интересов, все амбиции и стремление господствовать в той или иной сфере.

Важнейшим механизмом взаимодействия собственности и инвестиций является общегосударственная политика. Этот механизм нужно рассматривать как абстрактный. Реальным он становится только на уровне региона при осуществлении региональной политики, когда властные действия позволяют формировать региональные законы (не противоречащие федеральным), создавать особую систему бюрократических действий, позволяющих реализовывать цели региональной власти с учетом возможности манипулировать региональной властью объектами собственности, интересами реальных собственников, расположенных в регионе. Эффектив-

ность этого механизма косвенно выявляется при изучении цен на энергоресурсы, обеспеченности бизнеса трудовыми ресурсами, уровня спроса на продукцию бизнеса и уровня технологического оснащения инвестиционного процесса.

Анализ этих данных выявляет весьма серьезные тенденции рассматриваемого механизма взаимодействия собственности и инвестиций в России. Значительно выросла группа собственников, не одобряющих экономические действия правительства современной России. Это означает, что усиливается скрытое и открытое противодействие собственников решениям власти, не реализуются правовые нормы, принимаемые властью, что отрицательно сказывается на инвестировании капитала собственниками. Собственники стремятся всячески обходить правила и реализовать права собственности в неправовом пространстве. Отсюда возникает взаимное совпадение интересов, которое реализуется в коррупционном механизме взаимодействия собственности и инвестиций.

Общегосударственная политика всегда имеет как минимум два слагаемых: декларируемые процессы развития страны (цель, концепция, стремления правительства) и реальные социально-экономические процессы. Эти слагаемые могут быть с различными знаками. Как правило, первое слагаемое всегда обозначается как положительное, со знаком «+». Второе слагаемое правительство стремится тоже осуществлять как положительный процесс, но в России он очень часто приводит к негативным последствиям, со знаком «-». Поэтому стремления власти дать простор осуществлению прав собственности, получать от использования объектов собственности выгоду часто не могут реализоваться. Дело в том, что снижены многие налоги, играющие определяющую роль в развитии предпринимательства, в реализации прав собственников на хозяйственную деятельность. Убираются многие бюрократические препятствия, мешающие свободному существованию объектов собственности и реализации интересов субъектов собственности. Государство стремится проводить инновационную политику, обеспечивая более быстрый переход страны к пятому укладу. Но без участия собственников, без инвестиций эта политика не может быть осуществлена.

Очень важно при изучении механизмов взаимодействия собственности и инвестиций использовать в теории проблему инновационного времени.

Нам представляется, что для понимания роли инновационного механизма взаимодействия собственности и инвестиций нужно учитывать

разные характеристики времени протекания всех процессов этой системы. Мы считаем, что нужно активнее использовать понятия «стабильное» и «инновационное» время, введенные И. Пригожиным совместно с И. Стенгерс. Применение категории стабильного времени в рассматриваемом нами механизме взаимодействия собственности и инвестиций означает выделение в нем признаков порядка, устойчивости. Для обозначения динамических процессов этого механизма использование категории стабильного времени очень привлекательно для обозначения параметров этой динамики.

Сочетание в жизни положительной, отрицательной и нулевой динамики инвестиций определяет вектор взаимодействия собственности и инвестиций. Все виды данного взаимодействия могут осуществляться с разной скоростью, иметь разное инновационное (или регрессивное) наполнение. Единый процесс реализации собственности, инвестиций с разной скоростью и результативностью приводит к постоянной реструктуризации их соотношения в стране. Ежеминутно эти результаты просто не могут фиксироваться. Но через достаточно большие периоды стабильного времени уже можно уловить вектор движения инвестиций, собственности, их соотношения. Инновационное время отражает характеристики динамики, происходящей в ходе взаимодействия собственности и инвестиций, развитие которых может происходить с разной скоростью преобразований: одни процессы могут оказаться более развиты, другие – менее. Скорость преобразований в различных частях инвестиций и собственности тоже различна и не совпадает даже в тех частях, которые напрямую зависят друг от друга и обуславливают взаимную результативность. Инновационное время представляет собой отражение разной скорости осуществления социально-экономических процессов в рамках одного и того же стабильного (астрономического) времени, в одних и тех же календарных рамках; показывает изменчивость этой динамики. При этом возникают такие явления: развитие отношений акционерной собственности, например, в разных компаниях реально происходит с различной скоростью. Одни компании как бы уже ушли в будущее в развитии своей собственности, а другие задержались на начальных этапах возникновения акционерной собственности, поэтому и результативность использования отношений акционерной собственности, их взаимодействие с инвестициями оказываются различными. Инновационное время означает наличие и плотность инновационных процессов, инновационный характер устремле-

ния и функционирования субъектов [1, с. 82] собственности и инвестирования.

Инновационный механизм взаимодействия собственности и инвестиций может сформироваться только тогда, когда инновационное время станет мериллом успеха страны в целом. Это означает, что внедренные новшества ускоряют развитие страны. Как бы в одних и тех же по характеристикам процессах и результатах при инновациях содержится больше результата, чем при стабильном развитии. В действительно инновационном режиме существуют только прогрессивные изменения, только активная прогрессивная позиция собственников и инвесторов. На наш взгляд, должно происходить согласование скорости изменений собственности и процессов инвестирования. Инновацией во взаимодействии собственности и инвестиций является создание особых экономических зон и стремление создавать концессии. Эти два процесса могут идти совместно, когда концессии будут предоставляться в системе особых экономических зон, или разные виды особых экономических зон будут создаваться именно там, где станут развиваться концессии. Если при создании технико-внедренческих и промышленно-производственных особых зон не будет использован механизм коррупции, то собственность действительно может развернуть собственный потенциал и принести ощутимую выгоду региону, Федерации в формировании инвестиций. Местная бюрократия создает отрицательный инвестиционный климат, отталкивающий капитал, а не притягивающий его.

Обсуждение результатов

Социологические исследования дают интересный материал для размышления. Единый механизм инвестиционного развития и развития отношений собственности в России пока не сложился, но определенные шаги в этом направлении делаются. Например, проводятся специализированные исследования, выявляющие препятствия по общему экономическому развитию. Так, по результатам опросов [2], препятствиями экономическому развитию России видятся:

- 1) коррупция, разбазаривание государственных денег и имущества (50%);
- 2) слабость власти (33%);
- 3) сопротивление чиновников, бюрократии (32%);
- 4) неисполнение на местах законов (29%);
- 5) отсутствие продуманной программы реформ (23%).

При опросах были возможны несколько ответов, поэтому итог не равен 100%.

Анализ данных этого социологического исследования показывает, что инвестициям противостоит коррупционный механизм. Собственно, все позиции опроса с разных сторон показывают вредоносное воздействие коррупции (может быть, за исключением пункта 5). Если власть не изменит современных организационных устоев, не откажется от отношений получения ренты по занимаемой чиновником должности, то инновационно-инвестиционный процесс будет только имитироваться, но не осуществляться реально. При этом мотивация собственников не может измениться. Тысячелетия собственник стремится к личной выгоде. Но эту выгоду власть может ориентировать таким образом, чтобы и интересы общества в виде инвестиций удовлетворялись. Собственник должен иметь возможность получать больше дохода, больше прибыли.

Ряд отраслей государство не может финансировать, но и отдать некоторые из них в частные руки оно тоже не может. Поэтому в современных условиях неплохое решение проблемы – концессия. Как способ взаимодействия собственности и инвестиций концессия представляет собой вовлечение частных инвестиций в развитие таких отраслей, которые не могут в полной мере участвовать в приватизации, но использовать частный капитал в этих отраслях необходимо (например, транспортная инфраструктура, коммунальная инфраструктура и проч.). Только в развитие транспортной инфраструктуры, по расчетам экспертов, может быть привлечено 10–12 млрд долл. в год. Это означает наличие инвестиционного рынка большого объема только в этой отрасли. Создание властью условий освоения этого рынка собственниками капитала возможно именно при помощи концессий. Но здесь очень важно, чтобы механизм коррупции не вытеснил этот механизм, не снизил эффективности механизма взаимодействия собственности и инвестиций. При этом могут быть использованы передовые управленческие технологии, кадровые и организационные ресурсы бизнеса, которые способны обеспечивать высокое качество проектных, строительного-монтажных, эксплуатационных процессов.

Привлекательными для частных инвесторов в России являются: платная автомобильная дорога в Санкт-Петербурге; авиационный узел в Москве, объединяющий Шереметьево, Домодедово и Внуково; морские порты на Черном море, на Дальнем Востоке и т.д. На наш взгляд, каждый регион должен сформировать перечень потенциально привлекательных для концессий объектов (например, в Саратове – концессия водопровода, ожидаемая в 2017 г.). Учитывая, что

концессии уже успешно применялись в России в конце XIX в., в первой трети XX в., можно не только отметить этот исторический факт, но и использовать определенный накопленный опыт адаптации концессий к специфике российских отношений.

Условиями для формирования и осуществления инновационного механизма взаимодействия собственности и инвестиций в России являются:

– создание особого режима инноваций в специальных экономических зонах, использования концессий;

– страхование рисков инноваций, что может осуществляться снижением уровня коррупции в регионах, развитием страховых компаний и привлечением уже имеющих компаний в регионы, созданием привлекательного инвестиционного климата, развитием системы конкурсных заказов в регионах и проч.;

– развитие венчурных видов деятельности. В венчурной деятельности приоритет принадлежит не крупным фирмам, а средним и мелким, имеющим высочайшее технико-технологическое, информационное обеспечение. Поэтому поддержка таких фирм при помощи региональной власти и будет означать реализацию инновационного механизма взаимодействия собственности и инвестиций в конкретном регионе;

– развертывание в регионах инновационной инфраструктуры, базирующейся на информационных технологиях, доступности информации собственникам и инвесторам.

Инновационный механизм взаимодействия собственности и инвестиций означает развитие наукоемкого хозяйствования, когда не только производство, но и распределение, обмен, потребление ориентированы на использование самых современных научных технологий. В этом случае можно несколько сгладить разнотемпное развитие отдельных частей экономики, чтобы не было ни слишком быстрого развития, ни чрезмерного отставания каких-то видов, частей, процессов хозяйствования собственников и инвесторов. Однако каждый период имеет свои пределы инновационного развития, чтобы привлечение инвестиций не было чрезмерным и не привело к неэффективному использованию инвестиций, к переинвестированию. Конечно, собственники всегда стараются уменьшать инвестиции, если не получают ожидаемых доходов, но и власти необходимо постоянно следить, чтобы не было избытка инвестиций, вовремя прекратить стимулирование поступления инвестиций в регион. Пока это России не грозит, но такую опасность инновационного механизма взаимодействия

собственности и инвестиций следует учитывать при организации регионального хозяйствования. Для этого необходим постоянный мониторинг скорости: развития отдельных секторов хозяйствования; поступления в них инвестиций и величины отдачи от инвестиций в виде полученной прибыли, доходов; окупаемости инвестиций. Значит, показатели этих процессов должны быть постоянными индикаторами, за которыми власти надлежит следить, поскольку отдельные собственники видят движение только своего капитала и – в лучшем случае – капитала конкурентов. Движение же совокупности капиталов, применяемых в регионе, может отследить только региональная власть, а по стране – федеральная власть.

Выводы

Обобщая теоретические положения статьи, мы считаем, что значимым механизмом взаимодействия собственности и инвестиций является социальный механизм. Основывается он, конечно, на экономических процессах. Однако именно социальные воздействия сильно на нем отражаются. Социальные рычаги такого воздействия на собственность (чтобы результаты функционирования собственности доставались не только самим собственникам, но и обществу в целом, государству на обеспечение общих интересов, развитие общественных благ) позволяют оптимизировать инвестиционные процессы. В социальном механизме потребности формируют нового человека, новые экономические потребности фирм, государства в целом. Иначе говоря, осуществляется социальное накопление, социальная капитализация управленческих действий государства. На этой базе может происходить рост капитализации объектов собственности, что очень важно для инвестиционного развития страны.

Для позитивного взаимодействия собственности и инвестиций чрезвычайно важны социально-экономические интеграторы, которые позволяют объединять их в единое целое. Конечно, современному российскому обществу до состояния интеграции собственности и инвестиций еще очень далеко. Но есть определенные виды таких интеграторов, которые действуют уже и сейчас. На наш взгляд, таким социально-экономическим интегратором собственности и инвестиций является социальное партнерство собственников и инвесторов. При этом важно учитывать, что развитие этого партнерства должно не разрушать очаги данной интеграции, когда разнотемпное развитие инвестиций и собственности не может дать

положительный эффект от их взаимодействия. Формировать необходимо развитие инвестиций и собственности корреспондирующими темпами, чтобы обеспечивалось как развитие собственности, так и адекватное ей развитие инвестиций. Именно социальное партнерство может решить эту проблему в современных условиях России.

Формой социального партнерства, а следовательно, формой социально-экономического интегратора сейчас может выступать социально ответственный бизнес. Такая направленность бизнеса, как функционирование собственности, позволяет решить очень многие проблемы

инвестирования. В частности, обеспечивать значительные инвестиции в социальную сферу регионов, реконструкцию и строительство объектов социальной инфраструктуры.

Список литературы

1. Беков Р. С. Динамика экономики – основы развития предпринимательства. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 264 с.
2. Коррупция как препятствие на пути экономического подъема России // Левада-центр : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2007/06/26/korruptsiya-kak-prepyatstvie-na-puti-ekonomicheskogo-podema-rossii/> (дата обращения: 01.06.2017).

Образец для цитирования:

Трубицын А. Р., Трубицына Т. И. Механизм взаимодействия собственности и инвестиций в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 422–427. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-422-427.

Interaction Mechanism of Property and Investments in Current Russia Economy

A. R. Trubitsin, T. I. Trubitsina

Alexander R. Trubitsin, ORCID 0000-0003-4194-6903, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, alexander.trubitsin@gmail.com

Tamara I. Trubitsina, ORCID 0000-0002-1337-7881, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, trubitsinati@gmail.com

Introduction. It is theoretically and practically important to study the interaction of property and investment, since the real efficiency of the development of the Russian economy depends on this process. The article considers several types interaction mechanisms between property and investments. **Theoretical analysis.** The mechanisms of interaction between property and investment exist in various forms and forms, which necessitates their study within the framework of economic theory. It is also important in the study of mechanisms of cooperation and investment property used in the theory of innovative problem of time. An innovative mechanism for the interaction of property and investment can be formed only when the innovation time becomes the measure of the country's success as a whole. There are multiple of mechanisms for the interaction between property and investment, which allows to apply to be selective in applying such mechanisms, to find criteria for the effectiveness of this mechanisms taking into account the real period of economic activ-

ity taking into account the real economic activity in the different regions. **Discussion of results.** In modern Russia, the innovative mechanism of interaction between property and investment has particular importance. At the same time, this mechanism has serious obstacles in implementing both administrative barriers (in the form of corruption) and uneven investment attractiveness in the regions. The practical management of the region is almost essential for the implementation of this mechanism. **Conclusions.** Combination of interaction mechanisms between property and investment in current Russia economy becomes a reality when social mechanism of this interaction are properly implemented. For positive interaction of property and investment socio-economic integrators, which allow them to be integrated into one single whole are extremely important.

Key words: property, investments, interaction mechanisms of property and investments.

References

1. Bekov R. S. *Dinamika ekonomiki – osnovy razvitiia predprinimatel'stva* [Dynamics of the economy – the basis for the development of entrepreneurship]. Saratov, Saratov University Press, 2001. 264 p. (in Russian).
2. Korruptsiia kak prepiatstvie na puti ekonomicheskogo pod#ema Rossii (Corruption as an obstacle to the economic recovery of Russia). *Levada Center*. Site. Available at: <http://www.levada.ru/2007/06/26/korruptsiya-kak-prepyatstvie-na-puti-ekonomicheskogo-podema-rossii/> (accessed 1 June 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Trubitsin A. R., Trubitsina T. I. Interaction Mechanism of Property and Investments in Current Russia Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 422–427 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-422-427.

УДК 332.12

САМОРАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В. С. Федоляк

Федоляк Василий Степанович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fvs01@rambler.ru

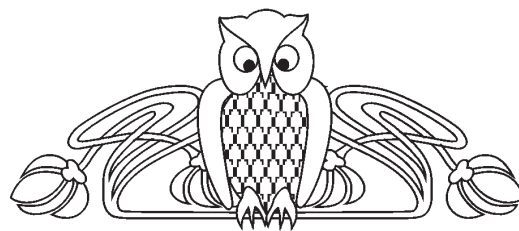
Введение. Социально-экономическое развитие современной России возможно только благодаря реализации идеи саморазвития регионов на основе эффективного использования их экономического потенциала. Исследование данной проблемы – это поиск наиболее действенных способов гармонизации экономических, финансовых отношений, поиск способов преодоления финансово-экономического кризиса в регионах России и выхода на траекторию экономического роста. **Теоретический анализ.** В статье акцентируется, что саморазвитие регионов способствует активизации использования их экономического потенциала, получения ими необходимых экономических и финансовых ресурсов, созданию условий для перевода региональной экономики в режим финансового самообеспечения на основе лучшего использования имеющихся в распоряжении ресурсов. Обосновывается, что некоторые регионы имеют объективные преимущества в реализации концепции саморазвития благодаря таким условиям, как природа, климат, географическое положение, отраслевая структура, реализация важных государственных программ на их территории и т.д. В то же время доказывается, что не каждый регион обладает способностью к саморазвитию, не важно каким экономическим потенциалом он обладает. **Результаты.** Данное исследование дает возможность оценить складывающийся процесс саморазвития регионов с учетом использования их экономического потенциала.

Ключевые слова: регионы, экономический потенциал, саморазвитие регионов, воспроизводство, региональная экономика, ресурсы.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433

Введение

Дальнейшее продвижение экономических преобразований в современной России возможно только благодаря реализации идеи саморазвития регионов на основе эффективного использования их экономического потенциала. Несмотря на применение понятия «саморазвитие» в экономической литературе и официальных документах, остается нераскрытым глубокий смысл этого понятия, его научное толкование в региональном аспекте, соотношение с близкими по характеру и звучанию понятиями, относящимися к развитию экономики региона. Исследование данной проблемы – это поиск наиболее действенных способов гармонизации экономических, финансовых отношений между Федерацией и субъектами Федерации, поиск способов преодоления финан-

сово-экономического кризиса в регионах России и выхода на траекторию экономического роста.

Теоретический анализ

В рыночной системе организации хозяйства России сформировалась система федерализма, в результате которой регионы получили материальную основу своего существования в виде региональной собственности и финансовых ресурсов. Это позволило регионам сформироваться как хозяйственные системы, на уровне которых стали осуществляется воспроизводственные процессы, прежде всего, за счет более полного использования своего экономического потенциала. По сути, были заложены экономические основы российской модели саморазвития регионов.

Таким образом, в основе концепции саморазвития регионов России лежат сформировавшаяся система федерализма, рыночные условия хозяйствования и воспроизводственные процессы, суть которых сводится к тому, что каждый регион должен обеспечить потребности населения территории, используя свой экономический потенциал, налаживая внутрорегиональные, межрегиональные, международные связи (в рамках компетенции) и связи с федеральным центром [1, с. 124]. Следовательно, регион призван в процессе саморазвития самостоятельно обеспечивать определенный круг своих экономических и социальных потребностей за счет использования регионального экономического потенциала.

В той связи следует согласиться с С. В. Дорошенко, что саморазвитие регионов предполагает обязательное наличие двух системообразующих признаков: внутренней самодостаточности, обеспечивающей долговременную устойчивость регионального развития за счет имеющихся экономических ресурсов; целевых установок и способности к автономной перенастройке региональных подсистем и благоприятных внешних условий, определяющих в своей совокупности устойчивое сбалансированное саморазвитие региона на стратегическую перспективу. Если внутрорегиональная самодостаточность регио-

нальной экономической системы обеспечивает источники ее развития и воспроизводства валового регионального продукта, то внешние условия призваны формировать и воспроизводить общественно-политическую, законодательную, макроэкономическую и внешнеэкономическую среду, способную обеспечивать наиболее полное и результативное использование территориальных возможностей и экономических ресурсов для реализации общефедеральных и региональных целевых задач [2, с. 22].

Саморазвитие – это обобщенное, синтетические понятие, аккумулирующее в себе в той или иной мере черты: «самоокупаемость», «самообеспечение», «самофинансирование», «самоуправление», «самодостаточность», но обладающее одновременно признаками, которые не присущи ни одному из перечисленных терминов [3]. Поэтому саморазвитие региональных социально-экономических систем многими авторами определяется как самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление, что предполагает эффективное использование всех экономических ресурсов территории, включая природные, материальные, интеллектуальные, трудовые, информационные, финансовые и другие потенциалы. Ориентация, прежде всего, на собственные источники развития предполагает в то же время максимальное расширение экономических связей с другими территориями, что является одним из решающих факторов саморазвития.

А. И. Татаркин считает, что под саморазвитием территориальных экономических систем следует понимать устойчивую способность региона (муниципального образования) в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера [4, с. 9]. Е. Д. Игнатъева и О. С. Мариев выделяют две составляющие саморазвития регионов: ресурсную (совокупность имеющихся ресурсов для развития) и результативную (способность региона к эффективному использованию имеющихся ресурсов). Составные элементы ресурсной составляющей – трудовой, природно-ресурсный, воспроизведенный, финансовый, информационный, инновационный и инфраструктурный потенциалы [5, с. 65].

Саморазвитие характеризует ориентацию экономики регионов на обеспечение финансовой самодостаточности посредством эффективного

использования природного, производственного, экономического потенциала, развития рынка с целью удовлетворения потребностей населения региона. Следовательно, регионы имеют свой экономический потенциал саморазвития, под которым следует понимать: 1) такой уровень его экономического, социального и научно-технического развития и такую величину ресурсного потенциала, при котором он обладает возможностью удовлетворения потребностей проживающего в нем населения; 2) возможность наиболее полно реализовывать свои основные функции на основе эффективного использования внутренних и внешних источников развития. Кроме того, экономический потенциал саморазвития предполагает возможность обеспечения хозяйственной самостоятельности и безопасности, устойчивого развития регионов за счет имеющихся в наличии и могущих быть мобилизованными собственных средств, запасов и источников. С этих позиций под экономическим потенциалом саморазвития регионов следует понимать такой уровень его экономического, научно-технического и социального развития и такую величину ресурсного потенциала, при которых регионы обладают возможностью удовлетворения собственных потребностей и развития рыночных отношений с другими регионами и странами.

В ряде работ по проблемам исследования процессов саморазвития региональных социально-экономических систем внимание акцентируется на таких важнейших аспектах, как трактовка сущности и подходы к оценке экономического потенциала саморазвития. Экономический потенциал регионов – это «совокупность имеющихся в наличии и могущих быть мобилизованными ресурсов регионов, необходимых для его саморазвития при условии максимального использования имеющихся возможностей для производства конкурентоспособной продукции и наиболее полного удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений, с учетом интересов государства и бизнеса» [6].

Саморазвитие регионов способствует активизации использования их экономического потенциала, получения ими необходимых экономических и финансовых ресурсов, а также способствует созданию условий для перевода региональной экономики в режим финансовой самодостаточности и самообеспечения на основе лучшего использования имеющихся в распоряжении ресурсов. Следовательно, саморазвитие регионов призвано решать две взаимосвязанные проблемы: 1) способствовать эффективному использованию экономического потенциала территории (конкурентных пре-

имущества, которыми располагает регион) и на этой основе обеспечить его выход из финансово-экономического кризиса и обеспечить экономический рост; 2) совершенствовать систему межбюджетных отношений, уменьшая нагрузку дотационных регионов на федеральный бюджет и одновременно увеличивая вклад региона в решение общенациональных задач.

С точки зрения стратегии саморазвития территорий важное значение приобретает адекватная количественная оценка составляющих экономического потенциала и выбор оптимальных показателей, отражающих потенциальные способности регионов. Например, для оценки трудового потенциала можно использовать показатели доли лиц с высшим профессиональным образованием в общей численности занятого населения; для оценки производственного и инновационного потенциалов – показатели общего объема производства промышленности, сельского хозяйства, строительства и услуг и доли в общем объеме инвестиций в науку соответственно. Для оценки финансового потенциала оптимальным будет показатель доли в общем сальдо прибылей и убытков предприятий и организаций промышленности. Инфраструктурный, институциональный, потребительский потенциал можно оценить с помощью таких показателей, как число домашних телефонов в городах (единиц на 100 семей), количество финансовых учреждений с филиалами на конкретную дату и оборот розничной торговли в расчете на душу населения.

Количественная оценка составляющих экономического потенциала позволяет определить критерии саморазвития регионов. В качестве таковых в литературе называются следующие: доля прибыльно работающих предприятий от общего числа; преодоление самых резких диспропорций в развитии региона по сравнению со средними показателями по стране; доля малого предпринимательства в региональном продукте. Е. А. Захарчук и др. предложили использовать для оценки способности того или иного региона к саморазвитию три критерия. Согласно *первому* к саморазвивающимся социально-экономическим системам принято относить территории, у которых прирост ВРП в течение длительного времени превышает среднее значение по Российской Федерации. Вторым критерием выступает обеспеченность этого роста собственными доходными источниками. Иными словами, субъект Федерации должен осуществлять социально-экономическое развитие региона за счет внутренних доходных источников, а не дотаций, субсидий, трансфертов из федерального бюджета. Исключительно этот критерий не позволил

включить в список регионов, обеспечивающих саморазвитие, такие по внешним оценкам стабильно развивающиеся субъекты Федерации, как Архангельская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Самарская, Томская, Челябинская и некоторые другие области, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский края, республики Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия), Коми и др.

Третий критерий саморазвития регионально-экономических систем призван отражать сбалансированность региональных потоков товаров и финансовых средств в процессе интеграционного взаимодействия с другими субъектами отечественной и мировой экономики. Речь идет о способности региональной экономической системы стабильно поддерживать положительное сальдо торгового и финансового (платежного) баланса [7, с. 13]. А. И. Татаркин, опираясь на предложенные критерии, выделил регионы, способные обеспечивать саморазвитие даже при существующих далеко не самых благоприятных макроэкономических условиях: *Центральный федеральный округ*: Белгородская, Московская, Орловская, Ярославская области, г. Москва; *Северо-Западный федеральный округ*: Ненецкий автономный округ, Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург; *Южный федеральный округ*: Краснодарский край, Астраханская область; *Приволжский федеральный округ*: Республика Мордовия, Оренбургская и Саратовская области; *Уральский федеральный округ*: Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ; *Сибирский федеральный округ*: Новосибирская и Омская области; *Дальневосточный федеральный округ* – Сахалинская область [4].

Выделенные по названным выше критериям саморазвивающиеся региональные экономические системы чрезмерно разнообразны как по уровню социально-экономического потенциала, так и по структуре экономики. Если ориентироваться на структуру ВРП, то указанные региональные экономические системы можно подразделить на несколько типов: *ресурсодобывающие* саморазвивающиеся регионы (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Оренбургская и Сахалинская области); *сельскохозяйственные* (Краснодарский край, Республика Мордовия, Белгородская, Орловская и Саратовская области); *промышленные* (Ярославская, Астраханская, Свердловская, Омская области); *управленческие центры* (города Москва и Санкт-Петербург); *равномерно развивающиеся регионы*

(Московская, Калининградская, Ленинградская, Новосибирская области) [4, с. 10].

Несомненно, некоторые регионы имеют объективные преимущества в реализации концепции саморазвития: природа, климат, географическое положение, отраслевая структура, реализация важных государственных программ на их территории и т.д. А. М. Автономов пишет, что способностью к саморазвитию обладает далеко не каждая территориальная единица, не важно, каким экономическим потенциалом обладает регион, в противном случае все развитие можно было бы свести к саморазвитию без участия государства. Во всем мире территориальное развитие органически не может осуществляться в форме стихийного саморазвития и самонастройки на устойчивость. В относительно больших и полифункциональных региональных системах слишком очевиден конфликт интересов (например, хозяйственной деятельности и охраны окружающей среды), а в малых – слишком велики открытость и зависимость от внешних деструктивных воздействий. Поэтому рассматривать саморазвитие в отрыве от общей линии государства значит создавать предпосылки для конфликта отдельной территориальной единицы с центром, что в конечном итоге приводит к внутринациональным конфликтам [8, с. 47].

Кроме того, по объективным причинам не каждый слаборазвитый, дотационный регион способен в долгосрочной перспективе выйти на траекторию саморазвития. В связи с этим в целях снижения межрегиональной асимметрии, по мнению Д. А. Татаркина и Е. Н. Сидоровой, возможным решением может стать пространственная трансформация посредством административно-территориальной интеграции (объединения) дотационных и саморазвивающихся регионов, в том числе через административное подчинение органов управления «бедных» территорий властям экономически более развитых соседних территорий (или установление единых территориальных органов управления). Укрупнение регионов, влекущее «горизонтальное» выравнивание налогового потенциала, представляется достаточно перспективным решением, поскольку обеспечивает оптимизацию территориальной структуры экономики, снижение встречных финансовых потоков в системе «федеральный центр – регионы», повышает роль собственных источников социально-экономического развития регионов, улучшает координацию работы органов власти разного уровня [9].

Саморазвитие регионов предполагает эффективное управление всеми элементами регионального хозяйства: ресурсных потенци-

алов, материального производства, трудовых ресурсов, инфраструктуры, а также многообразных возможностей (производственных, торговых, финансовых, социальных и т.д.). Поэтому экономический потенциал неразрывно связан с высокоорганизованным способом соединения ресурсов и эффективным ведением процессов воспроизводства. Нарушение такого взаимодействия неизбежно приводит к снижению экономического потенциала региональных хозяйственных систем.

При таком подходе в экономическом потенциале нужно различать объективную составляющую (наличие ресурсов и производство материальных благ) и второстепенную, субъективную составляющую (уровень организации, управления, кадры, предпринимательские возможности и т.п.). Наличие высокого экономического потенциала во многом определяет хозяйственную самостоятельность регионов, а производство материальных благ отражает эффективность его использования. Известно, что в некоторых странах мира отсутствие или недостаток ресурсов не приводят к потере хозяйственной самостоятельности или низкому экономическому потенциалу. Сингапур, Япония и другие страны показывают высокий уровень экономического развития при низкой обеспеченности природными ресурсами. Следовательно, важнейшим признаком экономического потенциала региона является управляемость (координация) всех элементов регионального хозяйства.

Результаты

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. В основе концепции саморазвития регионов России лежит сформировавшаяся система федерализма, рыночные условия хозяйствования и воспроизводственные процессы, суть которых сводится к тому, что каждый регион должен обеспечить потребности населения территории, используя свой экономический потенциал, налаживая внутрирегиональные, межрегиональные, международные связи (в рамках компетенции) и связи с федеральным центром.

2. Под саморазвитием регионов следует понимать их устойчивую способность в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера.

3. Экономический потенциал саморазвития регионов – это такой уровень его экономического, социального и научно-технического развития и такая величина ресурсного потенциала, при которых он обладает возможностью удовлетворения потребностей проживающего в нем населения, обладает возможностью наиболее полно реализовать свои основные функции на основе эффективного использования внутренних и внешних источников развития.

4. Саморазвитие регионов способствует активизации использования их экономического потенциала, получения необходимых региону экономических и финансовых ресурсов, а также созданию вышестоящими органами условий для перевода региональной экономики в режим финансовой самодостаточности и самообеспечения на основе лучшего использования своего экономического потенциала.

5. Количественная оценка составляющих экономического потенциала позволяет определить критерии саморазвития регионов. Таковыми являются: прирост валового регионального продукта в течение длительного времени, превышающий среднее значение по стране; обеспеченность этого роста собственными доходными источниками; сбалансированность региональных потоков товаров и финансовых средств в процессе интеграционного взаимодействия с другими субъектами отечественной и мировой экономики; доля прибыльно работающих предприятий от общего числа; преодоление самых резких диспропорций в развитии региона по сравнению со средними показателями по стране; доля малого предпринимательства в региональном продукте.

6. Некоторые регионы имеют объективные преимущества в реализации концепции саморазвития благодаря таким экономическим потенциалам, как природа, климат, географическое положение, отраслевая структура, реализация важных государственных программ на их территории и т.д. В то же время способностью к саморазвитию обладает далеко не каждая территориальная единица, не важно каким экономическим потенциалом она обладает, в противном случае все развитие можно было бы свести к саморазвитию без участия государства.

7. Важнейшим признаком экономического потенциала региона является управляемость (координация) всех элементов регионального

хозяйства. Поэтому экономический потенциал неразрывно связан с высокоорганизованным способом соединения ресурсов и эффективным ведением процессов воспроизводства. Нарушение такого взаимодействия неизбежно приводит к снижению экономического потенциала региональных хозяйственных систем.

Таким образом, вопрос о саморазвитии экономики регионов актуален, его исследование имеет практическое значение, так как дает возможность оценить складывающийся процесс саморазвития регионов с учетом использования их экономического потенциала.

Список литературы

1. Федоляк В. С. Теоретическая модель регионального воспроизводства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 1, ч. 2. С. 123–126.
2. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма // Журнал экономической теории. 2009. № 3. С. 21–30.
3. Потапов Л. В. Саморазвитие экономик субъекта Федерации в условиях переходного периода : автореф. дис. ... д-ра экон. наук // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения: 01.05.2017).
4. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Саморазвивающиеся регионы в экономической системе России // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 11. С. 5–12.
5. Игнатьева Е. Д., Мариев О. С., Ширманова А. Е. Методология анализа потенциала саморазвития региональных социально-экономических систем // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2010. № 3 (184). Экономика. Вып. 24. С. 64–68.
6. Печаткин В. В., Кофанов Д. Г. К вопросу оценки потенциала саморазвития региона. URL: <http://www.anrb.ru/isei/cf2006/d896.htm> (дата обращения: 01.05.2017).
7. Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф., Некрасов А. А. Формирование саморазвивающихся регионов : теоретические основы и динамика развития // Региональная экономика : теория и практика. 2013. № 13 (292). С. 10–15.
8. Автономов А. М. Раскрытие категории «саморазвития региона» в современной экономической литературе // Вестн. ВолГУ. Сер. 9. 2005. Вып. 4, ч. 4. С. 45–50.
9. Татаркин Д. А., Сидорова Е. Н. Теоретические и методологические аспекты эволюции дотационных регионов в саморазвивающиеся. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 01.05.2017).

Образец для цитирования:

Федоляк В. С. Саморазвитие регионов как способ реализации экономического потенциала // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 428–433. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433.

Regions Self-development as Way of Realization of Economic Potential

V. S. Fedolyak

Vasily S. Fedolyak, ORCID 0000-0002-9061-0827, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, fvs01@rambler.ru

Introduction. Socio-economic development of modern Russia is possible only through the implementation of the idea of self-development of the regions on the basis of the effective use of their economic potential. A study of the problem is finding the most effective ways of harmonizing economic, financial relations, search for ways to overcome the financial and economic crisis in Russia and the trajectory of economic growth. **Theoretical analysis.** The article emphasizes that the self-development of the regions helps to activate the use of their economic potential, obtain the necessary economic and financial resources, contributes to creating the conditions for the transfer of the regional economy in the mode of financial self-sufficiency based on the best use of available resources. Justified, that certain regions have objective advantages in the implementation of the concept of self development through such modalities as nature, climate, geography, structure, implementation of major government programmes on their territory, etc. at the same time, it is proved that not every region has a capacity for self-development, no matter what the economic potential it has. **Results.** This study provides an opportunity to assess the emerging process of self development regions, taking into account the use of their economic potential.

Key words: regions, economic potential, self-development of the regions, reproduction, regional economy, resources.

References

1. Fedolyak V. S. Theoretical Model of Regional Reproduction. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 1, pt. 2, pp. 123–126 (in Russian).
2. Doroshenko S. V. Self-development of the region in the context of economic evolution. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2009, no. 3, pp. 21–30 (in Russian).
3. Potapov L. V. Samorazvitie ekonomiki sub#ekta Federatsii v usloviakh perekhodnogo perioda (Self-development of economy of the territorial subject of the federation in the conditions of the transitional period). Thesis Diss. Dr. Sci. (Econ.). *Nauchnaya elektronnaia biblioteka dissertatsiy* (Scientific electronic library of theses and abstracts). Available at: <http://www.disscat.com/> (accessed 1 May 2017) (in Russian).
4. Tatarkin A. I., Tatarkin D. A. Samorazvivaiushchiesia regiony v ekonomicheskoi sisteme Rossii [Spontaneous regions in economic system of Russia]. *Federativnye otnosheniia i regional'naia sotsial'no-ekonomicheskaiia politika* [Federal relations and regional socio-economic policy], 2008, no. 11, pp. 5–12 (in Russian).
5. Ignatyeva E. D., Mariyev O. S., Shirmanova A. E. Metodologiya analiza potentsiala samorazvitiia regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Methodology of the analysis of potential of self-development of regional social and economic systems]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 3 (184). Economy. Iss. 24, pp. 64–68 (in Russian).
6. Pechatkin V. V., Kofanov D. G. *K voprosu otsenki potentsiala samorazvitiia regiona* (To a question of an assessment of potential of self-development of the region). Available at: URL: <http://www.anrb.ru/isei/cf2006/d896.htm> (accessed 1 May 2017) (in Russian).
7. Zakharchuk E. A., Pasyukov A. F., Nekrasov A. A. Formirovanie samorazvivaiushchikhsia regionov: teoreticheskie osnovy i dinamika razvitiia [Formation of spontaneous regions: theoretical bases and dynamics development]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional economics: Theory and Practice], 2013, no. 13 (292), pp. 10–15 (in Russian).
8. Avtonomov A. M. Raskrytie kategorii “samorazvitiia regiona” v sovremennoi ekonomicheskoi literature [Disclosure of category of “self-development of the region” in modern economic literature]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of VolSU]. Ser. 9, 2005, iss. 4, pp. 45–50 (in Russian).
9. Tatarkin D. A., Sidorova E. N. *Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty evoliutsii dotatsionnykh regionov v samorazvivaiushchiesia* (Theoretical and methodological aspects of evolution of subsidized regions in spontaneous). Available at: <https://cyberleninka.ru/> (accessed 1 May 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Fedolyak V. S. Regions Self-development as Way of Realization of Economic Potential. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 428–433 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433.

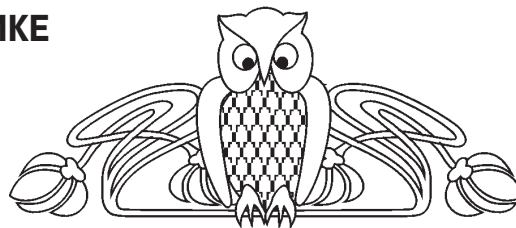

УДК 338.2

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Т. Б. Оберт

Оберт Татьяна Борисовна, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, oberttb@yandex.ru

Введение. Эффективное функционирование рыночного хозяйства, т.е. беспрепятственная реализация его координирующей и иницирующей повышение эффективности производства способности, связано, в первую очередь, с развитием конкуренции. Необходимость формирования конкурентной среды продиктована тем, что конкуренция создает определенные условия для экономической свободы потребителей, обеспечивая широкую гамму товаров различных производителей, реализуемых множеством торговых фирм, обуславливает приоритет потребителя. **Теоретический анализ.** Основой теоретического анализа является рассмотрение состояния малого и среднего бизнеса как базы конкурентных отношений в современной российской экономике. **Результаты.** Практика показывает, что малый и средний бизнес сосредоточен в определенных отраслях экономики, следовательно, и развитие конкурентных отношений происходит более активно именно в этих отраслях. Также малый бизнес – это институт, который обеспечивает занятость населения. По итогам опроса Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, состояние конкуренции на российских рынках может быть оценено как умеренное: 48% участников опроса указали на высокую или очень высокую конкуренцию для их бизнеса. Наиболее остро проблема ужесточения конкуренции наблюдается у предпринимателей, занятых в сфере торговли, а также в сфере транспортных услуг, строительства и недвижимости. Нематериальная сфера услуг тоже остается сферой развития малого и среднего бизнеса страны. **Выводы.** Развитие всех видов малого и среднего бизнеса на сегодня пока невозможно без активного участия государства в данном процессе. За последние годы произошло сокращение финансирования (в 2015 г. – 18,5 млрд руб., в 2016 г. – 12,3 млрд руб.), что привело к ослаблению конкуренции на внутрироссийском рынке и увеличению монопольных тенденций. **Ключевые слова:** конкурентная среда, малый и средний бизнес, государственная поддержка бизнеса.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-434-438

Введение

Монополизм представляет собой серьезную проблему современной экономики, так как предприятия-монополисты обладают существенными рыночными преимуществами перед другими предприятиями, извлекая из своего положения дополнительный доход за счет других экономических агентов. Проблема монополизации экономики России состоит в том, что абсолютно конкурентных отношений на рынке не может быть в принципе. Это связано и с наследством сло-

жившихся с социалистических времен способам ведения хозяйствования, и с нецелесообразностью укрупнения отдельных отраслей, имеющих стратегическое для страны значение. В связи с этим задача, стоящая перед государством, – создание конкурентного рынка – не решается самими рыночными агентами, так как чрезмерная власть ведет к обратным последствиям – монополизации, а регулируется государственными антимонопольными органами.

В целом законы о конкуренции основываются на двух различных, но соотносящихся концепциях – концепции власти над рынком и концепции господства рынка. Политика конкуренции применяется для того, чтобы лишить компании возможности воспользоваться властью над рынком, злоупотребляя своим господствующим положением, и не допустить господства рынка, позволяющего компании создавать в частном порядке барьеры для торговли и ограничивать конкуренцию. Цель конкурентной политики любого общества заключается в том, чтобы обеспечивать эффективную конкуренцию в противоположность идеализированной совершенной конкуренции, функционирование которой обеспечивало бы эффективную реализацию масштабных политических, экономических и социальных задач развития всего общества [1, с. 60].

Теоретический анализ

Основными проблемами, препятствующими развитию конкуренции в секторе малого бизнеса в России в целом, являются малое количество хозяйствующих субъектов, задействованных в указанной сфере, а также весьма неравномерное распределение таких субъектов по конкретным сферам экономической деятельности, что предопределяет усиление конкуренции в наиболее привлекательных рыночных сегментах и ее ослабление (отсутствие) в наименее востребованных с точки зрения предпринимательства направлениях хозяйственной деятельности.

Малый и средний бизнес в России – это 5,8 млн хозяйствующих субъектов и 18,8 млн работников (в том числе индивидуальные пред-

приниматели, создающие рабочие места «для себя») на конец 2016 г. [2]. Малый и средний бизнес на сегодня является основой развития конкуренции на российском рынке. Сведения о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, отвечающих условиям отнесения их к субъектам малого и среднего предпринимательства, внесены в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, ведение которого осуществляет Федеральная налоговая служба России.

Критерии отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства в период 2015–2016 гг. значительно изменились, в частности, внесены следующие изменения:

- увеличен размер суммарной доли участия иностранных юридических лиц и (или) юридических лиц, не являющихся субъектами МСП, в уставном капитале хозяйственных обществ с 25 до 49%;

- снято ограничение в отношении суммарной доли участия в уставном капитале субъектов МСП для хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств, получивших статус участника проекта в соответствии с Федеральным законом от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”»;

- изменен принцип расчета численности работников субъектов МСП (вместо средней численности работников учитывается среднесписочная численность работников);

- увеличены предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов МСП (постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 702), а с августа 2016 г. в целях определения категории субъектов МСП понятие «выручка» заменено на «доход». Предельные значения дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, определяемого в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, суммируемого по всем осуществляемым видам деятельности и применяемого по всем налоговым режимам, установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 265.

Результаты

Вклад малого и среднего предпринимательства как базы конкуренции в общие экономические показатели в Российской Федерации существенно ниже, чем в большинстве не только развитых, но и развивающихся стран, что говорит о состоянии конкуренции в экономике страны. Согласно сведениям, предоставленным Росста-

том, доля малого и среднего предпринимательства в структуре ВВП за 2015 г. составила 19,9%, из которых 17,5% – это доля малых предприятий, включая микропредприятия и ИП, доля средних предприятий – 2,4% [3].

Согласно предварительным результатам сплошного наблюдения за деятельностью малого и среднего бизнеса в 2015 г., проведенного Росстатом, общее количество зарегистрированных в Российской Федерации субъектов малого и среднего предпринимательства на конец 2015 г. составило 5 033 094 хозяйствующих субъектов, из них юридические лица – 2 241 659, индивидуальные предприниматели – 2 791 435.

По официальным данным ФНС России, в период с 01.01.2015 по 01.01.2016 гг. было зарегистрировано 1 151 539 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (субъектов МСП). Юридических лиц – 470 718 (26%), из которых обществ с ограниченной ответственностью – 465 869; товариществ на вере – 10; полных товариществ – 7; потребительских кооперативов – 4832. Количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (ИП) и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) составило 680 821 единиц (26% от общего числа зарегистрированных), из них ИП – 653 375, КФХ – 27 446 [4].

Малый и средний бизнес в России – это в основном микропредприятия и малые предприятия, доля средних предприятий не достигает 2%. В 2015 г. количество прекративших деятельность юридических лиц (отнесенных к МСП) и ИП составило 850 959. Из них юридические лица – 268 808 (23%), ИП и КФХ – 582 151 (77%), в том числе ИП – 564 492, КФХ – 17 659 [4].

Малый бизнес – это, прежде всего, институт, который обеспечивает занятость населения. После изменения принципа расчета численности работников субъектов МСП вместо средней численности работников за предшествующий календарный год учитывается среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год, которая определяется путем суммирования численности работников списочного состава за каждый календарный день периода, включая праздничные и выходные дни, и деления полученной суммы на число календарных дней периода.

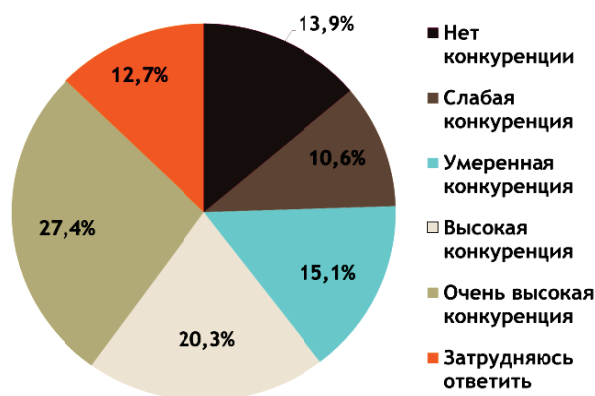
В секторе малого и среднего бизнеса на сегодня занято 25,2% от общей численности занятого населения России. Официально у субъектов МСП занят каждый четвертый работник. Согласно предварительным результатам сплошного наблюдения субъектов малого и среднего предпринимательства, проведенного Росстатом за 2015 г., сумма среднесписочной численности

занятых у субъектов малого и среднего предпринимательства составила 18 449,6 тыс. человек [5]. При этом у субъектов МСП – юридических лиц занято 13 517,3 тыс. человек, что составляет 73% от общего числа занятых у МСП; у индивидуальных предпринимателей – 4932,3 тыс. человек, или 23% от общего показателя занятых у субъектов МСП. Производительность труда на малых и средних предприятиях в Российской Федерации, по оценке Минэкономразвития России, отстает от уровня развитых стран (США, Японии, стран Европейского союза) в два-три раза.

Сектор малого предпринимательства сосредоточен в основном в сферах торговли и предоставления услуг населению. Средние предприятия в большей степени представлены в сферах с более высокой добавленной стоимостью – в обрабатывающей промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Для анализа конкурентной среды в российской экономике можно использовать итоги опроса Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Оценка состояния конкурентной среды – 2017». С 25 января по 22 февраля 2017 г. Аналитическим центром при взаимодействии с Торгово-промышленной палатой РФ был проведен онлайн-опрос представителей российского предпринимательского сообщества, направленный на исследование «самочувствия» бизнеса в сложившихся условиях ведения деятельности (рисунок).

Оценка состояния конкуренции, доля ответивших в общем числе респондентов [5]

Assessment of the state of competition, the proportion of respondents in the total number of respondents [5]

В опросе приняли участие компании, представляющие почти все российские регионы (84 из 85 субъектов Российской Федерации).

Состояние конкуренции на российских рынках может быть оценено как умеренное: 48% участников опроса указали на высокую или очень

высокую конкуренцию для их бизнеса. Доля тех, кто указал на отсутствие конкурентов вообще или на наличие не более трех конкурентов у представляемого ими бизнеса, составила 12%.

В 2016 г. число малых предприятий (включая микропредприятия) составило 2770,6 тыс. единиц [5]. Проведенный анализ данных Росстата показал, что наибольшее количество малых предприятий задействовано в следующих сферах:

- оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (1032,0 тыс. субъектов, что составляет 37,3% от общего количества субъектов);

- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (600,7 тыс. субъектов, или 21,7% от общего количества субъектов);

- строительство (335,9 тыс. субъектов, или 12% от общего количества субъектов);

- обрабатывающие производства (245,8 тыс. субъектов, или 9% от общего количества субъектов).

Следовательно, именно в данных сферах деятельности сосредоточена и активно развивается на сегодняшний день конкуренция.

Но наиболее остро проблема ужесточения конкуренции наблюдается у предпринимателей, занятых в сфере торговли (24%), транспортных услуг, строительства и недвижимости (11%). Многие сферы предпринимательской деятельности отметили ужесточение конкуренции как основную проблему за последний год. Чаще усиление конкуренции отмечали в сфере недвижимости (83%), услуг связи (75%) и информационных технологий (60%) [5].

Наименее привлекательны для малых предприятий следующие сферы:

- производство кожи, изделий из кожи и производство обуви (1,4 тыс. субъектов, или 0,05% от общего количества субъектов);

- металлургическое производство (2,3 тыс. субъектов, или 0,08% от общего количества субъектов);

- рыболовство, рыбоводство (4,8 тыс. субъектов, или 0,17% от общего количества субъектов);

- производство транспортных средств и оборудования (5,2 тыс. субъектов, или 0,19% от общего количества субъектов) [5].

Выводы

Одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства на современном этапе является вывод на новый качественный уровень мер и инструментов поддержки малых и

средних предприятий для развития конкуренции на различных рынках, в том числе и на не привлекательных на сегодняшний момент.

Ключевые показатели деятельности малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в 2015–2016 гг., состояние бизнес-среды и региональные разрывы в условиях для ведения бизнеса, сложности доступа к кредитным средствам и многие другие факторы демонстрируют неэффективность мер государственной поддержки МСП и необходимость поиска новых методов оказания государственной поддержки малому бизнесу.

На федеральном уровне сформирована многоканальная система поддержки МСП, включающая в себя ряд масштабных программ. Так, Минэкономразвития России с 2005 г. реализует специальную программу по предоставлению субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях оказания государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства на региональном уровне. В 2016 г. финансирование программ поддержки МСП сократилось: в 2015 г. было выделено 18,5 млрд руб., а в 2016 г. финансирование программы сократилось до 12,3 млрд руб. [5].

Следовательно, финансирование со стороны государства поддержки малого и среднего бизнеса постоянно в течение последних нескольких лет сокращается, и поэтому в сегодняшней экономической ситуации слабая конкуренция на внутрисреднем рынке приобретает особую актуальность. При слабой конкуренции рыночная экономика радикально снижает свой потенциал, если вообще не утрачивает его. В

настоящее время эта тема приобретает особую актуальность: произошедшее ограничение присутствия импортных товаров на российском рынке также повлияло на этот процесс. Все это способно дополнительно снизить уровень конкуренции в нашей экономике, и без того избыточно монополизированной. И несмотря на все программы развития и финансирования, монополизация российского рынка очень значительна и в некоторых отраслях практически непреодолима.

Список литературы

1. *Оберт Т. Б.* Проблемы антимонопольного регулирования в современной экономике // Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 10 ноября 2016 г.) : в 2 ч. Ч. 2. Уфа : АЭТЕРНА, 2016. С. 58–61.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба России : [сайт]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 02.02.2017).
3. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 02.02.2017).
4. Отчеты по форме № 1-ИП, № 1-ИЮР (2015 год) // Федеральная налоговая служба Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/5284059/ (дата обращения: 02.02.2017).
5. Доклад Минэкономразвития России «О состоянии и развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в 2014–2015 гг». URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2017).

Образец для цитирования:

Оберт Т. Б. Формирование конкурентной среды в современной российской экономике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 434–438. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-434-438.

The Formation of a Competitive Environment in the Modern Russian Economy

T. B. Obert

Tatyana B. Obert, ORCID 0000-0001-8023-8139, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, oberttb@yandex.ru

Introduction. The effective functioning of the market economy, i.e. the smooth implementation of its coordinating and initiating the production efficiency skills, due primarily to the development of competition. The necessity of formation of the competitive environment due to the fact that competition creates the necessary conditions for economic freedom of consumers, providing a

wide range of products from different manufacturers sold by many companies, determines the user priority. **Theoretical analysis.** The foundations of the theoretical analysis is to examine the status of small and medium business as the basis of competitive relations in the modern Russian economy. **Results.** Practice shows that small and medium business is concentrated in certain sectors of the economy, hence the development of competitive relations is more active in these sectors. Also small business is an institution that provides employment. Also according to the survey of the analytical center under the Government of the Russian Federation the state of competition in the Russian markets can be evaluated as moderate: 48% of respondents indicated high or very high competition for their business. The most acute problem of increasing competition is observed among entrepreneurs engaged in trade and in transport services, construction and real estate. Intangible service sector

also remains an area of development of small and medium business in the country. **Conclusions.** The development of all types of small and medium business today is impossible without the active participation of the state in this process. In recent years there has been a reduction in funding in 2015, up from 18.5 billion rubles in 2016 12.3 billion RUB. the Consequence of this phenomenon is the weakening of competition on the domestic market and increase monopolistic tendencies.

Keywords: competitive environment, small and medium business, state support of business.

References

1. Obert T. B. Problemy antimonopol'nogo regulirovaniia v sovremennoi ekonomike [Problems of Antimonopoly regulation in the modern economy]. In: *Ekonomicheskoe razvitie obschestva v sovremennykh krizisnykh usloviyakh* [Economic development of the society in the current crisis. collection of articles of Int. sci. and pract. conf. (Perm, November 10, 2016): in 2 pt. Pt. 2. Ufa, AETERNA Publ., 2016, pp. 58–61 (in Russian).
2. Edinyi registr sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva (The unified register of subjects of small and average business). *Federal'naya nalogovaya sluzhba Rossii* (The Federal Tax Service of Russia. Site). Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (accessed 2 February 2017) (in Russian).
3. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Russian Federation. Federal State Statistics Service). Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 2 February 2017) (in Russian).
4. Otchet po forme no. 1-IP, no. 1-JUR (2015 god) (Reports on form no. 1-IP, no. 1-JUR (2015). *Federal'naya nalogovaya sluzhba Rossii* (The Federal Tax Service of Russia. Site). Available at: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/5284059/ (accessed 2 February 2017) (in Russian).
5. The report of the Ministry of economic development of Russia "About the status and development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation in 2014-2015". Available at: <http://economy.gov.ru> (accessed 2 February 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Obert T. B. The Formation of a Competitive Environment in the Modern Russian Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 434–438 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-434-438.

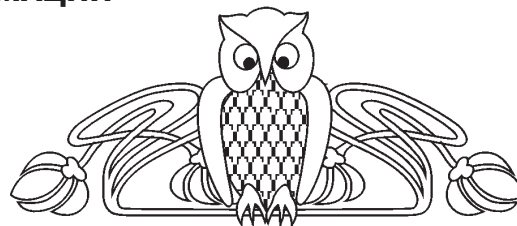

УДК 005.521

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В РАСКРЫТИИ ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКИМИ КОРПОРАЦИЯМИ

Л. Н. Леванова

Леванова Лидия Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, levanovaln1@mail.ru

Введение. Современное развитие корпоративного управления в России характеризуется положительной динамикой. Наибольшие достижения соответствия Международной передовой практике корпоративного управления достигли такие компоненты корпоративного управления, как деятельность органов управления и раскрытие информации. А последний является самым развитым компонентом корпоративного управления в России в силу перманентного совершенствования требований законодательства. Но даже он не развивается без противоречий. Наряду с общими положительными тенденциями в повышении прозрачности российских корпораций, в открытости отдельных компаний присутствует ряд частных недостатков, требующих устранения.

Теоретический анализ. В статье систематизируются общие положительные тенденции в раскрытии информации российскими компаниями. С помощью балльного метода и метода бенчмаркинга осуществляется оценка соответствия рекомендациям Кодекса корпоративного управления информационной политики и годового отчета ПАО «ВымпелКом», относящегося к самой развитой отрасли России по открытости. Выявляется отсутствие системности в прозрачности данной компании. **Результаты.** Анализ качества информационной политики ПАО «ВымпелКом» позволил сформулировать предложения по совершенствованию раскрытия информации в данной компании: внедрение алгоритма создания годового отчета, размещение обращения руководства компании с заявлением темы отчета, совершенствование представления ключевых показателей эффективности, а также описание системы управления рисками в компании. Данные рекомендации могут иметь практическое применение и в других компаниях.

Ключевые слова: прозрачность, раскрытие информации, годового отчет.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-439-444

Введение

В последние десять лет вследствие возрастающих требований законодательства РФ и других корпоративных регуляторов происходит увеличение рекомендаций практики корпоративного управления в рамках каждого его компонента, в среднем соблюдаемых компаниями. И самым активным компонентом является «раскрытие информации», который увеличил долю соответствия с 48% в 2004 г. до 71% в 2011 г. Несмотря на то что в 2014 г. наблюдалось небольшое снижение данного показателя, до 69% [1, с. 11], можно выделить ряд общих положительных тенденций в раскрытии информации российскими компаниями.

Теоретический анализ

Исходя из результатов исследования 150 российских компаний Российским институтом директоров [1, с. 75–82], положительная динамика в повышении прозрачности российских компаний наблюдается по следующим направлениям:

– раскрытие финансовой отчетности по МСФО/ОПБУ США. Доля предприятий, формирующих бухгалтерский баланс, отчет о прибылях и убытках, отчет о движении денежных средств, а также аудиторское заключение на представленную отчетность, увеличилось с 68% в 2011 г. до 76% в 2014 г.;

– раскрытие информации о структуре собственности. Доля компаний, раскрывающих информацию о бенефициарных собственниках, в совокупности владеющих более 75% голосующих акций, увеличилась с 60% в 2011 г. до 64% в 2014 г., а по сравнению с 2008 г. – на 14%;

– раскрытие информации о вознаграждении членов совета директоров. Количество организаций, раскрывающих информацию в индивидуальном порядке по каждому члену совета директоров, увеличилось за шесть лет к 2014 г. на 12%, и закрытых компаний по данному аспекту – на 4% меньше. Стало меньше на 9% организаций, которые данную информацию раскрывают частично, либо в совокупности без индивидуализации;

– раскрытие на интернет-сайте компании информации об управлении корпоративными рисками и учете интересов стейкхолдеров. Данные организаций по сравнению с 2008 г. стало на 7% больше. Кроме того, в годовых отчетах корпораций стали появляться данные об оценке совета директоров, что ранее являлось экзотикой в российской практике корпоративного управления. В результате в 2014 г. обнародовали эту информацию 16 организаций из 150 обследуемых;

– повышение инструментального обеспечения информационной политики. На 3% больше по сравнению с 2008 г. стало компаний, в которых утверждено положение об информационной политике. На 19% увеличился объем соблюдения требований законодательства к содержанию годового отчета.

Таким образом, приведенная статистика говорит о повышении качества коммуникаций с акционерами, инвесторами и другими стейкхолдерами в российских компаниях, так как требования по раскрытию ежеквартальных отчетов выполняются в России около 4000 компаний. Особенно это касается корпораций, имеющих листинг на российской и иностранных фондовых биржах. Так, рейтинговым агентством «РАЕХ» (Эксперт РА) была выявлена 21 компания из 100 с наивысшим качеством годового отчета, две трети из которых составляют электроэнергетики и атомщики и 72% – публичные акционерные общества [2, с. 56].

В целом, компании качественно раскрывают информацию, к которой относится описание достигнутых стратегических результатов, производственной и финансовой деятельности, а также в большинстве отчетов подробно раскрывается информация об управлении персоналом. Позитивным изменением в годовых отчетах стало появление еще одного раздела – информации о рынке присутствия. В нем содержится информация о конкурентной среде, рыночной доли компании, перспективах роста рынка и его изменениях [2, с. 57].

Но причины повышения прозрачности российских корпораций разные. Зачастую на первый план выходит формальное соблюдение норм законодательства, без понимания того, какую конечную цель преследуют эти нормы. По данным специалистов, руководители корпораций не раз на конференциях и в личных беседах жаловались на большие и постоянно растущие объемы раскрытия информации [3, с. 53]. В то же время стейкхолдеры остаются недовольными, так как не хватает нужных данных, запаздывает отчетность, нет полного понимания бизнеса компании.

Таким образом, несмотря на достаточно большой объем положительных общих тенденций в раскрытии информации российскими компаниями, наблюдаются отдельные частные недостатки и противоречия как в годовой отчетности, так и в формировании корпоративных сайтов. В качестве примера можно рассмотреть устойчиво развивающуюся корпорацию с растущей капитализацией – ПАО «ВымпелКом», которая относится к отрасли «Телекоммуникации и связь». С точки зрения сопоставления компаний различных отраслей экономики по уровню развития практики корпоративного управления в области раскрытия информации данная отрасль наиболее прозрачна, так как уровень соответствия информационной политики международным требованиям по данному блоку корпоративного управления является наивысшим и составляет 79% (наименьший уровень, 49%, у пищевой промышленности) [1, с. 13].

В силу того, что данная компания является публичной, то, исходя из Положения Банка России № 454-П [4], она должна раскрывать максимальный объем информации. Оценим объем выполняемых рекомендаций Кодекса корпоративного управления, рекомендованного к применению Банком России [5] относительно раскрытия информации об обществе и создания информационной политики. В качестве информации используем годовую отчетность ПАО «ВымпелКом» [6].

В результате выявлено, что в обществе отсутствует внутренний документ, определяющий информационную политику общества, не размещаются ответы на типичные вопросы акционеров и инвесторов в сети Интернет, не проводятся встречи и презентации членов исполнительных органов с аналитиками. Также отсутствует отчет о работе совета директоров (в том числе комитетов совета директоров) за год, содержащий сведения о количестве очных и заочных заседаний, об участии каждого из членов совета директоров в заседаниях. Отсутствует описание системы вознаграждения членов совета директоров, в том числе размер индивидуального вознаграждения по итогам года по каждому члену совета директоров. Отсутствуют сведения о суммарном вознаграждении за год по группе из не менее пяти наиболее высокооплачиваемых членов исполнительных органов и иных ключевых руководящих работников общества с разбивкой по каждому виду вознаграждения.

Применяя балльный метод, присвоив характеристикам соответствующие баллы: «соблюдается» – 2 балла, «частично соблюдается» – 1 балл, «не соблюдается» – 0 баллов, количественная оценка выполнения рекомендаций Кодекса корпоративного управления об информационной политике в ПАО «ВымпелКом» может быть представлена следующим образом (табл. 1).

Таким образом, рекомендации Банка России в рамках Кодекса корпоративного управления выполняются на 12 баллов из 22 возможных. Полностью соблюдается менее половины рекомендаций (36%), что, на наш взгляд, отражает неудовлетворительную информационную политику в ПАО «ВымпелКом».

Анализ соответствия качества годового отчета ПАО «ВымпелКом» требованиям корпоративных регуляторов [4, 5], показал, что в нем отсутствуют: обращение председателя совета директоров и генерального директора; статистический материал в виде диаграмм, таблиц, графиков; бизнес-модель компании и операционные результаты компании; описание

Таблица 1 / Table 1

Оценка выполнения рекомендаций Кодекса корпоративного управления об информационной политике в ПАО «ВымпелКом»

Evaluation of the implementation of the recommendations of the Corporate Governance Code on information policy in PJSC «VimpelCom»

№	Рекомендации Кодекса корпоративного управления	Балл
6.1.	Общество и его деятельность должны быть прозрачными для акционеров, инвесторов и иных заинтересованных лиц	Соблюдается частично 3 балла из 6 возможных
6.2.	Общество должно своевременно раскрывать полную, актуальную и достоверную информацию об обществе для обеспечения возможности принятия обоснованных решений акционерами общества и инвесторами	Соблюдается частично 8 баллов из 14 возможных
6.3.	Предоставление обществом информации и документов по запросам акционеров должно осуществляться в соответствии с принципами равнодоступности и необременительности	Соблюдается частично 1 балл из 2 возможных
Итого		12 баллов

возможностей для инвесторов и описание новых проектов. Также в отчете нет количественных данных, характеризующих риски, описания системы управления рисками. Отсутствует информация о качестве членов совета директоров (независимость), а также об их компетенциях.

В качестве методики анализа используем метод бенч-маркинга, а именно сравним пара-

метры годового отчета ПАО «ВымпелКом» с аналогичными параметрами годового отчета ПАО «Газпром нефть», компании, имеющей рейтинг «5 звезд» (наивысшее качество годового отчета). Присвоим всем параметрам годового отчета ПАО «Газпром нефть» 5 баллов и оценим параметры отчета ПАО «ВымпелКом» по пятибалльной шкале (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Оценка качества годового отчета ПАО «ВымпелКом»
Assessment of the quality of the annual report of PJSC «VimpelCom»

№	Параметр	Балл
1.	Сведения о положении акционерного общества в отрасли	3
2.	Приоритетные направления деятельности акционерного общества	2
3.	Отчет совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества о результатах развития акционерного общества по приоритетным направлениям его деятельности	2
4.	Информация об объеме каждого из использованных акционерным обществом в отчетном году видов энергетических ресурсов	5
5.	Перспективы развития акционерного общества	4
6.	Отчет о выплате объявленных (начисленных) дивидендов по акциям акционерного общества	5
7.	Описание основных факторов риска, связанных с деятельностью акционерного общества	4
8.	Перечень совершенных акционерным обществом крупных сделок	5
9.	Перечень совершенных акционерным обществом сделок, в совершении которых имелась заинтересованность	5
10.	Состав совета директоров (наблюдательного совета)	1
11.	Сведения о лице, занимающем должность единоличного исполнительного органа, и членах коллегиального исполнительного органа	5
12.	Основные положения политики акционерного общества в области вознаграждения и (или) компенсации расходов	0
13.	Сведения (отчет) о соблюдении акционерным обществом принципов и рекомендаций Кодекса корпоративного управления	5
14.	Сведения об утверждении годового отчета общим собранием акционеров или советом директоров (наблюдательным советом) акционерного общества	5
Итого		41

Таким образом, из 70 возможных баллов годовой отчет ПАО «ВымпелКом» набрал 41 балл, что, на наш взгляд, соответствует «удовлетворительному качеству годового отчета», исходя из рейтинговых уровней рейтингового агентства «РАЕХ» (Эксперт РА). Иными словами, компания в годовом отчете указывает исключительно минимальную информацию в соответствии с законодательством и не учитывает рекомендаций Кодекса корпоративного управления. Так, максимальный балл получил раздел по дивидендной истории, в котором происходит констатация факта, что дивиденды не выплачивались. А, например, раздел, в котором общество должно раскрывать информацию о системе вознаграждения и размерах вознаграждения членов совета директоров и правления, не содержит никакой информации. Кроме того, в отчете отсутствуют сведения о политике общества в области охраны окружающей среды и экологической политики.

Заметим, что чуть лучше выглядит годовой отчет головной компании «VipelCom Ltd». Он содержит обращение председателя совета директоров и генерального директора, приоритетные направления деятельности компании, и результаты

деятельности сопровождаются числовыми показателями, приведенными в форме диаграмм, таблиц и иллюстраций. Чуть лучше представлена система корпоративного управления, хотя также отсутствует описание системы вознаграждения членов совета директоров и членов правления. Нет информации о системе управления корпоративными рисками.

Результаты

Таким образом, при формировании годового отчета ПАО «ВымпелКом» необходимо учитывать, что запросы пользователей отчета существенно отличаются от требований законодательства, и это приводит не только к недостатку одной информации, но и избытку других сведений. Учет мнений и ожиданий пользователей годового отчета является условием для налаживания диалога между его читателями и компанией, который подразумевает такое взаимодействие на страницах годового отчета, которое позволяет читателю почувствовать заботу о его интересах, уважение и внимание к нему со стороны компании.

В качестве рекомендаций для ПАО «ВымпелКом» можно предложить алгоритм создания успешного годового отчета (рисунок) [7, с. 58].

Алгоритм создания успешного годового отчета для ПАО «ВымпелКом»
Algorithm for creating a successful annual report for PJSC «VimpelCom»

Кроме того, можно предложить следующие направления совершенствования годового отчета ПАО «ВымпелКом».

1. Для построения текста обращения руководства необходимо выделить несколько, например пять, ключевых фактов/событий отчетного года. В тексте обращения обязательно должна прослеживаться ключевая тема, выбранная для всего отчета, например лидерство ПАО «ВымпелКом» на рынке услуг связи. Необходимо учитывать, что от руководителя компании в обращении стейкхолдеры ожидают увидеть перспективы развития компании. Обращение может быть в форме интервью с руководителем или видеобращения на страницах интерактивного годового отчета.

2. Логичным будет представление ключевых показателей эффективности (КПЭ) в начале годового отчета, сразу за кратким описанием профиля компании. Чтобы знакомство с компанией по ключевым показателям оставило у читателей завершённое впечатление, следует приводить динамику изменения этих показателей за последние 3–5 лет, а для ее наглядности использовать таблицы, графики и диаграммы.

3. ПАО «ВымпелКом» необходимо учитывать, что залог успеха компании – в наличии не формальной, а реальной системы управления рисками. Поэтому в годовом отчете, помимо описания ключевых рисков, следует сообщить о том, регламентировано ли в компании управление рисками, какие подходы используются к оценке и минимизации рисков, как выстроена

система управления рисками, как распределена ответственность между органами управления и подразделениями компании в рамках корпоративной системы управления рисками.

Данные рекомендации, на наш взгляд, могут быть полезны и для других российских компаний, стремящихся быть более открытыми для бизнес-сообщества.

Список литературы

1. Исследование практики корпоративного управления в России : сравнительный анализ по итогам 2004–2014 гг. URL: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_ИРИД-2004-2014-итог.pdf (дата обращения: 15.09.2016).
2. Назарук А. А. Новые тенденции в подготовке годовых отчетов (обзор отчетов победителей) // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2017. № 2. С. 55–61.
3. Герасимов В. В., Мартюшев С. М. Раскрытие информации : между требованиями регулятора и потребностями рынка // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2012. № 10. С. 53–59.
4. О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг : положение Банка России № 454–П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О кодексе корпоративного управления : письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Годовой отчет ПАО «ВымпелКом» за 2015 год. URL: <http://saratov.beeline.ru/about/about-beeline/disclosure/annual-reports/> (дата обращения: 15.04.2017).
7. Гуляев К. А., Ахмед И. И., Бекшиоков А. А. О содержании годового отчета // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2013. № 2. С. 56–65.

Образец для цитирования:

Леванова Л. Н. Общее и частное в раскрытии информации российскими корпорациями // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 439–444. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-439-444.

General and Private in Disclosure of Information by Russian Corporations

L. N. Levanova

Lidiya N. Levanova, ORCID 0000-0001-9736-3083, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, levanovaln1@mail.ru

Introduction. The modern development of corporate governance in Russia is characterized by positive dynamics. The greatest achievements in compliance with the International Best Practices of Corporate Governance have been achieved by such components of corporate governance as management and disclosure. And the latter component is the most developed component of corporate governance in Russia due to the continuous improvement of legislative requirements. But even it does not develop without contradictions. Along with general positive trends in increasing the transport capacity of Russian corporations, there are a number of

particular weaknesses in the openness of individual companies that need to be eliminated. **Theoretical analysis.** In the course of the article, the general positive trends in the disclosure of information by Russian companies are systematized. With the help of the ballroom method and the benchmarking method, an assessment is made of compliance with the recommendations of the Corporate Governance Code of the information policy and the annual report of PJSC «VimpelCom», which relates to the most developed branch of Russia for openness. The absence of a system in the transportability of this Company is revealed. **Results.** Analysis of the quality of the information policy of PJSC «VimpelCom» allowed to formulate proposals for improving the disclosure of information in this company: implementation of the algorithm for creating an annual report, posting the management's address with the statement of the report topic, improving the presentation of key performance indicators, and a description of the risk management system in the company. These recommendations may have practical application in other companies.

Key words: transparency, disclosure of information, annual report.

References

1. *Issledovanie praktiki korporativnogo upravleniya v Rossii: sravnitel'nyi analiz po itogam 2004–2014 gg.* (Corporate Governance Practices in Russia: Comparative Analysis for the results of 2004–2014). Available at: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_ИРИД-2004-2014-итог.pdf (accessed 15 September 2016) (in Russian).
2. Nazaruk A. A. Novye tendentsii v podgotovke godovykh otchetov (obzor otchetov pobeditelei) [New trends in the preparation of annual reports (review of winners' reports)]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2017, no. 2, pp. 55–61 (in Russian).
3. Gerasimov V. V., Martiushev S. M. Raskrytie informatsii: mezhdru trebovaniyami regulatora i potrebnostiami rynka [Dissemination of information: between regulator requirements and market needs]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2012, no. 10, pp. 53–59 (in Russian).
4. On information disclosure by issuers of equity securities. The position of the Bank of Russia No. 454-P. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
5. About the code of corporate management. The Letter of the Bank of Russia of April 10, 2014 No. 06-52/2463. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
6. *Godovoi otchet PAO «VimpelKom» za 2015 god* (Annual report of PJSC VimpelCom for 2015). Available at: <http://saratov.beeline.ru/about/about-beeline/disclosure/annual-reports/> (accessed 15 April 2017) (in Russian).
7. Guljaev K. A., Akhmed I. I., Bekshokov A. A. O soderzhanii godovogo otcheta [About the content of the annual report]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2013, no. 2, pp. 56–65 (in Russian).

Cite this article as:

Levanova L. N. General and Private in Disclosure of Information by Russian Corporations. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 439–444 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-439-444.

ПРАВО

УДК 340

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК СОДЕРЖАНИЕ И СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

С. Н. Туманов

Туманов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, первый проректор, проректор по учебной работе, Саратовская государственная юридическая академия, edu@ssla.ru

Введение. Значительная часть исследований явлений социальной жизни, в том числе и государственно-правовой сферы, содержит обращение к вопросам влияния глобализационных процессов на ход их развития, определения положительных последствий, а также условий и средств минимизации негативных проявлений. Информатизация, будучи глобальным по своему характеру условием функционирования современного общества, оказывает влияние и на область осуществления внешних функций государства как внутри страны, так и на международной арене. В статье предлагается вариант рассмотрения информатизации применительно к механизму осуществления внешних функций государства.

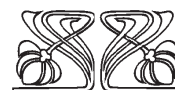
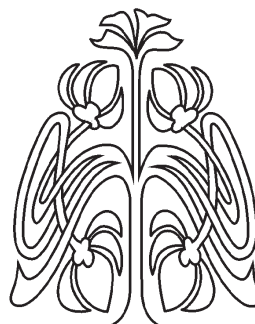
Теоретический анализ. Рассмотрение глобальной информатизации в связи с реализацией основных направлений деятельности государства на международной арене опирается на общее учение о функциях государства, о государственной власти, о средствах осуществления государственной власти, а также на основные правила и принципы проведения научного исследования. **Эмпирический анализ.** Важную часть исследования составляет анализ действующего законодательства, а также документов доктринально-правового характера, в котором отражено значение информатизации для управления современными процессами, формулируются приоритеты реализации политики государства в сфере информатизации. **Результаты.** Результатом анализа влияния информатизационных процессов на действие механизма осуществления внешних функций государства явилась гипотеза о многовекторности их влияния на указанный механизм и о возможности рассмотрения информатизации применительно к внешним функциям.

Ключевые слова: государство, глобализация, функции государства, суверенитет, средство осуществления внешних функций государства, государственная власть, информатизация.

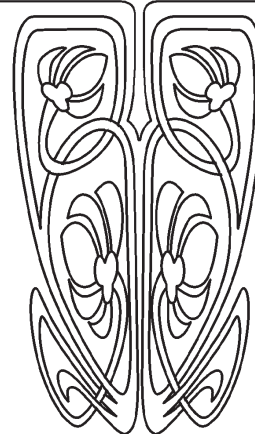
DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-445-451

Введение

Механизм осуществления внешних функций государства – сложное образование, действующее во взаимодействии с другими сложными образованиями и системами, являющееся частью наиболее сложных систем – управления, государства, общества и т.д., детерминированное различными факторами. Формирование, развитие и функционирование указанного механизма как разновидности социальной системы или ее части происходят под влиянием множества условий и связей, обуславливающих все процессы, происходящие в нем и с ним. Многообразные факторы, создающие «фон» деятельности государства по реализации функций, можно разделить на группы: внутренние, внешние, объективные, субъективные, прогнозируемые, форс-мажорные, мирные, военные, национальные, региональные, глобальные и т.п.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В последнее время при исследовании различных объектов гуманитарной сферы наиболее актуальными выступают вопросы, так или иначе связанные с глобализацией, глобальными элементами, всем, что имеет корень «глобал». Так происходит и с внешними функциями государства, которые стали глобальными, а значит, и механизм реализации внешних функций имеет глобальное наполнение и детерминируется условиями, носящими глобальный характер. Одним из таких условий выступает информатизация.

Полагаем, что рассматривать информатизацию только как фактор какого-либо явления недостаточно для полноты анализа, поскольку она может выступать как задачей, так иногда и промежуточной целью на более узком участке деятельности государства. Так, на официальном уровне признано, что быстрое и качественное обновление общества, становление и укрепление рыночной экономики, построение демократического правового государства выдвигают на первый план «решение глобальной задачи – формирование в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности, ибо правовая образованность необходима, чтобы расти в условиях демократии».

Удобное распределение и использование информации для удовлетворения социальных потребностей являются едва ли не главным достоинством в окружающем нас мире, и, как следствие, в результате совершенствования информационных коммуникаций внутри и между различными социальными группами общество может развиваться более динамично» [1].

Теоретический анализ

Исследователи возможностей информационно-технологических систем, в первую очередь западных стран, а затем и отечественные, отмечают, что возникающее новое общество может стать средством созидательной коммуникации, позволяя каждому с помощью простых в использовании устройств распространять свои идеи одновременно в многотысячной аудитории [2, с. 20].

Последствия глобальной информатизации обнаруживаются в технической, психологической, социальной, экономической сферах. Конкретно это связано с тем, что возникает большая зависимость человечества от современных компьютерных и телекоммуникационных средств и технологий; появляется возможность самоорганизации и полной независимости сети

Интернет; происходит формирование виртуальных сообществ – новой социальной формы организации людей; применяются компьютерные и телекоммуникационные технологии для осуществления профессиональной деятельности из любой географической точки; возникает необходимость в определенной информационной культуре почти во всех сферах профессиональной деятельности человека; увеличивается количество трудоспособного населения, занятого в сфере производства и обработки информации и информационных услуг, а не в сфере производства материальных благ; наблюдается ослабление фактора географического местоположения предприятий за счет использования современных средств связи и передачи информации, а также создания виртуальных предприятий; развивается автоматизация и, как следствие, удешевляются процессы обработки, передачи и хранения информации, сокращаются рабочие места; повышаются расходы государства в информационной сфере.

Эмпирический анализ

Глобальная информатизация является действенным и необходимым средством модернизации всего общественного процесса, прежде всего экономической сферы, которая, как локомотив, тащит за собой все остальные. Доказано, что развитие технологий способствует снижению зависимости от невозпроизводимых ресурсов, повышению эффективности экономики и общественного богатства. Новые знания и технологии открывают возможности использования новых ресурсов, материалов, неизвестных источников сырья, что создает предпосылки создания ресурсосберегающих технологий [3, с. 41].

На уровне организации суверенной власти также имеет место формирование обширного канала политической коммуникации, устойчивое и быстрое развитие которого уже сейчас меняет представления о государственном управлении, обеспечении государственной деятельности, участии граждан в управлении делами государства, привлечении электората к реализации демократии и др. [4, 5].

Такие понятия, отражающие складывающуюся реальность, как «электронная демократия», «электронное правительство», которые внедряются в сфере обеспечения политической вовлеченности граждан и государственных услуг (медицина, образование, налоговая сфера, оформление документов и др.), свидетельствуют об открывающихся новых возможностях получения государственных услуг. Задача организации

получения государственных услуг через информационные средства решается на государственном уровне [6–8].

На уровне международных отношений развитие информационно-коммуникационных технологий принято рассматривать как движение государства по пути снижения изоляционности от мировых процессов, обеспечения прозрачности и предсказуемости государственной политики, как показатель некой толерантности в отношениях. Масштабность распространения информационных технологий в настоящее время является показателем степени интегрированности страны в мировое сообщество, способности быть «современным» игроком на политической арене и влиять на международные отношения. Поэтому заинтересованность в расширении информационно-технологического инструментария в осуществлении государственного управления внутри страны и в осуществлении политической деятельности на международной арене вполне объяснима и не требует дополнительных доказательств.

Однако между намерениями и реальными возможностями, желаниями и результатами, возможностью и действительностью есть существенная разница. Кроме того, в специальной научной литературе отмечается негативное влияние информатизации на обеспечение национальной идентичности и суверенитета [9].

Анализируя имеющийся материал и практику государств по использованию информационных технологий, результаты и выводы исследователей применительно к обозначенной задаче, приходим к возможности рассмотрения глобальной информатизации, с одной стороны, как элемента содержания внешних функций государства, с другой – как средства их реализации.

Глобальная информатизация – содержание внешних функций государства

Происходящие процессы глобализации и информатизации не только выступают условиями, в которых осуществляется внутренняя и внешнеполитическая деятельность государства, причинами изменения средств и методов осуществления функций государства и модернизации механизмов их реализации, но и становятся объектами воздействия в рамках почти каждой функции, как внутренней, так и внешней.

Во-первых, сфера информационных технологий становится предметом правового регулирования, основанием формирования новой отрасли в системе российского права – информационной. Нормы, регламентирующие использование ин-

формации и информационных технологий, содержатся в конституционном, гражданском, уголовном, административном и ином законодательстве. В последнее время в связи с распространением Интернета и его ресурсов наблюдается тенденция расширения ответственности пользователей за поведение в Сети и пользование контентом.

Необходимость правовой регламентации процессов информатизации возникает и на международном уровне, что отмечено и в Окинавской Хартии 2000, и в национальном законодательстве. В частности, целью деятельности по обеспечению международной информационной безопасности России является создание оптимального международного правового режима информационной безопасности, в числе прочего путем разработки и принятия государствами-членами ООН Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности.

Во-вторых, развитие информационно-коммуникационных средств и последствия этого (возможности и угрозы) определяют содержание деятельности государства в рамках конкретной функции государства. Так, в рамках внешней функции обороны страны государство обеспечивает предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий, прогнозирование и оценку информационных угроз, нейтрализацию информационно-психологического воздействия, повышение безопасности функционирования образцов вооружения, военной и специальной техники и автоматизированных систем управления и т.д.

При осуществлении внешнеэкономической функции одними из элементов содержания деятельности являются: сведение к минимуму влияния негативных факторов, обусловленных недостаточным уровнем развития отечественной отрасли информационных технологий и электронной промышленности; разработка и производство конкурентоспособных средств обеспечения информационной безопасности; повышение конкурентоспособности российских компаний, осуществляющих деятельность в отрасли информационных технологий и электронной промышленности; производство и эксплуатация средств обеспечения информационной безопасности; развитие отечественного конкурентоспособного производства электронных компонентов и выход его на мировой рынок.

Обеспечение международного сотрудничества также связано с решением задач в области использования информационных технологий:

участие в формировании системы международной информационной безопасности; создание международно-правовых механизмов, учитывающих специфику информационных технологий, в целях предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов в информационном пространстве и др.

Глобальная информатизация – средство реализации внешних функций государства

Интенсивное развитие информационных и коммуникационных технологий, их широкое применение во всех сферах деятельности государства создали условия для формирования глобальной информационной инфраструктуры, которая предоставила качественно новые возможности обеспечения международного сотрудничества, решения глобальных проблем, доступа к накопленному опыту, а также влияния на внутренние дела отдельного государства. Так, современные государства «не отказывают себе» в проведении различных акций, направленных на подрыв стабильности какого-либо государства, в частности, астротерфинга. Последний представляет собой формирование искусственного общественного мнения, проведение фальшивых массовых кампаний, создающих видимость требования большим количеством граждан реализации определенного политического курса. Для астротерфинга характерно применение специальных программ – persona management software, позволяющих получить астротерферам все необходимые элементы, идентифицирующие их в Сети как реальных личностей: имя, почтовый ящик, сайты, аккаунты в социальных сетях. В качестве примера можно привести «онлайн-революции», произошедшие в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

В сфере использования информационных технологий справедливо включается система управления государственной власти. От уровня развития коммуникаций зависит оперативность принятия и исполнения решений. В управлении государством информация, ее быстрое и качественное прохождение «сверху вниз» и хорошо налаженная обратная связь имеют важное значение: данное обстоятельство лежит в основе способности государства (в лице его полномочных органов) оперативно вырабатывать и качественно реализовывать управленческие решения.

В современном государстве информационные и коммуникационные технологии являются основным фактором, определяющим уровень его социально-экономического развития и состояние национальной безопасности.

В России на официальном уровне подчеркивается, что дальнейшая информатизация основных областей экономики и развитие технологий обеспечат высокую производительность труда и эффективность отраслей, вносящих основной вклад в валовой внутренний продукт. Успешное решение задач в области государственной поддержки развития информационной отрасли создаст стимулы к технологическому развитию самой отрасли информационных технологий. Расширение применения информационных технологий в государственном секторе, развитие электронных услуг и инвестиции в инфраструктуру способствуют более широкому применению информационных технологий не только в частном секторе и корпоративном секторе, но и на государственном уровне.

С помощью информационных технологий происходит вхождение национальных и региональных финансовых рынков в единый мировой рынок финансов. Конкуренцию на геополитической арене определяют метатехнологии, обладающие которыми, государства получают возможность влиять на процессы глобализации.

В связи с высокой скоростью развития информационных технологий создается необходимая коммуникационная платформа для учета мнений научных институтов, отраслевых ассоциаций, ведущих компаний, государственных заказчиков, институтов развития и представителей ведущих технологических платформ в информационно-технологически емких областях.

В сфере оборонно-промышленного комплекса, непосредственно имеющего отношение к внешним функциям государства, развитие и использование информационных технологий связаны с разработкой методов роботизации и автоматизации производства предприятий комплекса; методов программного моделирования на всех уровнях производства; технологий, обеспечивающих наиболее быструю разработку собственных специальных протоколов и технологий передачи и обработки информации; программных технологий поддержки принятия решений в реальном времени с элементами искусственного интеллекта.

В современных условиях многие важные системы промышленного и оборонного сектора экономики, например системы управления воздушным сообщением, предприятиями энергетической отрасли и электросети, работают на основе информационно-коммуникационных технологий.

Помимо этого средства информатизации, особенно компьютерные технологии и средства

современной связи широко используются государством для доведения информации о своей деятельности до широких слоев населения, обмена документами с иностранными партнерами, оперативного участия в работе международных организаций, обеспечения военных операций по борьбе с террористическими угрозами со стороны Исламского государства (организация, запрещенная в РФ), как ранее использовались для обеспечения информационных мероприятий в ходе контртеррористической операции в Чечне, когда был создан Федеральный информационный центр, обеспечивающий общение командования с журналистами и внутреннюю поддержку властей.

Результаты

Сферы и аспекты использования информационных технологий весьма многочисленны. Соответствие уровня развития информационной инфраструктуры мировым тенденциям – залог равноправного участия в формировании системы глобального управления и глобальной инновационной системы, обуславливающего статус и возможности государства в современных международных отношениях [10, 11].

Все сказанное ранее о процессах информатизации, их влиянии на развитие человека и социальных общностей, выстраивание коммуникаций между ними позволяет утверждать, что глобальная информатизация – процесс неизбежный, как и сама глобализация, дает возможность увеличить возможности управления, мобильности и оперативности принятия решений, участия в решении задач различных уровней и масштабов, однако имеет немало явных и скрытых опасностей и угроз.

Список литературы

1. О концепции правовой информатизации России : указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 27, ст. 2521.
2. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. 253 с.
3. *Касаткина М. О.* Глобальная информатизация общества // Экономический журнал РГГУ. 2010. № 20. С. 41–43.
4. *Талатина Э. В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М. : ИД «Юриспруденция», 2015. 192 с.
5. *Чесноков А. А.* Ресурсы INTERNET и российские политические технологии : состояние и перспективы развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 65–71.
6. О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций) (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе “Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)”», «Правилами ведения федеральной государственной информационной системы “Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)”», «Положением о федеральной государственной информационной системе “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)”», «Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)») : постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (в ред. от 16.02.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 44, ст. 6274 ; 2015. № 8, ст. 1175.
7. Об использовании федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (вместе с «Правилами использования федеральной государственной информационной системы “Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме”») : постановление Правительства РФ от 10.07.2013 № 584 (в ред. от 14.11.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (ч. II), ст. 4108 ; 2015. № 47, ст. 6599.
8. Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде : распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 г. № 2516-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 2 (ч. II), ст. 155.
9. *Панарин А. С.* Глобальное информационное общество : вызовы и ответы // Глобальная информатизация и безопасность России : материалы круглого стола «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества» (МГУ, октябрь 2000 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 15–27.
10. *Сидорова Е. А.* Взаимодействие процессов глобального управления и формирования глобальной инновационной системы : теоретический аспект // Вестн. ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 128–132.
11. *Попсуйко А. Н.* Феномен глобального управления в контексте устойчивого развития современных глобальных процессов // Глобализация как этап развития мирового сообщества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 сентября 2011 г. Пенза ; Сургут ; Баку : НИЦ «Социосфера», 2011. С. 135–139.

Образец для цитирования:

Туманов С. Н. Глобальная информатизация как содержание и средство реализации внешних функций государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 445–451. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-445-451.

Global Informatization as the Content and Means of Realization of External Functions of the State

S. N. Tumanov

Sergey N. Tumanov, ORCID 0000-0002-4011-1210, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia, edu@ssla.ru

Introduction. A significant part of the research phenomena of social life, including the state-legal sphere, contains an appeal to the effects of globalization processes on the course of their development, determining positive effects, as well as the conditions and means of minimizing negative effects. Informatization, being global in nature condition for the functioning of modern society, has an impact on the scope of implementation of the external functions of the state both within the country and in the international arena. The article suggests consideration of Informatization in relation to the mechanism of external functions of the state. **Theoretical analysis.** Consideration of global information in connection with the implementation of the main directions of state activities in the international arena is based on the General doctrine of functions of the state, about state power, about the means of exercise of public authority and on the basic rules and principles of scientific research. **Empirical analysis.** An important part of the proposed study took the analysis of the current legislation, as well as doctrinal documents of legal nature in which the value of Informatization for the management of modern processes, to formulate the priorities of implementation of state policy in the sphere of Informatization. **Results.** As a result, the author works on the analysis of the impact of Informatization processes on the mechanism of action of implementation of the external functions of the state is the hypothesis of multi-vector their influence on the mechanism and on the possibility of consideration of Informatization in relation to external functions. **Key words:** state, globalization, functions of the state, sovereignty, means of implementation of the external functions of the state, public authorities, informatization.

References

1. On the concept of legal informatization of Russia. Decree of the President of the Russian Federation of 28.06.1993 No. 966. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1993, no. 27, art. 2521 (in Russian).
2. Vershinin M. S. *Politicheskaya kommunikatsiya v informatsionnom obschestve* [Political communication in the information society]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Mikhailova V. A., 2001. 253 p. (in Russian).
3. Kasatkina M. O. Global'naya informatizatsiya obshchestva [Global informatization of the society]. *Ekonomicheskiy zhurnal RGGU* [Economic journal], 2010, no. 20, pp. 41–43 (in Russian).
4. Talapina E. V. *Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obschestve (pravovoi aspekt)* [Public administration in the information society (legal aspect)]. Moscow, ID «Jurisprudentsiia», 2015. 192 p. (in Russian).
5. Chesnokov A. A. Resursy INTERNET i rossiyskie politicheskie tekhnologii: sostoianie i perspektivy razvitiya [INTERNET-resources and Russian political technologies: state and perspectives of development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science], 1999, no. 4, pp. 65–71 (in Russian).
6. About the Federal state information systems security-handling, the provision of electronic public and municipal services (execution of functions) (together with “Statute on the Federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Rules of maintaining the Federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Position on the Federal state information system “Single portal of public and municipal services (functions)”, “Mission-tions to the regional portals of state and municipal services (functions)”. Resolution of the RF Government of 24.10.2011 No. 861 (an edition of 16.02.2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 44, art. 6274; 2015, no. 8, art. 1175 (in Russian).
7. On the use of Federal state information system “unified system of identification and authentication in the infrastructure ensuring information and technological interaction of information systems used for rendering state and municipal services in electronic form” (together with “Regulations on the use of Federal state information system “unified system of identification and authentication in the infrastructure ensuring information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form”). Resolution of the RF Government of 10.07.2013 No. 584 (an edition of 14.11.2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 30 (pt. II), art. 4108; 2015, no. 47, art. 6599 (in Russian).
8. On approval of Concept of development of mechanisms of providing state and municipal services in electronic form. Decree of the RF Government of 25.12.2013 No. 2516-R. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 2 (pt. II), art. 155 (in Russian).

9. Panarin A. S. Global'noe informatsionnoe obschestvo: vyzovy i otvety [Global information society: challenges and responses]. In: *Global'naya informatizatsiya i bezopasnost' Rossii. Materialy kruglogo stola «Global'naya informatizatsiya i social'no-gumanitarnye problemy cheloveka, kul'tury, obschestva» (MGU, oktjabr' 2000 g.)* [Global informatization and security of Russia. Materials of the round table "Global informatization and socio-humanitarian problems of person, culture, society" (MSU, October 2000)]. Moscow, Moscow University Press, 2001, pp. 15–27 (in Russian).
10. Sidorova E. A. Interaction of the of Global Governance Processes and Global Innovation System Formation: Theoretical Approach. *Vestnik JarGU. Ser. Gumanitarnye nauki* [The Bulletin of the Yaroslavl State University. Ser. Humanities], 2014, no. 1 (27), pp. 128–132 (in Russian).
11. Popsujko A.N. Fenomen global'nogo upravleniya v kontekste ustoychivogo razvitiya sovremennykh global'nykh protsessov [The phenomenon of global governance in the context of sustainable development of modern global processes]. In: *Globalizatsiya kak etap razvitiya mirovogo soobschestva* [Globalization as stage of development of the world community. Materials Int. sci. and pract. conf. 25–25 September 2011]. Penza, Surgut, Baku, Nauchnoizdatel'skii tsentr «Sotsiosfera», 2011, pp. 135–139 (in Russian).

Cite this article as:

Tumanov S. N. Global Informatization as the Content and Means of Realization of External Functions of the State. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-445-451.

УДК 340.143; 304.42

НА ПУТИ К ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМУ РАЗВИТИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2017–2030 гг.»

С. В. Тихонова

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор социальных коммуникаций, Саратовский национально-исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Введение. Статья посвящена к анализу политико-правовой модели информационного общества, сформулированной в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.». Теория информационного общества предлагает весьма абстрактные представления о своем объекте, нуждающиеся в конкретизации и детализации в доктринальных документах с учетом наличного этапа социального и технологического прогресса. Эволюция информационных отношений порождает новые риски на пути устойчивого государственно-правового развития, что не может не влиять на проект строительства информационного общества. Целью статьи является анализ новой модели информационного общества, ее элементов, связанных с принятием Доктрины информационной безопасности, отразившей изменения в понимании государственных целей и задач в условиях цифрового мира. **Методы.** Опираясь на системный, структурно-функциональный подходы, формально-юридический и сравнительный методы, исследуются принципы, дефиниции, цели и задачи нового документа. **Результаты.** Особое внимание уделяется вводимой в Стратегию-2017 системе понятий: предлагается их классификация и устанавливаются инструментальные связи между ними. Выявляя новации в интерпретации информационного общества, выявляются их идейные и доктринальные источники, связанные с общей телеологией документа. Важной особенностью Стратегии-2017 является формирование не только позитивной модели информационного общества, связанной с развитием общества знания, но и модели негативной, формируемой в результате усилий геополитических конкурентов Российской Федерации. **Обсуждение.** Положения Стратегии-2017 не только направлены на решение проблемы технологической безопасности, ускорение экономического развития и модернизацию социальной сферы, они ориентированы на масштабное совершенствование законодательства, что позволяет оценивать Стратегию-2017 как манифест политико-правового развития страны в цифровую эпоху.

Ключевые слова: информационное право, правовая доктрина, правовая политика, информационное общество, электронное государство.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457

Введение

Теория информационного общества – одна из самых влиятельных в современном социогуманитарном знании – редко оперирует точными понятиями в силу своего принципиально прогностического характера. Тем не менее, именно

она устанавливает ключевые ориентиры социального развития. Переход к реальному построению информационного общества сделал особенно актуальной проблему детализации его модели. Практический выбор того или иного направления требует ясного понимания, что именно можно усовершенствовать в системе общественных отношений с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, непрерывно развиваются. Гуманизация цифрового технологического развития, подчинение его насущным потребностям построения справедливого демократического общества и правового государства невозможна без теоретической, концептуальной проработки социального проекта. Ее осуществление является задачей доктринальных документов, формулирующих программу планируемых преобразований, обеспечивающую их правовую политику. Правовой статус таких документов до конца не определен (исключением являются: а) документы, принятие которых предусмотрено Федеральным законом «О безопасности»; б) Военная доктрина РФ, утверждение которой – конституционное право Президента РФ) и дискусионен [1], тем не менее, именно в них определяются стратегические цели, приоритеты государственной политики или фиксируются официальные взгляды на таковые.

Главная цель статьи – анализ новой доктринальной модели информационного общества и ее элементов, отражающих изменения в понимании государственных интересов в цифровом мире, сформулированных в «Доктрине информационной безопасности» от 5 декабря 2016 г. и конкретизированных в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» от 9 мая 2017 г.

Методы

В исследовании были применены системный и структурно-функциональный подходы, сравнительный и формально-юридический методы.

Результаты

Категория «информационное общество» прочно вошла в лексикон отечественных доктринальных документов, однако ее четкое опре-

деление оставалось нерешаемой проблемой для ученых-правоведов. Как справедливо отмечает Т. А. Полякова, в международных правовых документах содержатся лишь признаки этого понятия, на основании которых и разрабатываются различные национальные стратегии построения информационного общества [2, с. 21]. Важным шагом в конкретизации понятия «информационное общество» стала новая «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. [3] (далее – Стратегия-2017). Она является специализированным доктринальным документом, посвященным развитию информационного общества в России. В ней не только предлагается понятие информационного общества, но выстраивается довольно подробная модель его элементов. Инновационность рассматриваемого документа особенно высока, если учитывать, что ранее действовавшая «Стратегия развития информационного общества в РФ» от 7 февраля 2008 г. [4] понятия информационного общества не содержала. В ней только отмечалось, что «информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти» (ст. I).

Однако можно с полным основанием утверждать, что Стратегия-2008 стала концептуальной основой нового документа, между старой и новой стратегиями существует глубокая преемственность. Базовым предназначением Стратегии-2008 было обеспечение РФ «достойного места среди лидеров глобального информационного общества», а в качестве цели построения информационного общества в РФ заявлялось «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления» на основе использования информационно-коммуникационных технологий (ст. III). На время принятия Стратегии ее главная цель интерпретировалась как «инвестиции в человека, инвестиции, которые ведут к повышению производительности труда и, в конечном счете, к повышению качества жизни» [5, с. 24].

За период реализации Стратегии-2008 вскрылись проблемы и противоречия в развитии информационного общества, главными из которых, как отмечают специалисты, оказались проблемы информационной безопасности [6, с. 93]. К росту интернет-преступности добавилась угроза «цветных» революций, поставив под вопрос оправданность существования Интернета

как серой анонимной зоны саморегулирования. Перед государством, гражданским обществом, научным сообществом встала задача корректировки действовавшей на тот момент Доктрины информационной безопасности, учета новых вызовов и угроз национальной безопасности России в цифровом мире. Эта задача была решена посредством принятия новой Доктрины информационной безопасности от 5 декабря 2016 г., утвержденный проект которой, по справедливому мнению А. В. Минбалева, отражал «реальное состояние современного информационного общества и многочисленные информационные угрозы национальным российским интересам в информационной сфере» [7, с. 66].

В отличие от большинства доктрин, относящихся к так называемому мягкому праву, в новой Доктрине информационной безопасности предусмотрены обязательность мониторинга реализации ее положений и представление их в ежегодном докладе Секретаря Совета безопасности РФ Президенту РФ. И хотя в этой Доктрине пересмотр Стратегии развития информационного общества прямо не предусмотрен, взаимосвязь между принятием новой Доктрины информационной безопасности и новой Стратегии развития информационного общества представляется очевидной и закономерной. Полагаем, что именно влиянием Доктрины информационной безопасности определяется изменение в понимании государственных целей и задач в строительстве информационного общества, результатом которого и стало появление новой его модели. В рамках данной статьи мы обозначим и сформулируем основные ее элементы.

Первый раздел Стратегии-2017 конкретизирует ее принципы и устанавливает систему используемых понятий. Принципы формулируются на основе концептуальных элементов права на информацию, сочетающих свободу индивида и интересы государства и общества. Инновационным является принцип, предусмотренный п. 8 ст. 3: «...сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг». Теории информационного общества, как правило, исходят из представлений о необходимости переходного периода, за который произойдет полный перевод общественных отношений на платформу цифровых носителей и технологий. При этом всегда предусматриваются меры по сокращению и сглаживанию переходного периода. В Стратегии же предусматриваются меры поддержки традиционных средств распространения информации, к которым отнесены радио- и телевидение, печатные СМИ и библиотеки (п. «у» ст. 26), а также инфраструктуры традиционных услуг связи, к которым отнесены почта и электро-связь (п. «д» ст. 32). Эту инновацию можно рассма-

тривать, во-первых, как косвенное свидетельство того, что информационное общество в стране уже сформировано, и, во-вторых, как признание роли традиционных средств коммуникации в формировании национальной культуры, сбережению и продвижению которой в документе отводится немалое место. Кроме того, вопрос о том, нужны ли в информационном обществе традиционные средства коммуникации, в каком объеме и для решения каких задач, сам по себе интересен и заслуживает отдельного исследования.

Базовые понятия Стратегии-2017 расположены в классическом алфавитном порядке. Можно условно разделить их на общесоциальные, узкосоциальные, технологические. Общесоциальные понятия фиксируют общий уровень социального развития в цифровую эпоху, узкосоциальные описывают ИКТ-платформы организации социального управления, технологические устанавливают новые, прорывные и ключевые среди существующих информационно-коммуникационные технологии.

К общесоциальным (и наиболее для нас интересным) относятся два понятия – «информационное общество» и «общество знаний». Под первым авторы Стратегии понимают «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»; под вторым – «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» (п. «г» ст. 4; п. «л» ст. 4). Сопоставление этих двух понятий показывает, что для того чтобы информационное общество трансформировалось в общество знания, информация, определяющая его развитие, должна обладать определенным качеством – быть достоверной, а операции с ней должны быть подчинены стратегическим национальным приоритетам РФ.

К узкосоциальным относятся такие понятия, как «информационное пространство», «инфраструктура электронного правительства», «критическая информационная инфраструктура РФ», «Национальная электронная библиотека», «объекты критической информационной инфраструктуры», «цифровая экономика», «экосистема цифровой экономики». В целом они описывают механизмы перевода управления основными сферами жизни общества и коммуникации между ними на цифровые электронные платформы с помощью интернет-сервисов и приложений. В перспективе построение объектов, соответствующих этим понятиям, позволит связать центры управ-

ления в различных сферах общественной жизни в единую эффективную систему государственно-правового управления. Показательно, что хотя в Стратегии-2017 активно используются понятия «электронное правительство» и «электронная демократия», уже вошедшие в терминологический аппарат правовой науки, категория «электронное государство» в ней не употребляется. Вероятно, такое терминологическое запаздывание связано с характерной для теории права «тупиковой ситуацией в осмыслении феномена государства» [8, с. 39], требующей серьезной модернизации правового раздела государствоведения в части представлений о современных государствах.

К технологическим относятся все остальные понятия. Важно отметить, что среди понятий этой группы присутствуют как и вполне рабочие, даже рутинные для граждан технологии, так и технологии «завтрашнего дня» – «индустриальный интернет», «интернет-вещей», «туманные вычисления» и т.д., ориентированные на принципы работы планируемых сетей 5G. Связь пятого поколения сможет обеспечить сверхскоростной Интернет в городах (при сохранении форматов 3G и 4G там, где нет потребностей в передаче мегаобъемов контента и работе гаджетов в режиме always online), переход телевидения на мобильное вещание, инфраструктуру межмашинного взаимодействия и беспилотных автомобилей, а также работу web 4.0 (независимо от того, какой она окажется в действительности). Более того, Стратегия-2017 оперирует даже такими терминами, как «искусственный интеллект», «биотехнологии», «конвергентные технологии» и «конвергенция сетей», радикально революционными для информационного пространства страны. Инфраструктура информационного общества, конституируемая в Стратегии, весьма высоко технологична. Вышеизложенное позволяет констатировать отказ от принципа технологической нейтральности как существенную особенность анализируемого документа.

Второй раздел Стратегии-2017 содержит оценку достигнутых результатов, демонстрирующих полномасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий в социальную, политическую жизнь страны, а также переход к цифровой экономике. Включение России в современное информационное общество оценивается не только с точки зрения преимуществ, но и в перспективе рисков. К последним относятся, во-первых, доминирование в российском информационном пространстве, включая объекты критической информационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий иностранного происхождения, а, значит, уязвимость системы национальной

информационной безопасности; во-вторых, негативные социально-психологические эффекты развития информационного общества. Авторы Стратегии связывают с информационно-коммуникационными технологиями распространение «клипового мышления», которое в силу поверхностности восприятия информации индивидами облегчает другим государствам идеологическое воздействие на россиян. В-третьих, следует указать отсутствие международно-правовых механизмов защиты государственного суверенитета в Интернете; в-четвертых, дисбаланс в развитии информационной инфраструктуры и становлении общества знаний.

Обсуждение

На основе анализа рисков авторы Стратегии-2017 формируют имплицитные модели «неправильного» и «правильного» информационного общества. В «неправильном» информационном обществе информационно-коммуникационные технологии становятся инструментом манипуляции массами, причем субъектом манипуляции являются наиболее могущественные в информационном отношении страны (США прямо в Стратегии-2017 не упоминаются, но в этом нет особой необходимости, учитывая сложившуюся систему управления Интернетом), ориентированные на передел мирового порядка. В «правильном» информационном обществе информационно-коммуникационные технологии способствуют росту национального благосостояния, развивая человеческий капитал и охраняя национальные духовно-нравственные ценности. Этот концептуальный ракурс усиливается прямым обращением к модели общества знания, создание условий для развития которого и провозглашается главной целью Стратегии-2017.

Понятие «общество знания» возникло еще в 60-е гг. XX в. для обозначения достигнутого тогда этапа посткапиталистического развития. П. Друкер, Ф. Махлуп, Д. Белл, Р. Лэйн описывали его как результат повышения роли индустрии знания в экономике и снижения роль политических идеологий в духовной жизни. Информация, по их мнению, является только «сырьем» для производства знаний, поэтому в обществе знания инфраструктура информационного общества подчиняется задачам развития человеческого капитала и перманентному обновлению профессиональных компетенций граждан. Второе дыхание концепция общества знания получило благодаря всемирному докладу Юнеско «К обществам знания» 2005 г. (далее – Доклад-2005). Всемирные доклады данной организации – особый вид документов, концентрирующих философское обобщение огромного массива эмпирической статистической

информации, отражающей особенности развития общечеловеческой цивилизации. В Докладе-2005 сформирована масштабная панорама устойчивого развития коммуницирующих гуманистических обществ знания, этическая аксиология (нравственность/богатство) которой, по меткому замечанию В. Г. Буниной, трактуется авторами Доклада-2005 скорее в католико-просветительском, нежели протестантско-веберовском духе [9, с. 24]. Духовные основания цивилизационного развития однозначно получают приоритет перед материальными достижениями, к которым относятся и новые технологии медиасферы.

Если информационное общество в Окинавской хартии позиционировалось как глобальное, планетарное, то множественное число в обозначении обществ знания в Докладе-2005 подчеркивает их плюрализм и многообразие. Этот подход обнаруживается и в дефиниции обществ знания: «...это общества, источником развития которых являются собственное многообразие и собственные способности» [10, с. 19]. Как полагают авторы Доклада-2005, единственной, универсальной модели информационного общества не существует. Далее они акцентируют принципиальную важность соединения накопленных в конкретном обществе знаний с новыми технологиями их производства. Предлагаемая ими стратегия развития требует серьезных усилий не только от государств, но и от каждого индивида: «...в обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать “полезную” информацию от бесполезной» [10, с. 21]. В позиции Доклада-2005 отчетливо проявляется влияние образовательной идеологии «life long learning» (непрерывного образования на протяжении жизни), доминирующей в большинстве современных концепций национальных систем образования и в Болонских документах. Здесь идея «общества знания» максимально сближается с идеей «обучающегося общества».

Инструментальный статус информации по отношению к знанию, ее недостаточность для достижения высоких гуманистических идеалов социального развития – ключевая идея Доклада-2005, ориентированного на рост коллективного, рационального и критического использования информации для общего блага. Информационно-коммуникационные технологим должны быть основой новой солидарности, творчества, инноваций и этического порядка, продолжающего традиции классического гуманизма (отсылки к эпохе Возрождения весьма характерны для Доклада-2005). При этом их развитие в формате общества знания возможно только при условии «развития новых

когнитивных и правовых инструментов» [10, с. 25]. Эта идея весьма актуальна в контексте развития права как «цивилизационно-ценностного нормативного регулятора общественных отношений, ... универсального посредника между интересами и потребностями личности и многообразной деятельностью государства» [11, с. 163].

Идеи Доклада-2005 об обществах знания вошли в серию международных документов, посвященных информационному обществу. Развиваемая ими идеология многополярного мира оказалась особенно актуальной в современных внешнеполитических условиях. Этим и объясняется востребованность модели общества знания в Стратегии-2017.

Важным достижением новой Стратегии стало упорядочение системы задач за счет определения ключевых приоритетов в построении информационного общества, обеспечивающих такие национальные интересы, как развитие человеческого капитала; обеспечение безопасности граждан и государства; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления; повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики. Каждый из приоритетов развивает и уточняет основные направления реализации Стратегии-2008, отвечает конкретному национальному интересу и детализуется в посвященной ему рубрике (каждая рубрика содержит от 3 до 7 статей). Во всех приоритетах присутствуют национально-государственные аспекты, подчиняющие формулируемое направление построения информационного общества интересам устойчивого развития страны.

На основе конкретизации приоритетов в четвертом разделе Стратегии-2017 излагается приоритетный сценарий развития информационного общества в России, в соответствии с которым государство в РФ выступает активным субъектом строительства информационного общества, используя как бюджетные, так и частные инвестиции для развития прорывных российских информационно-коммуникационных технологий, конкурентоспособных на мировом уровне. Отечественные информационно-коммуникационные технологии применяются в работе национальных технологических онлайн-платформ образовательных, медицинских, финансовых, государственных, муниципальных, библиотечных и иных услуг. Гражданам доступны и сами услуги, и информация о них. Цифровая экономика ускоряет темпы роста российского ВВП.

Таким образом, Стратегия-2017 предлагает продуманную модель информационного общества, что является серьезным достижением на пути конкретизации его легального понятия. Хотя положения Стратегии-2017 затрагивают в основном проблемы технологической безопасности, экономического развития и модернизации социальной сферы, важным ее достижением выступает предусмотренное ст. 46 совершенствование законодательства, не только содержательное, осуществляющее включение в механизм правового регулирования новых информационных отношений, но и формальное (в электронной форме). Таким образом, Стратегию-2017 можно рассматривать как манифест политико-правового развития страны в цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Ирошников Д. В., Нестеров С. В.* Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации // *Правовая инициатива*. 2013. № 7. С. 7.
2. *Полякова Т. А.* Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 38 с.
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2017. № 20, ст. 290.
4. Стратегия развития информационного общества в РФ : утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212 // *Рос. газ.* 2008. 16 февр.
5. *Шерстюк В. П.* О стратегии развития информационного общества в России // *Информационное общество*. 2008. № 1–2. С. 20–24.
6. *Ханай А. А.* Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : инновационные подходы реализации на современном этапе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 17. С. 90–94.
7. *Минбалева А. В.* Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : современное состояние и перспективы развития // *Вестн. УрФО. Безопасность в информационной сфере*. 2016. № 3 (21). С. 62–66.
8. *Пономарева И. П.* Государство : истина и мифы // *Журнал российского права*. 2016. № 12 (240). С. 38–47. DOI: 10.12737/22718.
9. *Бунина В. Г.* От информационного общества к обществам знания // *Вестн. РУДН. Сер. Социология*. 2010. № 2. С. 16–26.
10. *К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО.* Париж : ЮНЕСКО, 2005. 239 с.
11. *Рыбаков О. Ю.* Тенденции развития российской правовой политики // *Изв. вузов. Правоведение*. 2004. № 3 (254). С. 156–164.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 452–457. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.

On the Path to Political-Legal Development of the Information Society: “The Strategy of Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030”

S. V. Tikhonova

Sophia V. Tikhonova, ORCID 0000-0003-2487-3925, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, segedasv@yandex.ru

Introduction. The article deals with the analysis of the political and legal model of the information society from the “Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030”. The information society theory offers a very abstract idea of its object. These representations are specified and detailed in doctrinal documents, depending on the current phase of social and technological progress. Evolution of information relations creates new risks to sustainable state-legal development. They affect the project construction of the information society. The main objective is the analysis of a new model of the information society, its elements, associated with the adoption of the “Doctrine of information security” that reflect changes in the understanding of the state goals and objectives in a digital world and refined “Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030”. **Methods.** The author used systemic, structural-functional approaches, formal-legal and comparative methods. **Results.** The author explores the principles, definitions, goals and objectives of the new document. Special attention is paid to introducing in Strategy-2017 the system of concepts: offer their classification and determine the instrumental relations between them. The author identifies the innovations in the information society interpretation, define their ideological and doctrinal sources, and relate it and the general teleology of the document. An important feature of the Strategy-2017 is not only the formation of positive model of the information society defined as a knowledge society, but also the offered negative model. The last is generated as a result of the efforts of the geopolitical rivals of the Russian Federation. **Discussion.** The Strategy-2017 statements are not only aimed at solving problems of technological security, accelerated economic development and modernization of the social sphere. They are focused on large-scale improvement of legislation that allows evaluating the Strategy-2017 as a Manifesto of political and legal development in the digital age.

Key words: information law, legal doctrine, legal policy, information society, electronic government.

References

1. Iroshnikov D. V., Nesterov S. V. Poniatie i klassifikatsiya kontseptual'nykh i doktrinal'nykh dokumentov Rossiiskoi Federatsii [The concept and the classification of the conceptual and doctrinal documents of the Russian Federation]. *Pravovaya initsiativa* [Legal initiative], 2013, no. 7, p. 7 (in Russian).
2. Poliakova T. A. *Legal support of information security in developing information society in Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.) Moscow, 2008. 38 p. (in Russian)
3. Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030, approved by the decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 290.
4. Strategy of information society development in the Russian Federation, approved of the President of the Russian Federation of 07.02.2008 No. Pr-212. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2008, 16 February.
5. Sherstiuk V. P. O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossii [The strategy of the information society development in Russia]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], 2008, no. 1–2, pp. 20–24 (in Russian).
6. Khapay A. A. The Strategy of information society development in the Russian Federation: innovative approaches of implementation at the present stage. *Theory and practice of social development*, 2015, no. 17, pp. 90–94 (in Russian).
7. Minbaleev A. V. The Information security doctrine of the Russian Federation: current state and prospects of development. *Vestnik UrFO. Bezopasnost v informatsionnoi sfere* [UrFR Newsletter. Information Security], 2016, no. 3 (21), pp. 62–66 (in Russian).
8. Ponomareva I. P. State: Truth and Myths]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 12 (240), pp. 38–47. DOI: 10.12737/22718 (in Russian).
9. Bunina V. G. Ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvam znaniya [From information society to knowledge societies]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Sociology], 2010, no 2, pp. 16–26 (in Russian).
10. *Towards knowledge societies. UNESCO world report*. Paris, UNESCO Publ., 2005. 226 p. (Rus. ed.: K obshchestvam znaniya. Vsemirnyi doklad YUNESKO. Parizh, 2005. 239 s.).
11. Rybakov O. Ju. Tendencies in Development of Russian Legal Policy. *Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie*, 2004, no. 3 (254), pp. 156–164 (in Russian).

Cite this article as:

Tikhonova S. V. On the Path to Political-Legal Development of the Information Society: “The Strategy of Information Society Development in the Russian Federation for 2017–2030”. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 452–457 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.

УДК 349

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Р. В. Амелин

Амелин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ame-roman@yandex.ru

Введение. В современных условиях возрастает роль государственных информационных систем как особого инструмента воздействия на общественные отношения в различных сферах, связанных с государственным управлением. В связи с этим актуальным является изучение правового режима таких систем и, в частности, правового режима информации, составляющей их информационный ресурс. **Теоретический анализ.** В соответствии с законом информация, содержащаяся в государственных информационных системах, является официальной. В российском законодательстве данное понятие не имеет легальной дефиниции, однако подкрепляется обязанностью государственных органов обеспечить достоверность такой информации.

Эмпирический анализ. Правоприменительная практика идет по пути признания прав граждан и иных лиц на исключение недостоверных сведений из государственных информационных систем, а также признания документа не представленным в государственный орган, если он содержит недостоверные сведения, что не является достаточным для обеспечения прав лиц, использующих официальную информацию. **Результаты.** По мнению автора, основным признаком официальной информации (в том числе содержащейся в ГИС) является презумпция достоверности, из которой вытекает не только обязанность государства обеспечить достоверность официальной информации, но и соответствующие гарантии ее пользователям – в том числе признание добросовестности поведения, опирающегося на использование такой информации. При этом не любые государственные информационные системы объективно могут выступать источником официальной информации, что требует внесения в закон соответствующих уточнений.

Ключевые слова: государственные информационные системы, официальная информация, информационный ресурс, достоверность информации, юридическое значение информации, добросовестное поведение.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-458-464

Введение

В последние годы важную роль в российском правовом поле стали играть государственные информационные системы (ГИС). Они не только являются важнейшим строительным блоком в фундаменте электронного правительства, но и используются в ряде случаев как особый правовой инструмент в сфере государственного контроля и надзора [1]. Внедрение каждой ГИС сопровождается принятием ряда правовых актов, регулирующих ее правовой режим, и оказыва-

ет существенное влияние на правоотношения в сфере ее использования (общее число таких актов превышает в настоящее время несколько тысяч). При этом в отечественной юридической науке пока не выработано единой модели правового регулирования отношений, возникающих по поводу создания и использования ГИС. Этим обусловлена актуальность изучения правового режима государственных информационных систем. При этом важным элементом правового режима ГИС является правовой режим ее информационного ресурса – информации, хранящейся и обрабатываемой в системе. В частности, вопросы актуальности, полноты и достоверности, а также юридического значения такой информации.

В соответствии с ч. 9 ст. 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) [2], информация, содержащаяся в государственных информационных системах (ГИС), является официальной. В настоящей статье мы исследуем значение указанной нормы, вытекающие из нее важные следствия, а также ее применимость к различным категориям государственных (и муниципальных) информационных систем.

Теоретический анализ

В российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция понятия «официальная информация». Единственное определение содержалось в действовавшем до 15 сентября 2015 г. Законе РФ от 27.04.1993 № 4866-1 (ред. от 09.02.2009) «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан». Статья 2 названного Закона устанавливала следующие обязательные признаки официальной информации:

- сведения в письменной или устной форме;
- сведения, повлиявшие на осуществление прав и свобод гражданина;
- сведения, представленные в адрес государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих, совершивших действия (принявших решения);
- авторство сведений должно быть установлено;

– сведения явились основанием для совершения действий (принятия решений), причем последнее обстоятельство должно быть установлено судом.

В контексте данного Закона официальная информация рассматривалась как предмет обжалования. Как отмечал, в частности, Н. Л. Пешин, предметом обжалования являлась официальная информация, послужившая основанием для совершения действия или принятия решения, в результате которых нарушены права и свободы гражданина [3, 4].

Со вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства РФ данная норма (имеющая, на наш взгляд, довольно противоречивый характер) утратила силу. В юридической литературе исследование категории «официальная информация» практически не проводилось. Среди немногочисленных публикаций заслуживает внимания подход Л. А. Букаловой и Н. И. Пикуровой, предлагавших для целей дифференциации уголовной ответственности признать официальной информацией, содержащую сведения о фактах, имеющих юридическое значение; созданную уполномоченным государством производителем (юридическим или физическим лицом); подчиняющуюся определенному правовому режиму оборота [5]. О. В. Афанасьева отождествляла понятия «официальная информация» и «информация о деятельности государственных органов» в том виде, как последнее закреплено в действующем законодательстве, т.е. предлагала понимать под официальной информацией как сведения, созданные государственными органами, органами местного самоуправления, так и сведения, представленные в адрес указанных органов [6].

Относительно разработанными в законодательстве и литературе являются лишь некоторые специальные виды официальной информации. Так, под официальной правовой информацией понимается информация, исходящая от полномочных государственных органов, имеющая юридическое значение и направленная на регулирование общественных отношений [7, с. 44]. Официальная статистическая информация – сводная агрегированная документированная информация о количественной стороне массовых социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессов в Российской Федерации, формируемая субъектами официального статистического учета в соответствии с официальной статистической методологией (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [8]).

В русском языке «официальный» означает «исходящий от правительства или администрации, диктуемый их законами, правилами» [9, с. 485]; «служебный, правительственный, достоверный» [10], «установленный правительством, администрацией, должностным лицом и т. п. или исходящий от них» [11, с. 726]. Буквальное толкование термина позволяет прийти к выводу, что официальная информация исходит от государства, и ее использование гарантирует лицам признание добросовестности их поведения. Другими словами, можно говорить о *презумпции достоверности* такой информации – граждане и иные лица вправе полагаться на официальную информацию как на достоверные сведения до тех пор, пока не доказано обратное.

Данный вывод частично поддерживается дополнительным положением ч. 9 ст. 14 Закона об информации [2], которое относится к информации в ГИС как к виду официальной информации: государственные органы, определенные в соответствии с нормативным правовым актом, регламентирующим функционирование государственной информационной системы, обязаны обеспечить достоверность и актуальность информации, содержащейся в данной информационной системе, доступ к указанной информации в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством, а также защиту указанной информации от неправомерных доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения и иных неправомерных действий. Указанная норма служит основанием для отказа во внесении заведомо недостоверной информации в государственную информационную систему.

Эмпирический анализ

Понимание принципа достоверности официальной информации как основания для отказа в приеме недостоверной информации для включения в ГИС подтверждается многочисленными материалами судебной и правоприменительной практики. Так, в решении ФНС России от 21.01.2017 № СА-4-9/1421@ на жалобу физического лица об отказе в государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя указывается, что в ЕГРИП должна содержаться достоверная информация, а поскольку предоставленное заявление содержит недостоверные сведения (указанные в Листе А Заявления коды ОКВЭД не соответствуют кодам ОКВЭД ОК 029-2014), то оно считается непредставленным в регистрирующий орган, что является основанием для отказа в государственной регистрации [12]. Аналогичная правовая позиция изложена Президиумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации

в Постановлении от 13.10.2011 № 7075/11 [13].

Кроме того, на основании указанной нормы любое лицо вправе обратиться с требованием об исключении из ГИС недостоверной (неактуальной) информации, оспаривая законность действий государственного органа, выразившихся во внесении в ГИС недостоверной информации (или его бездействия, выразившегося в непринятии мер по актуализации устаревшей информации). Так, Арбитражный суд Республики Татарстан, рассматривая заявление о признании недействительной и незаконной государственной регистрации ООО НПФ «Теплозащита» в виде записей в ЕГРЮЛ (государственном информационном ресурсе) на основании недостоверности внесенных при регистрации сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени ООО, в своем решении от 29.08.2013 по делу № А65-11193/2013 признал незаконными именно решения регистрирующего органа, на основании которых были внесены записи в реестре, и возложил на МРИ ФНС России № 18 по РТ обязанность по устранению нарушенных прав истцов путем внесения в ЕГРЮЛ соответствующих записей. Как указал суд кассационной инстанции, из существа заявленных требований следует, что для истцов значение имеют не решения МРИ ФНС России № 18 по РТ о государственной регистрации сведений, а наличие в ЕГРЮЛ недостоверных сведений о единоличном исполнительном органе ООО НПФ «Теплозащита», и фактически их требования направлены на исключение из реестра недостоверных сведений о таком органе. Суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что достоверность информации, размещенной в ЕГРЮЛ, является одним из принципов его формирования в силу ст. 3 Закона об информации [2], а его пользователи имеют право на получение достоверной информации, в том числе о лице, имеющем право действовать без доверенности от имени общества с ограниченной ответственностью. Такое право участников общества будет нарушено, если в результате действий общества и/либо действий регистрирующего органа в ЕГРЮЛ, как государственном регистрационном ресурсе, будет размещена недостоверная информация о единоличном исполнительном органе общества [14].

Таким образом, презумпция достоверности информации в ГИС подкрепляется установленной в законе обязанностью государственных органов обеспечивать достоверность такой информации. К сожалению, в законодательстве ничего не говорится о ее полноте, а также отсутствует механизм защиты лица, пострадавшего от недостоверности официальной информации.

На наш взгляд, если определенная информация объявлена официальной и законом закреплена обязанность государства обеспечивать достоверность такой информации, это означает, что лицо вправе: а) полагаться на такую информацию; б) ожидать от других лиц законных действий и решений, основанных на презумпции достоверности данной информации; в) требовать возмещения вреда, полученного в результате использования недостоверной официальной информации.

В настоящее время материалами практики подтверждается лишь право лица требовать исключения недостоверной информации из ГИС, при этом бремя доказывания недостоверности информации будет лежать на данном лице. Менее однозначной является ситуация, в которой лицо, не располагающее сведениями о достоверности или недостоверности информации в государственной информационной системе, действует основываясь на такой информации.

Можно говорить о том, что имеется определенная тенденция признания законности и добросовестности со стороны государства действий лица, основанных на использовании официальной информации.

Так, согласно п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 [15], налоговая выгода может быть признана необоснованной, если инспекция докажет, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом (в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом). В Письме от 06.07.2009 № 03-02-07/1-340 [16] Минфин РФ разъясняет, что одним из обстоятельств, свидетельствующих о проявлении налогоплательщиком осмотрительности и осторожности при выборе контрагента, является использование официальных источников информации, характеризующих деятельность контрагента. В то же время, как отмечает С. Данилов, на практике официальные источники информации (в частности, бесплатные сервисы ФНС России) лишь частично помогут избежать претензий налоговиков и доказать свою законопослушность в суде [17], и для проверки контрагентов необходимо предпринимать дополнительные действия.

Насколько успешно такой подход может применяться ко всем ГИС? Единый портал госуслуг, Личный кабинет налогоплательщика, ГИС ЖКХ и другие информационные системы, предназначенные для информирования пользователей об их правах и обязанностях, являются государственными информационными системами. Означает ли это, что отсутствие на портале

государственной информации о штрафах дает основание гражданину такие штрафы не платить? Может ли гражданин настаивать на своем праве уплатить «льготный штраф», если срок, в течение которого действовало это право, пропущен, но не по вине гражданина, поскольку в его личном кабинете информация о наличии штрафа появилась с опозданием? Для некоторых информационных систем законодатель дает явный утвердительный ответ на этот вопрос. Согласно ч. 8 ст. 12 Федерального закона от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [18], с 1 января 2018 г. в случае, если в ГИС ЖКХ не размещена информация о размере платы, подлежащей внесению потребителем за жилое помещение и коммунальные услуги, либо размещена информация, которая не соответствует платежному документу, представленному потребителю на бумажном носителе, платежный документ считается не представленным в соответствии с требованиями законодательства РФ. Однако такой подход пока является скорее исключением.

Мы считаем, что оформление и развитие в законодательстве категории «официальная информация» должно идти по пути признания презумпции достоверности такой информации, наделяющего ее пользователей соответствующими правами. Представляется вполне оправданным подход, которому следует правоприменительная практика, – признание незаконным решения государственного органа, в соответствии с которым недостоверная информация получает статус официальной (в том числе путем включения в государственную информационную систему). Лицо должно иметь возможность требовать возмещения вреда, наступившего в результате принятия такого незаконного решения.

При этом, на наш взгляд, не вполне оправданно распространение режима официальной информации на всю информацию в государственных информационных системах. Государственные информационные системы – системы, созданные на основании федеральных законов, законов субъектов РФ, нормативных актов государственных органов, – отличаются значительным разнообразием как в отношении видов размещаемой в них информации, ее источников и юридического значения, так и возможностей уполномоченных органов по обеспечению достоверности информации. По этому критерию можно выделить три группы ГИС.

1. ГИС, информация в которых имеет правоустанавливающее значение. Другими словами, информация является достоверной

и отражает существующий *de facto* правовой статус уже по наличию в такой информационной системе. К таким системам относятся, в частности, различные государственные реестры. Даже если информация в реестр внесена незаконно (включая случаи фальсификации), говорить о ее недостоверности нельзя – особенно если запись в реестре является первичным документом. Собственником недвижимости будет считаться лицо, информация о котором внесена в реестр прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества ЕГРН до тех пор, пока не установлено обратное (и запись в реестре соответствующим образом не изменена). Информация в такой ГИС фиксирует юридический факт, она сама в равной степени является юридическим фактом, единственным доказательством существования зарегистрированного права [19]. Для устойчивости соответствующих правоотношений важна надежная правовая защита. Не случайно ст. 285.3 УК РФ [20] предусмотрена уголовная ответственность за фальсификацию государственных реестров. Информация в таких системах является официальной, ее полнота, актуальность и достоверность гарантируются государством.

2. Ко второй категории относятся государственные информационные системы, информация в которых не имеет правоустанавливающего значения и не является первичной, но которые обладают двумя важными признаками: а) информация в этих системах предназначена для информирования граждан и иных лиц, в том числе об их правах и обязанностях; б) для устойчивости правоотношений, связанных с использованием такой информации, важна достоверность соответствующих сведений; в) государственные органы и иные лица, обеспечивающие формирование и ведение информационной системы, имеют возможность контролировать качество информации. В качестве примера можно привести Федеральную информационную систему обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования, и приема граждан в образовательные организации для получения среднего профессионального и высшего образования (ФИС ГИА). В данную систему заносятся сведения о результатах сдачи государственной итоговой аттестации, которые вузы используют для проверки сведений, предоставленных абитуриентами [21]. Очевидно, что ситуация, при которой информация в системе оказывается недостоверной, приведет к нарушению конституционного права абитуриента на образование, в связи с чем необходимы специальные гарантии.

Считаем, что информация в таких ГИС должна являться официальной. Она может расходиться с действительностью (по вине поставщика информации или оператора ГИС, вследствие ошибки в программном обеспечении и т.д.), но для ее пользователей должны быть предусмотрены гарантии возмещения вреда от использования недостоверной информации. Законом должна быть предусмотрена обязанность уполномоченных органов и оператора ГИС принимать меры по обеспечению достоверности информации, установлены меры ответственности за нарушение этой обязанности. Как справедливо отмечает О. А. Бояринцева, только своевременное обновление базы данных (в сфере государственного и муниципального управления) и поддержание ее в актуальном состоянии могут обеспечить доверительный характер содержащихся в ней сведений и возможность безусловного использования субъектами права в качестве исходных оснований для совершения юридически значимых действий [22].

3. Существуют информационные системы, которые являются государственными, но при этом объективно не могут отвечать строгим критериям качества содержащейся в них информации. Например, информационно-аналитическая система «Общероссийская база вакансий “Работа в России”» наполняется работодателями [23]. Согласно регламенту (п. 9 Постановления Правительства РФ от 25.08.2015 № 885 «Об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий “Работа в России”» [24]), информация в системе подлежит оценке органами службы занятости населения, оператором или сотрудниками МФЦ на полноту, достоверность и соответствие установленным требованиям, однако вполне очевидно, что возможности проверки наличия каждой вакансии у этих субъектов нет, да и проведение таких проверок едва ли целесообразно. Существуют и иные системы, которые наполняются по субъективному усмотрению (в том числе предназначенные для внутреннего пользования государственными органами, например, для организации документооборота или просто обмена сообщениями). Некоторые системы находятся в стадии внедрения и тестирования (хотя формально являются государственными), некоторые ранее используемые информационные системы получают статус государственных в силу закона или иного нормативного акта, что автоматически не делает информацию в них полной, актуальной и достоверной [25]. Представляется очевидным, что такие системы не должны рассматриваться как источник официальной информации.

Результаты

Таким образом, хотя категория «официальная информация» нуждается в дальнейшем изучении и теоретической проработке, основным признаком такой информации является, на наш взгляд, презумпция достоверности – обязанность государства обеспечить достоверность официальной информации и соответствующие гарантии ее пользователям. При этом не все государственные информационные системы объективно могут выступать источником информации, достоверность которой гарантируется должным образом. По этой причине следует либо ограничить применение ч. 9 ст. 14 Закона об информации [2] к государственным информационным системам первых двух категорий из рассмотренных в настоящей статье, либо установить запрет на ввод информационной системы в эксплуатацию в качестве ГИС до тех пор, пока достоверность, полнота и актуальность информации в них не обеспечены техническими, организационными и правовыми мерами. Нам представляется наиболее перспективным первый путь – выделение особой группы государственных информационных систем, являющихся источником официальной информации («публичные информационные системы») с особыми требованиями к ним.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00082).

Список литературы

1. *Amelin R., Channov S.* State information systems in e-government in the Russian Federation : problems of legal regulation // Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society : Challenges in Eurasia (EGOSE 2015). ACM, N.Y., 2015, pp. 129–132. DOI: 10.1145/2846012.2846021.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1.), ст. 3448.
3. *Пешин Н. Л.* Особенности государственного контроля за местным самоуправлением // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 4. С. 33–37.
4. *Архипов В.* Жаловаться на нарушение прав судом можно только в «ином порядке» // Бизнес-адвокат. 2005. № 22. С. 3–7.
5. *Букалерова Л. А., Пикуров Н. И.* Уголовно-правовая охрана оборота официальной информации // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 6–8.
6. *Афанасьева О. В.* Правовое регулирование доступа к официальной информации. Чем нам полезен канадский опыт? // Формула права. 2006. № 1 (5). С. 37–43.
7. *Чубукова С. Г., Элькин В. Д.* Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы

- информатики) : учеб. пособие. М. : Юридическая фирма «Контракт», 2004. 252 с.
8. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации : федер. закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6043.
  9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
  10. *Михельсон М. И.* Большой толково-фразеологический словарь русского языка : в 3 т. М. : ЭТС, 2005. URL: http://onlineslovari.com/bolshoy_tolkovo_frazeologicheskii_slovar_mihelsona/ (дата обращения: 28.09.2017).
  11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 2. 736 с.
  12. Решение ФНС России от 21.01.2017 № СА-4-9/1421@. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
  13. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 7075/11 по делу № А46-6896/2010 // Вестн. ВАС РФ. 2012. № 2.
  14. Постановление ФАС Поволжского округа от 27.02.2014 по делу № А65-11193/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
  15. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы : постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 // Вестн. ВАС РФ. 2006. № 12.
  16. Письмо Минфина РФ от 06.07.2009 № 03-02-07/1-340. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
  17. *Данилов С.* Должная осмотрительность : проявить и доказать // Практическая бухгалтерия. 2016. № 9. С. 44–47.
  18. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства : федер. закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4210.
  19. *Добров А. Н.* Институт регистрации в административном праве : дис. ... д-ра юрид. наук М., 2005. 173 с.
  20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
  21. *Пыхтин А. И.* Перспективы модификации ФИС ГИА и приема для использования в качестве центральной информационной системы при приеме в вузы России // Современное общество, образование и наука : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 16 ч. Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. Ч. 2. С. 131–133.
  22. *Бояринцева О. А.* Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 934–940.
  23. *Шуйская К. Г.* Регламентированы правила ведения общероссийской базы вакансий «Работа в России» // Делопроизводство и кадры. 2015. № 9. С. 50–57.
  24. Об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России» : постановление Правительства РФ от 25.08.2015 № 885 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 35, ст. 5000.
  25. *Волчинская Е. К., Махносов Э. В.* О правовом статусе единой информационной системы нотариата // Нотариальный вестник. 2013. № 9. С. 22–29.

Образец для цитирования:

Амелин Р. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 458–464. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-458-464.

Presumption of Information Reliability in State Information Systems

R. V. Amelin

Roman V. Amelin, ORCID 0000-0002-7054-5757, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, ame-roman@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, the role of public information systems as a special tool for influencing public relations is increasing in various spheres related to public administration. In this regard, it is relevant to study the legal regime of such systems and, in particular, the legal regime of information that constitutes their information resource. **Theoretical analysis.** In accordance with the law, information contained in government information systems is official. In the Russian legislation this concept does not have a legal definition, but it is reinforced by the duty of state bodies to ensure the reliability of such information. **Empirical analysis.**

Law enforcement practice proceeds by recognizing the rights of citizens and other persons to exclude unreliable information from state information systems, as well as recognizing the document not submitted to the state body if it contains inaccurate information. It is not sufficient to ensure the rights of persons using official information. **Results.** In the author's opinion, the main sign of official information is the presumption of reliability, which implies not only the duty of the state to ensure the reliability of official information, but also the corresponding guarantees to its users including the recognition of good faith behavior based on the use of such information. At the same time, not any state information systems can objectively serve as a source of official information. This requires an appropriate clarification of the law. **Key words:** state information systems, official information, information resource, reliability of information, the legal significance of information, good conduct.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-03-00082).

References

1. Amelin R., Channov S. State information systems in e-government in the Russian Federation: problems of legal regulation. *Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia (EGOSE 2015)*. ACM, New York, 2015, pp. 129–132. DOI: 10.1145/2846012.2846021.
2. On Information, Information Technologies and Protection of Information. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. 1), art. 3448 (in Russian).
3. Peshin N. L. Features of state control over local self-government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2007, no. 4, pp. 33–37 (in Russian).
4. Arkhipov V. Complaints about the violation of rights by the court can only be in a “different order”. *Biznes-advokat* [Business Lawyer], 2005, no. 22, pp. 3–7 (in Russian).
5. Bukalerova L. A., Pikurov N. I. Criminal legal protection of official information circulation. *Pravovye voprosy svyazi* [Legal issues of communication], 2005, no. 1, pp. 6–8 (in Russian).
6. Afanasjeva O. V. Legal regulation of access to official information. How do we benefit from the Canadian experience? *Formula prava* [The formula of law], 2006, no. 1 (5), pp. 37–43 (in Russian).
7. Chubukova S. G., Elkin V. D. *Osnovy pravovoi informatiki* [Fundamentals of legal informatics]. Moscow, Kontract, 2004. 252 p. (in Russian).
8. On the official statistical accounting and the system of state statistics in the Russian Federation. Federal Law of 29.11.2007 No. 282-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2007, no. 49, art. 6043 (in Russian).
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. U. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow, A TEMP, 2006. 944 p. (in Russian).
10. Mikhelson M. I. Bol'shoi tolkovo-frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka (A great explanatory-phraseological dictionary of the Russian language. In 3 vols). Moscow, ETS, 2005. Available at: http://onlineslovari.com/bolshoy_tolkovo_frazeologicheskii_slovar_mihelona/ (accessed 28 September 2017) (in Russian).
11. *Slovar' russkogo iazyka* (Dictionary of Russian. In 4 vols. Ed. by A. P. Evgenjeva). Moscow, Russkii iazyk, 1985–1988. Vol. 2 736 p. (in Russian).
12. Resolution of the Federal Tax Service of Russia of 21.01.2017 No. SA-4-9/1421@. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
13. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 13.10.2011 No. 7075/11, case No. A46-6896/2010. *Vestnik VAS RF*, 2012, no. 2 (in Russian).
14. Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga Region of 27.02.2014, case No. A65-11193/2013. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
15. On the evaluation by arbitration courts of the reasonableness of the receipt by the taxpayer of tax benefits. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2016 No. 53. *Vestnik VAS RF*, 2006, no. 12 (in Russian).
16. Letter No. 03-02-07/1-340 of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 06.07.2009. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
17. Danilov S. Due diligence: show and prove. *Prakticheskaja bukhgalteriia* [Practical accounting], 2016, no. 9, pp. 44–47 (in Russian).
18. On the state information system of housing and communal services. Federal Law of 21.07.2014 No. 209-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. 1), art. 4210 (in Russian).
19. Dobrov A. N. *Institut registratsii v administrativnom prave* [Institute of Registration in Administrative Law]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2005. 173 p. (in Russian).
20. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954 (in Russian).
21. Pykhtin A. I. Prospects for modification of the FIS GIA and reception for use as a central information system for admission to universities of Russia. In: *Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern society, education and science. Proceedings on the basis of the Int. Sci. and Pract. Conf. In 16 pt.]. Tambov, UCOM, 2015. Pt. 2, pp. 131–133 (in Russian).
22. Boiarintseva O. A. Features of the legal nature of databases, formed and used in the sphere of state and municipal management. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* (Administrative and municipal law), 2016, no. 11, pp. 934–940 (in Russian).
23. Shuiskaia K. G. The rules of conducting the all-Russian vacancy base “Work in Russia” are regulated. *Deloproizvodstvo i kadry* (Office work and personnel), 2015, no. 9, pp. 50–57 (in Russian).
24. On the Information and Analytical System All-Russian Vacancy Database “Work in Russia”. Decree of the Government of the RF of 25.08.2015 No. 885. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 35, art. 5000 (in Russian).
25. Volchinskaia E. K., Makhnosov E. V. On the legal status of a unified information system of notaries. *Notarial'nyi vestnik* (Notary Herald), 2013, no. 9, pp. 22–29 (in Russian).

Cite this article as:

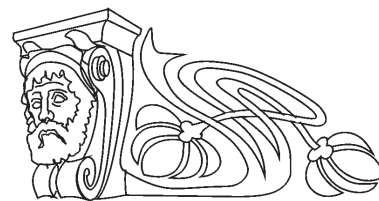
Amelin R. V. Presumption of Information Reliability in State Information Systems. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 458–464 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-458-464.

УДК 342.5

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТА (НА ПРИМЕРЕ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ)

И. В. Мильшина

Мильшина Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, milshina_irina@mail.ru

Введение. Первостепенной задачей государства является поддержка национальных экспортеров на иностранных рынках. Для этого используются различные инструменты регулирования, прежде всего административного характера. Особенности российского экспорта заключаются в его топливно-сырьевой направленности, что вызывает сильную зависимость доходов федерального бюджета от колебания мировых цен на углеводороды. **Цель.** Основная цель работы состоит в исследовании административных инструментов государственного регулирования экспорта (на примере нефти и нефтепродуктов), что представляется особенно актуальным в условиях нестабильности экономики и невозможности четкого прогнозирования данного вида доходов. **Результаты.** Административные инструменты играют первостепенную роль в системе инструментов государственного регулирования экспорта. **Заключение.** Анализ современного состояния российского экспорта позволяет сделать вывод о недостаточно эффективном использовании административных инструментов государственного регулирования экспорта. Предложены возможные пути повышения эффективности.

Ключевые слова: административные инструменты, государственное регулирование, экспорт нефти и нефтепродуктов, доходы бюджета.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-465-469

Введение

Для любого государства экспорт является наиболее предпочтительным видом экономического взаимодействия между странами, основной целью международной торговли. В условиях нестабильности мировой экономики первостепенной задачей государства становится поддержка национальных экспортеров на иностранных рынках. Для этого используются различные инструменты регулирования как экономического, так и административного характера. Особенности российского экспорта заключаются в его топливно-сырьевой направленности, что вызывает сильную зависимость доходов федерального бюджета от колебания мировых цен на углеводороды.

Нефть и продукты ее переработки являются товарами, от экспорта которых зависят стабильность национальной валюты, наполняемость

бюджета, развитие производственной сферы. Традиционно на состояние российской экономики влияет изменение мировых цен на нефть. Их перспективы невозможно точно определить, так как они зависят от множества факторов (политических, экономических и др.). Однако вероятное влияние нефтяного кризиса на российскую экономику несколько ограничено. Развитая инфраструктура, высокое качество и масштабы добычи нефти помогают российским производителям минимизировать расходы и выдержать снижение мировых цен на нефть.

Россия входит в десятку стран по мировым запасам нефти, в тройку лидеров по добыче сырой нефти. В рейтинге мировых экспортеров сырой нефти Россия занимает вторую позицию после Саудовской Аравии [1]. Все это усиливает позицию России на мировом рынке нефти и уменьшает негативное влияние кризиса на национальную экономику.

В условиях функционирования Евразийского экономического союза и проведения в отношении России санкционной политики некоторыми иностранными государствами возникает необходимость наиболее эффективного применения инструментов государственного регулирования внешней торговли. Наряду с поддержкой и стимулированием экспортеров положительный эффект достигается и при осуществлении контрольных мероприятий и применении запретов и ограничений. Эти и другие меры можно отнести к административным инструментам государственного регулирования экспорта.

Цель

Исследование административных инструментов государственного регулирования экспорта (на примере нефти и нефтепродуктов) представляется особенно актуальным в условиях нестабильности экономики, невозможности четкого прогнозирования данного вида доходов и дефицита бюджета.

Результаты

Административные инструменты играют первостепенную роль в системе инструментов государственного регулирования. Они позволяют

напрямую воздействовать на общественные отношения, оперативно реагировать на изменения в любой сфере экономической деятельности. Административные инструменты государственного регулирования применяются при осуществлении контроля за ценами, доходами, при квотировании, лицензировании, долгосрочном и среднесрочном планировании и др. Они носят обязательный характер, оформляются в виде нормативных правовых актов, опираются на силу государственной власти.

Так, в сфере внешнеторговой деятельности применяются следующие административные инструменты государственного регулирования: лицензирование, квотирование экспортируемых или импортируемых товаров, установление эмбарго или ограничений экспорта или импорта отдельных товаров, контроль за соблюдением международных соглашений и таможенного законодательства ЕАЭС и др. К административным инструментам государственного регулирования экспорта можно отнести: меры нетарифного регулирования; меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые исходя из национальных интересов; особые виды запретов и ограничений внешней торговли товарами; меры экспортного контроля, в том числе в отношении продукции военного назначения; меры технического регулирования; санитарно-эпидемиологические, ветеринарные, карантинные, фитосанитарные и радиационные требования.

По информации Министерства экономического развития, только в 2016 г. произошло сокращение стоимостных объемов экспорта на топливно-энергетические товары на 27,8%. Так, контрактные цены на нефть сырую снизились на 28,9%, на природный газ – на 35,0%. В физическом выражении сократились поставки нефтепродуктов в Республику Корея, Китай, Японию, Италию и Нидерланды, сырой нефти в Японию и Италию. Однако в целом физические объемы внешних поставок в 2016 г. увеличились на 2,7% в результате роста отгрузок сырой нефти (в Болгарию), нефтепродуктов (в Швейцарию) и других товаров. В товарной структуре российского экспорта в 2016 г. ведущее место продолжали занимать топливно-энергетические товары, вместе с тем их доля по сравнению 2015 г. уменьшилась на 5,9% – с 64,4 до 58,5% [2].

Таким образом, доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов традиционно занимают в федеральном бюджете значительную долю. Инструментом государственного регулирования наполняемости бюджета является прогнозирование его доходов, в том числе нефтегазовых.

Однако нестабильность мировых цен на нефть не способствует точности данных прогнозов. Например, федеральный бюджет 2015 г. несколько раз пересматривался на фоне существенного изменения показателей социально-экономического развития по сравнению с прогнозными значениями, положенными в основу Федерального закона от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» [3], а также их колебаний в ходе исполнения бюджета. Данным Законом был утвержден объем доходов федерального бюджета в сумме 15 082,4 млрд руб. (19,5% к ВВП), рассчитанный исходя из цены нефти на уровне 100 долл. США за баррель.

На фоне практически двукратного падения стоимости нефти в начале 2015 г. Федеральным законом от 20 апреля 2015 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов”» [4] законодательно установленный объем доходов федерального бюджета был снижен на 2542,7 млрд руб., преимущественно за счет снижения прогноза нефтегазовых доходов.

В конце 2015 г. оценка доходов федерального бюджета была дополнительно скорректирована с учетом фактического исполнения федерального бюджета. Федеральный закон от 28 ноября 2015 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов”» [5] предполагал увеличение доходов федерального бюджета на 711,6 млрд руб., по сравнению с апрельскими поправками – преимущественно за счет меньшего, чем ожидалось, падения нефтегазовых доходов, а также поступления в бюджет ряда «разовых» доходов (в том числе налога на прибыль организаций с доходов, полученных в виде дивидендов и при выполнении соглашения о разделе продукции, роста дивидендов по акциям, принадлежащим Российской Федерации, и других поступлений).

Кроме того, в 2015 г. в федеральный бюджет поступили средства в общем объеме 249,9 млрд руб., которые не были предусмотрены в законе о бюджете (преимущественно в результате безвозмездных поступлений – 87,1 млрд руб.) и некассовых операций (162,7 млрд руб., из которых уменьшение имущественного взноса в имущество ГК «Агентство по страхованию вкладов» – 162,0 млрд руб.), учтенных в сводной бюджетной росписи расходов федерального бюджета) [6]. Основные показатели федерального бюджета по доходам за 2015 г. представлены в таблице.

**Основные показатели федерального бюджета по доходам за 2015 год, млрд руб.
The main indicators of the federal budget on income for 2015, billion rubles**

Показатель	ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016–2017 гг. в ред. от:		Факт
	01.12.2014 г. № 384-ФЗ	28.11.2015 г. № 329-ФЗ	
Доходы	15 082,4	13 251,3	13 659,2
Нефтегазовые доходы	7717,2	5879,9	5862,6
из них:			
вывозные таможенные пошлины на нефть сырую	1761,5	1389,1	1431,2
вывозные таможенные пошлины на товары, выработанные из нефти	1016	790,9	748,5

Последовательное снижение нефтегазовых доходов в последние пять лет соответствует траектории стоимости нефти, цена которой постепенно снижалась с 110,5 долл. США за баррель в 2012 г. до 51,2 долл. США за баррель по итогам 2015 г. Падение цен на энергоносители было отчасти компенсировано ослаблением рубля по отношению к доллару США (с 29,4 руб. за доллар в 2011 г. до 61,0 руб. за доллар в 2015 г.).

Снижение мировых цен на нефть и нефтепродукты оказало непосредственное влияние на внешнюю торговлю России, в том числе с государствами СНГ и ЕАЭС. В 2015 г. внешнеторговый оборот России сократился по сравнению с 2014 г. на 33,2%, экспорт – на 31,1%, а импорт – на 36,7% [7]. Однако внешнеторговый оборот России за 2016 г. сократился еще на 11,2%, экспорт в стоимостном выражении – на 17,0%, импорт – на 0,3% [8].

Главной причиной снижения экспорта стали цены на нефть – из-за избыточного предложения на мировом рынке нефти и дальнейшего наращивания темпов добычи со стороны стран-членов ОПЕК. Это отразилось и на стоимостных объемах экспорта нефти, и на падении доходов федерального бюджета. Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод, что в 2015 г. доля нефтегазовых доходов бюджета составляла 42,9%, из них доля вывозных таможенных пошлин на нефть сырую – 10,5% федерального бюджета, а доля вывозных таможенных пошлин на товары, выработанные из нефти, – 5,5% доходной части федерального бюджета. Именно этот период характеризуется резким спадом цен на нефть и снижением курса рубля.

Заключение

Анализ современного состояния российского экспорта позволяет сделать вывод о недостаточно эффективном использовании административных инструментов государственного регулирования экспорта. Товарная структура российского экспорта во многом напоминает наименее развитые

страны, экспортирующие преимущественно топливо и сырье. Сложившаяся практика негативно влияет на экономику страны, делая ее зависимой от изменений мировой цены на нефть.

Доминирование сырьевых товаров в российском экспорте ускоряет истощение запасов невозобновляемых ресурсов, повышает уязвимость экономики от состояния мировой конъюнктуры на сырьевых рынках. Ставка на топливно-сырьевой экспорт не имеет перспектив. Возможное появление альтернативных источников энергии, новых технологий значительно снизит мировое потребление нефти и полностью изменит сложившуюся практику.

Представляется своевременным использовать все возможные административные инструменты государственного регулирования экспорта нефти и нефтепродуктов с учетом следующих особенностей:

- максимальное изменение структуры экспорта, уделяя особое внимание экспортерам, специализирующимся на нефтеперерабатывающем производстве;

- государственная гарантированная поддержка, льготное предоставление необходимого оборудования, заказы на производство продукции, их продвижение на внешних рынках, оказываемая предприятиям с высокой степенью переработки продукции;

- сочетание административных инструментов с экономическими (например, предоставление экспортерам средств, выделенных из бюджета, покрывающих часть их расходов на переработку);

- развитие инфраструктуры для доставки готовой продукции нефтепереработки.

Таким образом, административные инструменты государственного регулирования экспорта играют немаловажную роль в системе мер государственного регулирования, однако используются в настоящее время не в полной мере. Несмотря на указанные проблемы, следует отметить некоторые позитивные изменения: не-

значительный рост доли несырьевого сектора в объеме экспорта, увеличение поставок текстиля, продовольствия и машиностроительной продукции. Многие экспортеры открыли для себя новые рынки и стали ориентироваться на страны дальнего зарубежья. В то же время о долгосрочных изменениях пока говорить рано – продовольственное эмбарго и девальвация, которые стали стимулами для наших экспортеров, могут прекратить свое действие.

Список литературы

1. BP Statistical Review of World Energy June 2016 // BP Global. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statisticalreview-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-oil.pdf> (дата обращения: 02.09.2017).
2. Динамика показателей, характеризующих изменение структуры российского экспорта и объемов в нем промышленной продукции, за три квартала 2016 года // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/aa19c8c2-2074-477f-9a41-107b6ede4a91/itogiIII2016.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=aa19c8c2-2074-477f-9a41-107b6ede4a91> (дата обращения: 28.08.2017).
3. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов : федер. закон от 01.12.2014 № 384-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 49 (ч. 1–4), ст. 6893.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» : федер. закон от 20.04.2015 № 93-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 17 (ч. 1–4), ст. 2468 ; № 29, ст. 4337.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» : федер. закон от 28.11.2015 № 329-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 48 (ч.1), ст. 6695.
6. Иллюстрированное информационное издание «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2015 год» // Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. URL: http://minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-16/ (дата обращения: 25.08.2017).
7. Итоги внешней торговли России в 2015 году : цифры и факты // Информационно-аналитическое сетевое издание «ПРОВЭД». URL : <http://провэд.рф/analytics/research/32060-itogi-vneshney-topgovli-possii-v-2015-godu-tsifpy-i-fakty.html> (дата обращения: 23.08.2017).
8. Итоги внешней торговли России в 2016 году : цифры и факты // Информационно-аналитическое сетевое издание «ПРОВЭД». URL : <http://провэд.рф/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlya-possii-v-2016-godu-tsifpy-i-fakty.html> (дата обращения: 23.08.2017).

Образец для цитирования:

Мильшина И. В. Административные инструменты государственного регулирования экспорта (на примере нефти и нефтепродуктов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 465–469. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-465-469.

The Administrative Instruments of State Regulation of Export (for Example Oil and Oil Products)

I. V. Milshina

Irina V. Milshina, ORCID 0000-0003-0249-8124 Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, milshina_irina@mail.ru

Introduction. The primary task of the state is to support national exporters in foreign markets. For this purpose, various instruments of regulation, primarily of an administrative nature. Characteristics of Russian exports are fuel-raw material orientation, which causes the strong dependence of revenues of the Federal budget from fluctuations in world prices for hydrocarbons. **Purpose.** The main goal of this work is to study the administrative tools of state regulation of export (for example oil and oil products), which seems particularly relevant in the context of economic instability and the impossibility of precise prediction of this type of income. **Results.** Administrative tools play a major role in the system of government regulation of export. **Conclusion.** Analysis of the current state of Russian export allows to make a conclusion about lack of effective use of administrative instruments of state regulation of exports. Possible ways of improving the efficiency.

Key words: administrative tools, government regulation, export of oil and oil products, incomes of the budget.

References

1. BP Statistical Review of World Energy June 2016. *BP Global*. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statisticalreview-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-oil.pdf> (accessed 2 September 2017).
2. Dinamika pokazateley, kharakterizuyuschikh izmeneniye struktury rossiyskogo eksporta i ob'ёмov v nem promyshlennoy produktsii, za tri kvartala 2016 goda (Dynamics of indicators of change of structure of Russian export of volumes of an industrial product, the first three quarters of 2016). *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* (The Ministry of economic development of the Russian Federation. Site). Available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/aa19c8c2-2074-477f-9a41-107b6ede4a91/itogiIII2016.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=aa19c8c2-2074-477f-9a41-107b6ede4a91> (accessed 28 August 2017) (in Russian).

3. On the federal budget for 2015 and for the planning period 2016 and 2017 law of 01.12.2014 No. 384-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 49 (pt. 1–4), art. 6893 (in Russian).
4. On Amending the Federal Law On the federal budget for 2015 and for the planning period 2016 and 2017 law of 20.04.2015 No. 93-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 17 (pt. 1–4), art. 2468; no. 29, art. 4337 (in Russian).
5. On Amending the Federal Law On the federal budget for 2015 and for the planning period 2016 and 2017 law of 28.11.2015 No. 329-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 48 (pt. 1), art. 6695 (in Russian).
6. Illyustrirovannoe informatsionnoe izdanie «Ispolnenie federal'nogo byudzheta i byudzhetov byudzhetnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii za 2015 god» (Illustrated information publication “Execution of the federal budget and budgets of the budget system of the Russian Federation for 2015”). *Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii* (Ministry of Finance of the Russian Federation. Site). Available at: http://minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-16/ (accessed 25 August 2017) (in Russian).
7. Itogi vneshney torgovli Rossii v 2015 godu: tsifry i fakty (Results of Russia's foreign trade in 2015: figures and facts). *Informatsionno-analiticheskoe setevoe izdanie «PROVED»* (Information-analytical network publication “PROVED”). Available at: <http://провед.рф/analytics/research/32060-itogi-vneshney-topgovli-possii-v-2015-godu-tsifpy-i-fakty.html> (accessed 23 August 2017) (in Russian).
8. Itogi vneshney torgovli Rossii v 2016 godu: tsifry i fakty (Results of Russia's foreign trade in 2016: figures and facts). *Informatsionno-analiticheskoe setevoe izdanie «PROVED»* (Information-analytical network publication “PROVED”). Available at: <http://провед.рф/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlyu-possii-v-2016-godu-tsifpy-i-fakty.html> (accessed 23 August 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Milshina I. V. The Administrative Instruments of State Regulation of Export (for Example Oil and Oil Products). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 465–469 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-465-469.

УДК 343.4:342.732

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

С. А. Куликова

Куликова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulikovasveta@inbox.ru

Введение. В условиях развития информационного общества средства массовой информации выполняют ряд социально значимых функций. Этим обусловлено предоставление государственно-правовых гарантий деятельности СМИ и журналистов. Одной из таких гарантий является ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. **Цель.** Целью статьи является анализ норм уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, отдельных норм законов, регламентирующих деятельность по производству и распространению массовой информации, а также основных научных и научно-практических трактовок диспозиции ст. 144 УК РФ. **Результаты.** Системное рассмотрение понятия «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» приводит к выводу, что недостатком анализируемой статьи является указание только на одну форму воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста, в то время как нападения на журналистов происходят на начальных этапах подготовки информационных материалов. Другим недостатком данной статьи является указание только на одного субъекта массово-информационной деятельности – журналиста. В то же время в ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации» в качестве субъектов, за воспрепятствование деятельности которых должна быть предусмотрена ответственность, указываются учредители, редакции, издатели и распространители продукции средства массовой информации; в российском законодательстве к субъектам, участвующим в создании и распространении массовой информации относятся также владельцы сайта в сети Интернет, организаторы распространения информации. Воспрепятствование законной деятельности по производству и распространению массовой информации указанных выше субъектов, сопряженное с физическим или психическим принуждением их к распространению либо отказу от распространения информации, представляет не меньшую общественную опасность, чем те же действия, обращенные к журналистам. **Заключение.** Делается вывод о том, что правовая неопределенность диспозиции ст. 144 УК РФ сказывается на судебной практике применения указанной статьи. Высказываются предложения по изменению формулировки диспозиции данной статьи, направленные на устранение выявленных недостатков.

Ключевые слова: ущемление свободы массовой информации, нарушение прав журналистов, цензура, отказ в предоставлении информации, уголовная ответственность.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-470-476

Введение

В условиях развития информационного общества многократно возрастает роль средств массовой информации, которые выполняют ряд социально значимых функций: являются основным каналом передачи информации; участвуют в осуществлении общественного контроля; защищают права граждан; способствуют проведению диалога между обществом и государством по наиболее важным вопросам. Этим обусловлено предоставление государственно-правовых гарантий деятельности СМИ и журналистов. Одной из таких гарантий является ст. 144 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, предусматривающая ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации (ч. 1 ст. 144) [1].

Судебная статистика свидетельствует о незначительном количестве обвинительных приговоров, выносимых по указанной статье. По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2012 и 2013 гг. осужденных по этой статье не было, в 2014 и 2015 гг. были осуждены по 2 чел., в 2016 – 4 чел. [2]. В то же время Союз журналистов РФ, другие организации по защите прав журналистов ежегодно отмечают большое количество нарушений прав журналистов, в том числе преступного характера. Об этом свидетельствуют и данные из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г., где указывается, что «в 2015 году был зафиксирован 21 случай нарушения прав журналистов. Чаще всего журналисты подвергались нападениям в ходе создания видеосюжетов и репортажей о потенциально незаконной деятельности представителей власти и бизнеса, а также при попытках проникнуть на охраняемые территории» [3].

Цель

Цель статьи – проанализировать нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, отдельные нормы законов, регламентирующих

деятельность по производству и распространению массовой информации, а также основные научные и научно-практические трактовки диспозиции ст. 144 УК РФ.

Результаты

В научной литературе отмечались недостатки формулировки уголовно-правового запрета, содержащегося в ч. 1 ст. 144, создающие сложности в уяснении понятия основного состава анализируемого преступления. В первую очередь, вызывает критику указание в ч. 1 ст. 144 на субъектный состав пострадавших, а именно употребление термина «журналист» во множественном числе. Как отмечает В. В. Боровикова, «нельзя признать удачной редакцию ч. 1 ст. 144 УК РФ, упоминающей во множественном числе указанных представителей СМИ. Невольно возникает мысль, что состав этого преступления имеет место лишь в том случае, когда виновный оказывает воспрепятствование профессиональной деятельности как минимум двум журналистам. Это, конечно, не соответствует смыслу уголовно-правовой нормы» [4, с. 40]. В связи с этим в научной литературе предлагалось изменить редакцию ч. 1 ст. 144 УК РФ, указав в ней «журналиста» в единственном числе [4, с. 40; 5, с. 7].

В качестве другого существенного недостатка действующей редакции ч. 1 ст. 144 УК РФ, на наш взгляд, следует указать правовую неопределенность формулировки диспозиции преступного деяния: «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации».

В тексте ч. 1 ст. 144 УК РФ частично используется формулировка ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 № 2124-1 (в ред. от 03.07.2016) (далее – Закон о СМИ), где устанавливается ответственность за ущемление свободы массовой информации, под которой понимается воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов (ст. 58) [6].

В этой же статье Закона о СМИ перечисляются основные формы ущемления свободы массовой информации:

- осуществление цензуры (1) (формы пронумерованы нами для удобства дальнейшего исследования. – С. К.);
- вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции (2);

- незаконное прекращение либо приостановление деятельности средства массовой информации (3);

- нарушение права редакции на запрос и получение информации (4);

- незаконное изъятие, а равно уничтожение тиража или его части (5);

- принуждение журналиста к распространению или отказу от распространения информации (6);

- установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну (7);

- нарушение прав журналиста, установленных Законом РФ «О средствах массовой информации» (8) (ст. 58).

Таким образом, ущемление свободы массовой информации включает в себя восемь видов противоправных деяний, тесно связанных между собой.

Частичное использование формулировки ст. 58 Закона о СМИ в диспозиции ч. 1 ст. 144 УК РФ приводит к тому, что ряд специалистов в области российского уголовного права считают ее бланкетной, прямо отсылающей к Закону о СМИ [7, с. 20].

В связи с этим в комментариях к ст. 144 УК РФ некоторые специалисты в области уголовного права трактуют понятие «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» очень широко, называя, в частности, в качестве его форм: неразрешенное законодательно осуществление цензуры; вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции; незаконное прекращение или приостановление деятельности средств массовой информации; нарушение права редакции на запрос и получение информации; незаконное изъятие или уничтожение тиража или его части; установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации (за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую тайну) [8, 9]. Тем самым в уголовно-правовое понятие воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста включаются семь из восьми (1–7) форм ущемления свободы массовой информации. Подобная точка зрения представлена и в научной литературе [10, с. 11; 11, с. 53].

Другие авторы считают, что действия, составляющие объективную сторону рассматриваемого преступления, могут осуществляться «как путем воздействия на орган массовой информации:

угроза прекращения или приостановления его деятельности, уничтожение тиража или его части и другие подобные деяния, так и путем воздействия на самого журналиста. В частности, принуждение может выразиться в применении к журналисту и его близким насилия» [12]. При таком подходе в понятие «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» включаются три из восьми (3, 5, 6) форм ущемления свободы массовой информации.

Однако большее распространение получила точка зрения, согласно которой в уголовном законе ведется речь не о любой форме воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, а лишь об определенном способе такого воспрепятствования: путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации [13; 14; 15, с. 211; 16, с. 21]. В этом случае диспозиция преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 144 УК РФ, по сути, защищает журналистов только от одной формы (6) ущемления свободы массовой информации.

Указание только на одну форму воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста, а именно принуждения к распространению либо отказу от распространения информации, является, на наш взгляд, недостаточным. Прежде чем распространять информацию (т.е. доводить ее до неопределенного круга лиц), журналисту и редакции необходимо произвести ряд взаимосвязанных действий по сбору сведений, их проверке, подготовке и редактированию сообщений и материалов и только потом приступить к этапу их распространения. На практике нападения на журналистов происходят во время самого начального этапа подготовки информационных материалов, когда журналистам мешают попасть на место события, производить видеозапись, осуществлять сбор сведений.

Правовая неопределенность диспозиции ст. 144 УК РФ сказывается и на судебной практике применения указанной статьи.

Например, Кочубеевским районным судом (Ставропольский край) рассматривалось дело о нападении на журналистов ВГТРК «Ставрополье», снимавших видеорепортаж о незаконной добыче полезных ископаемых: рабочие карьера, производившие такую добычу, избili журналистов и отобрали у них видеокассету с отснятыми материалами. Судом был вынесен приговор от 2 ноября 2015 г. по делу № 1-239/2015, в котором действия нападавших были квалифицированы по ч. 3 ст. 144 как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов с применением насилия, угрозы насилия и повреждением имущества [17].

Сургутский городской суд (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) также вынес обвинительный приговор в отношении гражданки, задержанной в ходе рейда ГИБДД, направленного на выявление водителей, управляющих автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. После задержания и установления признаков опьянения гражданка напала на журналистов местного телеканала, которые участвовали в рейде с целью получения материала для последующей публикации в эфире новостей. Ее действия были квалифицированы судом по ч. 3 ст. 144 УК РФ (приговор от 3 февраля 2014 г. по делу № 1-99/2014, 1-1310/2013) [18].

Схожие обстоятельства рассматривались и Советским районным судом г. Челябинска: во время подготовки репортажа о пожаре на элеваторе на съемочную группу напал охранник этого элеватора, он потребовал выключить камеру, затем избил видеооператора и насильно усадил его в машину, тем самым препятствуя осуществлению видеозаписи. После чего охранник выбил телефон из рук журналистки, которая продолжала снимать происходящее, и стал угрожать ей. В результате съемочная группа была вынуждена покинуть место происшествия. Следствием указанные действия были квалифицированы по ч. 3 ст. 144 УК РФ, позицию следователя поддержал и государственный обвинитель. Однако суд посчитал, что фактические обстоятельства преступления не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 144 УК РФ. Как указывается в приговоре от 16 февраля 2016 г. по делу № 1-44/2016 (1-581/2015), в суде нашел подтверждение тот факт, что охранник «препятствовал журналистам в сборе видеоматериала для подготовки сюжета о пожаре и воспрепятствовал таким образом законной профессиональной деятельности журналистов. Однако диспозиция ст. 144 УК РФ не предусматривает наступления уголовной ответственности за эти действия, поскольку в диспозиции указаны конкретные способы совершения преступления – принуждение к распространению либо к отказу от распространения... Обвиняемый не пытался завладеть видеокамерой или носителем информации, на котором содержался видеоматериал о пожаре, он не высказывал требования отказа от распространения собранного видеоматериала» [19]. Действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 1 ст. 116 УК РФ – нанесение побоев, совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль.

Таким образом, в первых двух случаях суды приняли решения о возможности квалификации преступлений по ч. 3 ст. 144 УК РФ, основываясь на том, что: 1) действия обвиняемых

представляли собой насилие, угрозу насилием, повреждение имущества; 2) были направлены против журналистов, осуществлявших свои профессиональные обязанности законным образом; 3) целью таких действий было воспрепятствование деятельности журналистов. В третьем же случае, несмотря на то, что были установлены обстоятельства причинения побоев и насильственных действий, а также направленность на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, суд отказал в квалификации преступления по ч. 3 ст. 144 УК РФ на том основании, что диспозицией ст. 144 предусматривается не любое воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, а только путем принуждения к распространению либо к отказу от распространения информации. Действия обвиняемого были квалифицированы без учета того, что потерпевшими были журналисты, исполнявшие свой профессиональный долг по поиску, сбору и доведению до потребителей общественно значимой информации.

На наш взгляд, следует изменить диспозицию ст. 144 таким образом, чтобы она указывала на воспрепятствование профессиональной деятельности журналистов путем принуждения к распространению либо к отказу от сбора, подготовки, редактирования и распространения информации.

Другим недостатком диспозиции ст. 144 УК РФ является указание только на одного субъекта массово-информационной деятельности – журналиста. В то же время в ст. 58 Закона о СМИ в качестве субъектов, за воспрепятствование деятельности которых должна быть предусмотрена ответственность, указываются учредители, редакции, издатели и распространители продукции средства массовой информации.

В связи с этим, по нашему мнению, формулировку ч. 1 ст. 144 следует изменить таким образом, чтобы она в равной степени защищала права всех указанных в Законе о СМИ субъектов от воспрепятствования их законной профессиональной деятельности, связанной с учреждением СМИ, владением, пользованием и распоряжением ими; осуществлением деятельности редакции на основе профессиональной самостоятельности, издательской деятельностью; распространением продукции средств массовой информации.

Кроме того, учитывая, что в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 29.07.2017) [20] указываются и относительно новые субъекты, участвующие в производстве и распространении массовой информации в сети Интернет, такие как владелец

сайта в сети Интернет (п. 17 ч. 1 ст. 2), организатор распространения информации (ч. 1 ст. 10.1, ч. 1 ст. 10.2), владелец новостного агрегатора (ч. 1 ст. 10.4), их также следует включить в число субъектов, которые могут стать потерпевшими от действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УК РФ.

При этом мы исходим из того, что воспрепятствование законной деятельности по производству и распространению массовой информации в сети Интернет указанных выше субъектов, сопряженное с физическим или психическим принуждением их к распространению либо отказу от распространения информации, представляет не меньшую общественную опасность, чем те же действия по отношению к журналистам. Как отмечалось в научной литературе, «принуждение состоит в физическом или психическом воздействии на человека с целью изменить его поведение» [21, с. 104] и всегда связано с насилием, шантажом, угрозами, уничтожением имущества и другими противоправными действиями [22].

Владельцы сайтов, владельцы новостных агрегаторов выполняют важную общественную функцию по производству и распространению массовой социально значимой информации, обеспечивают формирование и развитие общественного диалога по наиболее актуальной тематике, являются необходимыми участниками современного информационного общества, и потому их деятельность должна получать государственную защиту, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Статья 144 помещена в Главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», она защищает не только права журналистов при осуществлении профессиональной деятельности, но и, главным образом, субъективное право на свободу массовой информации, гарантированное Конституцией Российской Федерации, на что неоднократно указывалось в научной и научно-практической литературе [5, с. 8; 9].

На наш взгляд, указание на основной объект следует включить в наименование ст. 144 в целях отграничения иных видов профессиональной деятельности, которыми может заниматься, например, учредитель, издатель и др.

Системный анализ статей УК РФ, включенных в Главу 19, приводит к выводу, что законодатель, устанавливая ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в названии статьи использует понятие «нарушение», а в тексте самой статьи указывает конкретные действия, составляющие объективную сторону преступления. Подобным образом построены

9 из 18 статей УК. Например, ст. 136. Нарушение равенства прав и свобод граждан; ст. 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни; ст. 139. Нарушение неприкосновенности жилища; ст. 146. Нарушение авторских и смежных прав; ст. 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий и др.

На наш взгляд, подобное строение является оптимальным, поскольку подчеркивает, что целью установления уголовной ответственности указанными составами преступлений является защита конституционных прав и свобод граждан от их нарушения.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное по поводу уголовной ответственности за воспрепятствование деятельности субъектов, занимающихся производством и распространением массовой информации, предлагаем сформулировать ст. 144 следующим образом (без изменения санкций):

«Статья 144. Нарушение права на свободу массовой информации

1. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, учредителя, редакции, издателя, распространителя продукции средства массовой информации, а также владельца сайта, владельца новостного агрегатора путем принуждения их к распространению либо к отказу от сбора, подготовки, редактирования и распространения информации –

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. –

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, соединенные с насильем над лицами, указанными в частях первой и второй настоящей статьи, или их близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой применения такого насилия –».

Предложенная нами редакция ст. 144 УК РФ позволит применять уголовно-правовые средства для защиты от таких форм ущемления массовой информации, предусмотренных ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», как осуществление цензуры (1), вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции (2), принуждение журналиста к распространению или отказу от распространения информации (6) и, частично, нарушение прав журналиста, установленных Законом РФ «О средствах массовой информации» (8). Кроме того, предложенная нами редакция ст. 144 УК РФ направлена на защиту субъектов, занимающихся производством и распространением массовой информации в сети Интернет.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 12, ст. 1420 ; 2017. № 24, ст. 3489.
2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.06.2017).
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г. // Рос. газ. 2016. 24 марта. Федер. вып. № 6929 (61).
4. *Боровикова В. В.* О совершенствовании уголовно-правовой защиты профессиональной деятельности журналистов // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 39–42.
5. *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) : Вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.
6. О средствах массовой информации : закон РФ от 27 декабря 1991 № 2124-1 (в ред. от 03.07.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300 ; 2016. № 27 (ч. I), ст. 4213.
7. *Гайнутдинов Д. Р.* Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев). М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. *Терновский Р. Б.* Расследование воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 25 с.
11. *Курсаев А. В., Терехов А. Ю.* Уголовно-правовая оценка цензуры // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 3 (25). С. 52–56.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. *Грачева Ю. В., Есаков Г. А., Князькина А. К. [и др.]*. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова). 3-е изд., перераб. и доп., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. *Ишимова Р. Д.* Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 209–214.

16. Бойко М. А. Квалификация преступлений, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их профессиональной деятельностью, как одна из основ формирования частной полноструктурной криминалистической методики расследования данных преступлений // Вестн. Барнаульск. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 2 (27). С. 19–21.
17. Судебная практика // СПС Право.RU. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/76978294> (дата обращения: 31.05.2017).
18. Судебная практика // СПС Право.RU. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/66064860> (дата обращения: 31.05.2017).
19. Судебная практика // СПС Право.RU. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/79621173> (дата обращения: 31.05.2017).
20. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448 ; 2017. № 31 (ч. 1), ст. 4825.
21. Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Принуждение как способ совершения преступления // Современное право. 2009. № 9. С. 104-108.
22. Новиков В. А. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Законность. 2012. № 11. С. 30–32.

Образец для цитирования:

Куликова С. А. Уголовно-правовая защита законной профессиональной деятельности журналистов: вопросы теории и практики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 470–476. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-470-476.

Criminal Defense of the Legal Professional Activities of Journalists: Theoretical and Practical Issues

S. A. Kulikova

Svetlana A. Kulikova, ORCID 0000-0002-0975-9588, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia, kulikovasveta@inbox.ru

Introduction. In the information society framework mass media fulfill a number of significant social functions. That leads to provision of governmental and legal guarantees for mass media and journalists. Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation is one of these guarantees, and the article stipulates liability for impeding legal professional activities of journalists. **Purpose.** The research aims at analyzing a set of norms of the criminal legislation that provide liability for impeding legal professional activities of journalists; some statutory regulations administering production and distribution of mass information; and major academic and practical interpretations of the disposition of article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author particularly focuses on the court practice for this article. **Results.** Systematic consideration of the notion of “impeding legal professional activities of journalists” reveals that the drawback of the article is an emphasis on only one form of impeding legal professional activities of journalists whereas journalists can be attacked at the very early stage of preparation of information materials. The emphasis on one party of the mass information activities – a journalist – is another drawback of article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation. Article 58 of the Act of the Russian Federation on “Mass Media” stipulates that founders of mass media, editorial boards, publishers and distributors of mass media as parties to a relationship, and impeding their legal professional activities must be liable. Website owners, hosting providers, people that administer information distribution, are also specified by the Russian legislation as parties that take part in production and distribution of mass information. When connected with physical and psychological coercion to distribute or refuse to distribute information, impeding legal activities aimed at production and distribution of mass information by the specified parties constitutes the same social threat as the similar actions

aimed at journalists. **Conclusion.** The author concludes that legal ambiguity of the disposition of article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation influences the court practice. The author suggests changing the formulation of the disposition of article 144 to rectify the defects.

Key words: infringement of mass information, violation of the rights of journalists, censorship, denial of access to information, criminal liability.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation. Federal law of June 13, 1996, No. 63-FZ (an edition of 07.06.2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997. no. 12, art. 1420 ; 2017, no. 24, art. 3489 (in Russian).
2. The data of judicial statistics. *Judicial Department of the Supreme court of the Russian Federation. Website.* Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 29 June 2017) (in Russian).
3. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2015. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2016, 24 March. Federal iss. 6929 (61) (in Russian).
4. Borovikova V.V. On the improvement of the criminal and legal protection of the professional activities of journalists. *Biznes v zakone* [Business in law], 2014, no. 6, pp. 39–42 (in Russian).
5. Krasil'nikova E.V. *Vosprepiatstvovanie zakonnoi professional'noi deiatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF): Voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti* [Obstruction of the lawful professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of legislative technology and differentiation of responsibility]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kazan, 2007. 27 p. (in Russian).
6. On the mass media. Law of the Russian Federation of 27 December 1991 No. 2124-1 (an edition of 03.07.2016). *Vedomosti SND i VS RF* [Gazette of the Congress of

- People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation], 1992, no. 7, art. 300; 2016, no. 27 (pt. I), art. 4213 (in Russian)
7. Gajnutdinov D. R. Ugolovnaia otvetstvennost' za po-siagatel'stva na svobodu massovoy informatsii [Criminal liability for attacks on freedom of the mass media]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2007. 28 p. (in Russian).
  8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation for prosecutors (article-by-article). Ans. ed. V. V. Malinovsky; sci. ed. A. I. Chuchaev. Moscow, 2012. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
  9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation, scientific and practical. Ed. by S. V. Dyakov, N. G. Kadnikov. Moscow, 2013. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
  10. Ternovskij R. B. *Rassledovanie vospreiatstvovaniya zakonnoi professional'noi deiatel'nosti zhurnalistov* [Investigation of hindrance of lawful professional activities of journalists]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Krasnodar, 2003. 25 p. (in Russian).
  11. Kursaev A. V., Terehov A. Y. Legal assessment of the censorship. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan legainstitute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 3 (25), pp. 52–56 (in Russian).
  12. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Ans. ed. V. M. Lebedev. 12th ed., rev. and add. Moscow, 2012. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
  13. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 2 vols. Ed. by A. V. Brilliantov. Moscow, 2015. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
  14. Gracheva Yu. V., Esakov G. A., Knjaz'kina A. K., ets. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). Ed. by G. A. Esakov. 3rd ed., ref. and add. 2011. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
  15. Ishimova R. D. Signs of the victim from obstruction of the lawful professional activity of journalists. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2012, no. 2 (16), pp. 209–214 (in Russian).
  16. Bojko M. A. Qualification of crimes committed against journalists and related to their professional activities, as one of the foundations for the formation of a private, full-structural forensic methodology, investigation of these crimes. *Vestnik Barnaul'skogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 2 (27), pp. 19–21 (in Russian).
  17. Arbitrage practice. *ATP Pravo.RU*. Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/76978294> (accessed 31 May 2017) (in Russian).
  18. Arbitrage practice. *ATP Pravo.RU*. Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/66064860> (accessed 31 May 2017) (in Russian).
  19. Arbitrage practice. *ATP Pravo.RU*. Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/79621173> (accessed 31 May 2017) (in Russian).
  20. On information, information technologies and protection of information. Federal law of 27.07.2006 No. 149-FZ (an edition of 29.07.2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. 1), art. 3448; 2017, no. 31 (pt. 1), art. 4825 (in Russian).
  21. Oreshkina T. Yu., Ustinova T. D. Compulsion as a method of committing a crime. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2009, no. 9, pp. 104–108 (in Russian).
  22. Novikov V. A. Obstruction of the lawful professional activity of journalists. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2012, no. 11, pp. 30–32 (in Russian).

Cite this article as:

Kulikova S. A. Criminal Defense of the Legal Professional Activities of Journalists: Theoretical and Practical Issues. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 470–476 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-470-476.

УДК 342.3

РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА ПО ОХРАНЕ СУВЕРЕНИТЕТА, НЕЗАВИСИМОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А. А. Анохина

Анохина Алёна Андреевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ano-alena@yandex.ru

Введение. Обеспечение суверенитета, независимости и государственной целостности является одним из направлений деятельности любого государства, поскольку непосредственно связано с его существованием и назначением. Реализация данного направления осуществляется посредством слаженной работы всех органов государственной власти, возглавляемой главой государства. В странах с республиканской формой правления главой государства признается президент. Функции и объем полномочий президента в сфере охраны суверенитета, независимости и государственной целостности зависят от разновидности республиканской формы правления. **Цель.** Основная цель работы состоит в анализе роли и полномочий президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности в зависимости от формы правления. **Результаты.** Подтверждается, что в зависимости от формы правления полномочия президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности имеют существенные различия, но при этом присутствуют общие для всех государств полномочия. **Заключение.** Полномочия президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности зависят от места президента в системе органов государственной власти. В республиках с президентской или смешанной формами правления президент обладает значительным объемом полномочий в сфере охраны суверенитета, независимости и государственной целостности. В парламентской республике полномочия президента фактически носят формальный и репрезентативный характер, а реальное управление государством и обеспечение его суверенитета, независимости и государственной целостности находится в руках исполнительной власти.

Ключевые слова: президент, форма правления, суверенитет, национальная безопасность, представительские полномочия, управленческие полномочия, государственная власть.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-477-483

Введение

Суверенитет, независимость и государственная целостность представляют собой основу существования и развития любого государства. Суверенитет можно охарактеризовать как верховенство и самостоятельность государственной власти внутри страны и независимость государства в международном общении [1, с. 62]. Традиционно суверенитет рассматривают в двух аспектах: внутреннем и внешнем. Представляется, что внешнем аспектом суверенитета является

независимость государства, означающая его способность самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику, а государственная целостность характеризует внутренний аспект суверенитета, выражающийся в единстве и верховенстве государственной власти, а также в целостности и неприкосновенности территории государства.

Суверенитет, независимость и государственная целостность относятся к жизненно важным интересам государства, их защита осуществляется посредством слаженной работы всех органов государственной власти, среди которых особая роль отводится главе государства. Как правило, под главой государства подразумевается официальное лицо, занимающее (реально или формально) высшее место в иерархии государственных органов и осуществляющее верховное представительство страны во внутриполитической жизни и в отношениях с другими государствами [2, с. 211]. Представляется, что специфическое положение главы государства в системе органов государственной власти позволяет ему осуществлять особые задачи и функции государства, направленные на обеспечение безопасности страны, а именно, защиту суверенитета, независимости и целостности государства от внутренних и внешних угроз.

В качестве главы государства в странах с республиканской формой правления выступает выборный президент. Направления деятельности президента, его роль и полномочия по охране суверенитета, независимости и государственной целостности различаются в зависимости от формы правления: президентская, парламентская или смешанная республика. Так, для президентских республик характерно наделение главы государства широкими полномочиями как во внутриполитической, так и внешнеполитической деятельности (США, Казахстан); в парламентских республиках главы государств наделяются преимущественно формальными полномочиями, носящими церемониальный характер (Италия, Германия); в смешанных республиках главы государств обладают обширными полномочиями, но при этом значительные полномочия предоставляются и парламенту (Франция, Киргизия).

Цель

Для определения роли президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности представляется необходимым провести анализ полномочий главы государства в президентских, парламентских, смешанных республиках на примере США, Казахстана, Италии, Германии, Франции и Кыргызской Республики. В результате анализа можно установить степень участия президента в формировании внутренней и внешней политики государства в сфере охраны суверенитета, независимости и государственной целостности.

Результаты

В условиях существования разнообразия форм правления и, следовательно, места главы государства в системе государственной власти президент не может наделяться в иностранных государствах одинаковыми функциями и объемом полномочий. При этом, как верно отметил В. Е. Чиркин, к общему качеству президента, независимо от формы правления, относится предназначение главы государства к выполнению особых функций, среди которых можно выделить функции, связанные с защитой суверенитета и целостности государства [3, с. 31].

Полномочия главы государства по охране суверенитета, независимости и государственной целостности в обобщенном виде можно разделить на несколько групп, а именно: «традиционные» полномочия, которые присущи главам всех государств, например, представительство государства внутри страны и во внешних сношениях и полномочия, свойственные определенному государству в зависимости от формы правления, например, связанные с осуществлением президентом исполнительной власти. Рассмотрим их на примере зарубежных стран.

США является первым государством, в котором был учрежден институт президентства. Согласно Конституцией США (ст. II), президент признается главой государства и исполнительной власти, а также главнокомандующим армии и флота США [4, с. 354]. Как глава исполнительной власти Президент США осуществляет контроль над деятельностью органов федерального управления. В соответствии с Законом от 26 июля 1947 г. «О национальной безопасности» Президент США возглавляет Совет национальной безопасности, является его председателем [5]. Совет национальной безопасности представляет собой консультативный орган по вопросам внешней и военной политики США.

Во исполнение политики главы государства, связанной с защитой суверенитета, независимо-

сти и государственной целостности США, также действуют Министерство обороны, Министерства внутренней безопасности, Государственный департамент США и другие министерства. Отметим, что создание Министерства внутренней безопасности связано с реформой системы обеспечения безопасности государства после теракта 11 сентября 2001 г. и направлено на объединение исполнительных органов, имеющих отношение к обеспечению безопасности государства, в единую правительственную организацию.

К внешнеполитическим полномочиям Президента США можно отнести, например, участие лично или через своих представителей в международных переговорах, при этом президент обладает правом по совету и с согласия сената заключать международные договоры при условии их одобрения Конгрессом США [4, с. 355]. На практике широкое распространение получило применение Президентом США исполнительных соглашений, для которых не требуется одобрение сената. Исполнительные соглашения представляют собой дополнения к уже действующим международным договорам, носящие второстепенный характер, но имеющие такую же юридическую силу [6, с. 174].

Как Верховный главнокомандующий Вооруженных сил США Президент имеет право вводить на территории государства национальное чрезвычайное положение, объявлять частичную мобилизацию, отдавать приказ вооруженным силам на ведение боевых действий, однако эти права осуществляются с согласия конгресса. Президент США не вправе объявлять войну, стоит отметить, что в соответствии с разделом 8 Конституции США это право принадлежит конгрессу, но он может использовать вооруженные силы за рубежом для защиты национальных интересов. В соответствии с Резолюцией от 7 ноября 1973 г. «Полномочия в отношении войны» президент имеет право на отправление войск для участия в военных действиях без согласия конгресса и без объявления войны, но глава государства должен вернуть войска обратно, если конгресс в течение 60 дней не даст согласия на действия Президента США [7]. В литературе отмечается, что Президент США более 200 раз использовал вооруженные силы за границей и только в пяти случаях этому предшествовало объявление войны конгрессом [8, с. 230]. Регулярно, согласно разделу 603 закона Голдуотера – Николса от 1986 г. «О реорганизации вооруженных сил», Президент США должен представлять конгрессу доклад о стратегии национальной безопасности [9].

При осуществлении полномочий Президент США пользуется правом издания нормативных

актов, регулирующих важные вопросы государственной деятельности и обеспечения безопасности страны. Так, во время предвыборной кампании Д. Трамп уделял особое внимание вопросам миграционной политики как одному из средств защиты от угрозы терроризма, указывая на необходимость защитить государство от мигрантов. После официального вступления в должность Президент США Д. Трамп стал проводить активную политику по изменению миграционного законодательства США, что стало причиной общественного резонанса и внутривластного кризиса в Американском государстве. Президентом был подписан Исполнительный приказ от 27.01.2017 «О защите США от въезда иностранных террористов», ужесточающий миграционные правила в государстве [10]. Президент США на 120 дней приостановил программу США по приему беженцев, а также на 90 дней запретил въезд на территорию США гражданам стран, которые «вызывают беспокойство», за исключением лиц, обладающих дипломатическими визами, визами, связанными с работой в международных организациях, и иными [10]. Заметим, что по представлению государственного секретаря или министра национальной безопасности Президент США вправе включить ту или иную страну в перечень «вызывающих беспокойство» государств.

Стоит отметить, что Исполнительный приказ вызвал критику и протестные настроения как внутри страны, так и за ее пределами, поскольку его положения нарушают конституционные права человека и гражданина на религиозное и национальное равноправие. Известно, что изменения миграционного законодательства стали причиной «кадрового кризиса» в государстве. Например, за критику миграционного приказа была уволена исполняющая обязанности генпрокурора США Салли Йейтс [11]. В настоящий момент ведутся судебные споры относительно возможности реализации положений Исполнительного приказа. Представляется, что в результате рассмотрения данного дела судебная власть может определить границы полномочий Президента США по осуществлению миграционной политики государства.

Республика Казахстан в соответствии с Основным законом страны признается унитарным государством с президентской формой правления. Президент Республики Казахстан является главой государства и высшим должностным лицом, а также символом и гарантом единства народа [12]. Он так же, как и в США, является Верховным главнокомандующим Вооруженных сил государства. Заметим, что в Казахстане действует Конституционный закон от 20 июля 2000 г. № 83-П

«О первом Президенте Республики Казахстан», в котором отразилось правовое положение Первого Президента как «основателя нового и независимого государства Казахстан, Лидера Нации, обеспечивающего его единство» [13]. Конституция Республики Казахстан провозгласила, что суверенитет распространяется на всю территорию страны, и государство берет на себя обязанность, в лице своих органов, по обеспечению целостности и неприкосновенности территории. Президент РК обладает широкими внутривластными, внешнеполитическими полномочиями по охране суверенитета, независимости, государственной целостности.

Стоит отметить, что в Республике Казахстан на конституционном уровне сложился институт упреждающего законодательства президента. Это означает, что глава государства определяет приоритетность рассмотрения законов, т.е. устанавливает их первоочередность.

Италия представляет собой демократическую республику с парламентской формой правления. Заметим, Конституция Италии устанавливает, что Итальянская Республика для обеспечения народов мира и справедливости согласна при условии взаимности с другими государствами ограничить свой суверенитет [4].

В соответствии со ст. 87 Основного закона страны Президент Итальянской Республики является главой государства и олицетворяет собой национальное единство [4]. Он обладает традиционными полномочиями, присущими главе государства независимо от формы правления, а именно награждает знаками отличия республики, аккредитует и принимает дипломатических представителей, имеет право ратифицировать международные договоры, получив согласие парламента. Несмотря на то, что Италия относится к парламентской республике, президент признается Верховным главнокомандующим Вооруженными силами. Стоит отметить, что его полномочия существенно ограничены по сравнению с полномочиями главы государства в президентских и смешанных республиках.

По общему правилу, в парламентских республиках у президента отсутствует право законодательной инициативы, глава государства действует по совету правительства. Нормативные акты, принятые Президентом Италии, имеют юридическую силу только в случае, если получено согласие (подпись) министра, предложившего акт, или председателя Совета министров. Стоит отметить, что формально глава государства может влиять на определение направлений внутренней и внешней политики Италии путем направления палатам парламента послания.

В Федеративной Республике Германии на законодательном уровне, как и Итальянской Республике, закреплена возможность ограничения своих суверенных прав для установления и обеспечения мира между народами (ст. 24 Конституции ФРГ) [14]. Задача Федерального президента Германии – представлять государство внутри страны и в международно-правовых отношениях. Отметим, что и Италия, и Германия являются парламентскими республиками, но Президент Италии по сравнению с Федеральным президентом Германии обладает большим объемом полномочий.

Федеральный президент является первым лицом государства и ему отказано входить в состав правительства, а также законодательный орган Федерации или земли. Представляется, что в Германии полномочия Федерального президента носят формальный, репрезентативный характер. Глава государства не проводит самостоятельного политического курса, основные направления внутренней и внешней политики определяет Федеральный канцлер. Кроме этого, он не наделен полномочиями Верховного главнокомандующего Вооруженными силами. В соответствии со ст. 65 Конституции ФРГ Федеральный министр обороны пользуется правом издания приказов и командования вооруженными силами [14].

Заметим, что все предписания и распоряжения Федерального президента становятся действительными только после контрасигнатуры Федеральным канцлером или компетентным федеральным министром.

В соответствии с Конституцией Франции президент признается гарантом национальной независимости, территориальной целостности Французского государства [15, с. 81–116]. Также в сферу его деятельности входит обеспечение «своим арбитражем» функционирования публичной власти, преемственности государства. Францию принято относить к республикам со смешанной формой правления. С одной стороны, Президент Франции обладает полномочиями, реализация которых невозможна без контрасигнатуры со стороны правительства (это черта парламентской республики), а с другой стороны, у него есть значимые «личные» полномочия, которые он вправе осуществлять даже без его согласия (это черта президентизма) [3, с. 88].

Отметим, что Президент Франции обладает широкими полномочиями по охране суверенитета, независимости, государственной целостности, что вытекает из его конституционной характеристики как «гаранта» и Главнокомандующего Вооруженными силами. Следует заметить, что Президент Франции является активным участни-

ком законодательного процесса и ему принадлежат следующие полномочия: промульгация уже принятых законов; возможность потребовать от парламента нового обсуждения закона; передача закона в Конституционный совет для проверки конституционности положений; выступление с законодательной инициативой.

В соответствии со ст. 16 Конституции Франции в случаях, когда институты Французского государства, независимость нации, территориальная целостность или выполнение государством международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных государственных властей прекращено, Президент Франции объявляет чрезвычайное положение [15, с. 81–116]. Отметим, что до конституционной реформы 2008 г. Президент Франции имел право ввести чрезвычайное положение без какого-либо контроля [16, с. 194]. Теперь в результате реформы появилась возможность для Конституционного совета рассмотреть вопрос о соблюдении всех условий для использования чрезвычайных полномочий главой государства.

К республикам со смешанной формой правления также относится Кыргызская Республика. В соответствии с Конституцией Кыргызстана Президент является главой государства и олицетворяет собой единство народа и государственной власти [17]. Он обладает достаточно обширными полномочиями в сфере охраны суверенитета, независимости и целостности государства (например, кадровые полномочия, примером которых являются назначение и освобождение от должности руководителей и заместителей государственных органов, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности; по согласованию с премьер-министром назначает и отзывает глав дипломатических представительств).

Президент Кыргызстана представляет государство внутри страны и в международных отношениях. Он наделяется правом заключать международные договоры с согласия премьер-министра. Глава государства обладает чрезвычайными полномочиями, которые выражены в полномочиях Президента Кыргызстана вводить на территории всего государства или в отдельных местностях чрезвычайное положение, объявлять общую или частичную мобилизацию, вводить военное положение и объявлять войну.

Стоит отметить, что при главе государства действует Аппарат Президента Кыргызстана, обладающий широкими полномочиями для обеспечения его деятельности. Заметим, что данные полномочия являются производными от полномочий главы государства и предопределя-

ются функциями президента. Например, структурным подразделением Аппарата Президента Кыргызстана является отдел внешней политики, обеспечивающий деятельность главы государства по вопросам внешней политики. Одним из направлений его деятельности является подготовка предложений по обеспечению защиты суверенитета и территориальной целостности на международной арене [18].

Представляется, что в каждом государстве при президенте функционируют различные консультативно-совещательные органы, способствующие реализации его полномочий и функций. Например, в Италии действует возглавляемый президентом Верховный совет обороны, анализирующий политические и технические вопросы, непосредственно связанные с национальной безопасностью и обороной государства [15], а в Республике Казахстан [12] и Кыргызской Республике [17] – возглавляемый президентом Совет безопасности. Заметим, что объем полномочий вспомогательных органов при президенте непосредственно зависит от формы правления. Так, в президентских и смешанных республиках, в отличие от республик с парламентской формой правления, органы, обеспечивающие деятельность главы государства, обладают значительным объемом полномочий для проведения решений президента.

Заключение

На основании проведенного исследования полномочий президента в США, Казахстане, Италии, Германии, Франции и Кыргызстане можно сделать вывод, что охрана суверенитета, независимости и государственной целостности является одним из направлений деятельности, которое традиционно относится к главе государства. В конституционном законодательстве большинства стран для определения роли президента используются такие формулировки, как: «символ и гарант единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина» в Республике Казахстан; «представитель национального единства» в Италии; «гарант независимости, целостности территории, соблюдения международных договоров» во Франции; «олицетворяет единство народа и государственной власти» в Кыргызстане и др. Заметим, сходство формулировок, характеризующих президента в государствах с разными видами республиканской формы правления.

На основе анализа положений конституционного законодательства зарубежных государств представляется, что к основным направлениям деятельности президента, обеспечивающим

реализацию функций государства по решению стоящих перед ним задач, относится защита суверенитета, независимости и государственной целостности, поскольку данная сфера непосредственно связана с обеспечением безопасности государства. Стоит отметить, что широкое распространение получило законодательное закрепление в Основном законе государства принесения президентом клятвы перед вступлением в должность. Так, например, Федеральный президент ФРГ клянется «посвятить свои силы благу немецкого народа, умножению его достоинства, оберегать его от ущерба, блюсти и охранять Основной закон и законы Федерации» [14].

Все функции главы государства независимо от сферы деятельности связаны с обеспечением безопасности государства и защитой его жизненно важных интересов как от внутренних, так и от внешних угроз. При этом к жизненно важным интересам государства, без надлежащей защиты которых невозможно его самостоятельное существование и развитие, относится обеспечение суверенитета, независимости и государственной целостности. Их защита является важнейшим направлением обеспечения безопасности государства, которое включает в себя все сферы реализации полномочий президента, а также системы органов власти в целом. При этом обеспечить данное направление возможно только при слаженной работе и взаимодействии всех органов государственной власти, возглавляемой главой государства.

Для защиты суверенитета, независимости и государственной целостности государства президент наделяется полномочиями в области внутренней и внешней политики. Условно их можно разделить на: кадровые полномочия, примером которых являются полномочия по формированию высших органов государственной власти, назначению государственных служащих (это могут быть самостоятельные президентские назначения или назначения при участии других органов власти); управленческие полномочия, связанные с полномочиями по распоряжению вооруженными силами и урегулированию чрезвычайных ситуаций; правотворческие полномочия, примером которых являются издание и отмена нормативных актов; внешнеполитические полномочия, связанные с ведением переговоров и подписанием международных договоров и соглашений; полномочия в сфере конкретизации правового статуса личности, примером которых является награждение государственными наградами.

Представляется, что от разновидности республиканской формы правления зависят роль

и место президента в системе органов государственной власти. В парламентских республиках роль президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности имеет символическое значение, полномочия носят формальный и репрезентативный характер, а в президентских и смешанных республиках президенту отводится ведущая роль, поскольку он обладает реальной властью при формировании и реализации государственной политики.

Список литературы

1. Черепанов В. А. Конституционное право России : учебник для бакалавров. М., 2016. 368 с.
2. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2000. 832 с.
3. Чиркин В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. 240 с.
4. Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 592 с.
5. National Security Act of 1947. 50 USC. URL: <http://global.oup.com/us/companion.websites/9780195385168/resources/chapter10/nsa/nsa.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).
6. Лейбо Ю. И. Конституционное право зарубежных стран : учебник. М., 2012. 264 с.
7. Резолюция о военных полномочиях. URL: <http://constitutions.ru/?p=7751> (дата обращения: 10.07.2017).
8. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М., 2013. 520 с.
9. Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986. Public Law 99-433 99 Congress. Oct. 1, 1986. P. 1074-1075. URL: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-Nichols-DoDRcordAct1986.pdf (дата обращения: 10.07.2017).
10. Executive Order on 27 January 2017 «Protecting the nation from foreign terrorist entry into the United States». URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/3431047/Extreme-Vetting-EO.pdf> (дата обращения: 14.07.2017).
11. Американская спецслужба раскритиковала миграционный указ Трампа. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39087074> (дата обращения: 16.07.2017).
12. Конституция Республики Казахстан : принята всенародным голосованием 30.08.1995 (с учетом поправок, внесенных Законами РК о поправках к Конституции РК от 07.10.1998 № 284-I, от 21.05.2007 № 254-III, от 02.02.2011 № 403-IV, от 10.03.2017 № 51-VI) // Казахстанская правда. 2017. № 51 (28430).
13. О Первом Президенте Республики Казахстан – Лидере Нации : Конституционный закон РК от 20.07.2000 № 83-II. (ред. 15.06.2017) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2000. № 10, ст. 232 ; Казахстанская правда. 2017. № 133 (28512).
14. Урьяс Ю. П. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. 472 с.
15. Маклаков В. В. Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. М., 2012. 616 с.
16. Шевонтиан П. Пересмотр конституции и Президент Франции: Гиперпрезидентализма не случилось // Современное конституционное право : сб. науч. тр. М., 2010. С. 191–196.
17. Конституция Кыргызской Республики : принята всенародным голосованием 27.06.2010 (с изменениями от 28.12.2016 № 218). URL: <http://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 10.07.2017).
18. Президент Кыргызской Республики : [сайт]. URL: http://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/struktura_apparata_prezidenta/ (дата обращения: 16.07.2017).

Образец для цитирования:

Анохина А. А. Роль президента по охране суверенитета, независимости и государственной целостности в зарубежных странах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 477–483. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-477-483.

The President's Role in Preserving Sovereignty, Independence and National Integrity in Foreign Countries

A. A. Anokhina

Alena A. Anokhina, ORCID 0000-0003-2262-5346, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, ano-alena@yandex.ru

Introduction. The preservation of sovereignty, independence and national integrity is one of the main functions of any state because it is directly connected to the state's existence and purpose. This function is exercised by means of carefully coordinated work of all

governmental entities, led by the head of state. In countries with a republican form of government the President is considered the head of state. The President's functions and amount of powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity depend on the type of the republican form of government.

Purpose. The main goal of this article is a comprehensive analysis of the President's role and powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity depending on the form of government. **Results.** The author confirms that there are significant differences in the President's powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity. Those differences significantly depend on the country's form of government. However, there are powers common to all countries, regardless of

their form of government. **Conclusion.** The President's powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity largely depend on the President's general role in the system of governmental entities. In republics with presidential or mixed forms of government the President is granted extensive powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity. In a parliamentary republic, the President's powers are more formal and representative in nature. The real powers in the area of preservation of sovereignty, independence and national integrity and in the general area of managing the government lie with a separate executive branch.

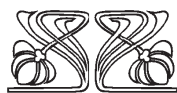
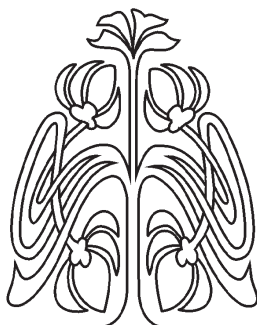
Key words: president, form of government, sovereignty, national security, representative powers, management powers, state authority.

References

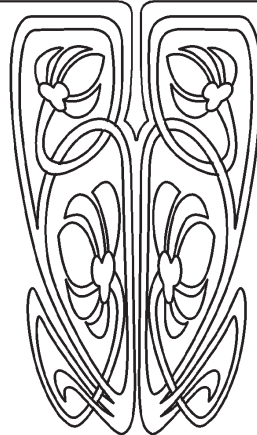
- Cherepanov V. A. *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia. Textbook for bachelors]. Moscow, 2016. 368 p. (in Russian).
- Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries. Textbook for high schools. Ed. by M. V. Baglaj, Yu. I. Lejbo, L. M. Jentin]. Moscow, 2000. 832 p. (in Russian).
- Chirkin V. E. *Glava gosudarstva. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Head of state. Comparative legal research]. Moscow, 2010. 240 p. (in Russian).
- Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of foreign states. Textbook. 3rd ed., rev. and add.]. Moscow, 2001. 592 p. (in Russian).
- National Security Act of 1947. 50 USC. Available at: <http://global.oup.com/us/companion.websites/9780195385168/resources/chapter10/nsa/nsa.pdf> (accessed 10 July 2017).
- Lejbo Yu. I. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [The Constitutional Law of Foreign Countries. Textbook]. Moscow, 2012. 264 p. (in Russian).
- Resolution on military authority. Available at: <http://constitutions.ru/?p=7751> (accessed 10 July 2017) (in Russian).
- Mishin A. A. *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional (state) law of foreign countries. Textbook for high schools 17th ed., rev. and add.]. Moscow, 2013. 520 p. (in Russian).
- Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986. Public Law 99-433 99 Congress. Oct. 1, 1986. P. 1074-1075. Available at: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf (accessed 10 July 2017).
- Executive Order on 27 January 2017 "Protecting the nation from foreign terrorist entry into the United States". Available at: <https://assets.documentcloud.org/documents/3431047/Extreme-Vetting-EO.pdf> (accessed 14 July 2017).
- Amerikanskaia spetssluzhba raskritikovala migratsionnyi ukaz Trampa (The American special service criticized the migration decree of Trump). Available at: <http://www.bbc.com/russian/news-39087074> (accessed 16 July 2017) (in Russian).
- The Constitution of the Republic of Kazakhstan: adopted by the popular vote 30.08.1995 (amended of 07.10.1998 No. 284-I, of 21.05.2007 No. 254-III, of 02.02.2011 No. 403-IV, of 10.03.2017 No. 51-VI). *Kazakhstanskaia pravda* [Kazakhstan's truth], 2017, no. 51 (28430) (in Russian).
- About the First President of the Republic of Kazakhstan – Leader of the Nation. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan of 20.07.2000 No. 83-II (an edition of 15.06.2017). *Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 2000, no 10, art. 232; *Kazakhstanskaia pravda* [Kazakhstan's truth], 2017, no. 133 (28512) (in Russian).
- Ur'jas Yu. P. *Federativnaia Respublika Germaniya. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [The Federal Republic of Germany. Constitution and Legislative Acts]. Moscow, 1991. 472 p. (in Russian)
- Maklakov V. V. *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropeiskiy soiuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya* [The constitutions of foreign states: Great Britain, France, Germany, Italy, European Union, United States of America, Japan. Textbook. 8th ed., add.]. Moscow, 2012. 616 p. (in Russian).
- Shevontian R. Peresmotr konstitutsii i Prezident Frantsii: Giperprezidentalizma ne sluchilos' [Revision of the Constitution and the President of France: Hyper-presidentism did not happen]. In: *Sovremennoe konstitutsionnoe pravo* [Contemporary Constitutional Law. Collection of Scientific Works]. Moscow, 2010, pp. 191–196 (in Russian).
- The Constitution of the Kyrgyz Republic: adopted by popular vote of 27.06.2010 (amended of 28.12.2016 No. 218). Available at: <http://online.zakon.kz/Document> (accessed 10 July 2017) (in Russian).
- President of the Kyrgyz Republic. Site. Available at: http://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/struktura_apparata_prezidenta/ (accessed 16 July 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Anokhina A. A. The President's Role in Preserving Sovereignty, Independence and National Integrity in Foreign Countries. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 477–483 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-477-483.

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2018 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36012, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

Адрес издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83;
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
Website: <http://eup.sgu.ru>